

φ 10-75
595

P

940

A^o 214

2-1/2 315

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА,

СОЧИНЕННОЕ

на

Аглинскомъ языкѣ

МИССЪ СОФІЕЮ ЛЕЕЮ,

съ Аглинскаго по двѣнадцатому
изданію переложено на Фран-
цузской,

а съ Французскаго на Рос-
сійкой.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Москва,
въ Типографіи А. Рѣшетникова
1794.

П Е Ч А Т А Н О
съ Указнаго дозволенія.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ издателя.

Хотя не позволено мнѣ открыться, какимъ образомъ досталъ я древній манускриптъ, изъ котораго почерпнулъ сію исторію; но единая протрѣпота сочиненія можетъ содѣлать его достовѣрнымъ. Виновнымъ только себя признаю въ томъ, что индѣ не понявъ выражений Авторскихъ, изразался слогомъ новѣйшимъ. Чудныя происшествія иногда въ другихъ сочиненіяхъ умаляютъ правдоподобіе, здѣсь же оное утверждаютъ хотя царствованіе Елисаветы и было похоже на вымышленныя происшествія. Но когда бышествованіе Героини сей есть не мечтательное, то мало найдется подобныхъ ей. Поколѣніе, отъ котораго она произошла, какъ повѣствуетъ одинъ знаменитый Историкъ, отличилось своими необыкновенными бѣдствіями.

Качества ея изображенныя въ сихъ памянникахъ представляются въ шаковомъ же видѣ, какъ и во Песто

рїи. Ежели по любви и дружбѣ при-
крыты погрѣшности и возвеличены
добродѣтели, то достойно изви-
нить ее въ нѣкоторыхъ слабостяхъ,
коихъ ни единый смертный избѣ-
жать не въ состоянїи. Исторїя, какъ
какъ живопись, изображаетъ не жи-
вый образъ. Часто добрыя и худыя
дѣянїя Государей производятъ отъ
приспращїя или отъ предразсуд-
ковъ, обитавшихъ во глубинѣ ихъ
сердецъ; но и тѣ предаются забвенїю.

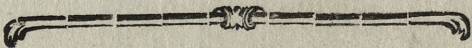
Бѣдность временъ содѣлала въ
сей Исторїи нѣкоторыхъ листовъ
упуски, которыя заставляють объ
ней сожалѣть. Достоподжная почти-
тельность къ истиннѣ не допустила
меня выполнить тѣхъ мѣстъ, кото-
рыя по видимому имѣли нѣкоторый
недостатокъ.

Сїе сочиненїе со униженїемъ по-
свящаю я сердцама обоого пола, ко-
ихъ натура украсила чувствитель-
ностїю пользоваться вѣденїями, бу-
дучи увѣренъ, что они не лишатъ
его своего покровительсва.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,

ИЛИ

МАТИЛЬДА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1891

PHYSICS

JOHN H. PEARSON

LECTURE NOTES

ПОДЗЕМЕЛЬЕ
или
МАТИЛЬДА,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ко Аделедѣ Демонт-Мораніѣ.

Вступая въ объясненіе должайшей и труднѣйшей преграды, сердце шрепещетъ ошѣ спраданія, очи изсыхають ошѣ слезѣ, мысль мою обращаю ко гробу, въ кошорой низбуйши топовляюсь. По что, любезный другѣ! еще возбуждаешь во мнѣ, чшобѣ я упоевала себя печальнымѣ воспоминовеніемѣ? Таковѣ-шо былѣ особливый мнѣ предѣлѣ. За симѣ уже зрѣла себя привязанною къ человѣческой жизни узами священными и леспными надѣянїями. Не ошалось бы никакого вида о моемѣ существо-

Томъ I

А

ванїи

ваніи, естли бы не мучимы были совѣстїю шѣ, кои считали меня, яко очистишельною жершвою, за грѣхи моихъ предковъ; а по справедливости не надлежало бы мнѣ споль несчастливою жишь, какъ я жила, и умереть вскорѣ.

Требуете вы повѣствованія тако-го, которое предъ глазами моими являешся не инымъ чемъ, какъ злополучіемъ растворяющимъ раны моего сердца, дабы пѣмъ самимъ каршину исполненную несчастія представить въ публикѣ таковымъ, кои ропщущъ на небо, бывъ пронушы малымъ несчастіемъ. Пусть сравниющъ свое злополучіе съ моимъ, кое терплю я. Да научатся они справедливо творить свою жалобу на правосудіе и самихъ себя. Уже предпріяла я шонъ грубаго нравоученія. Увы! таковое право имѣющъ несчастливцы попускашь себя входить въ дальное и неимовѣрное разсужденіе.

Рожденіе мое есть родъ случая необыкновеннаго; а можешъ быть и показалось бы невѣроятнымъ, естли бы

оно

оно не имѣло свидѣтелей, коихъ я пред-
ставлю тогда, когда буду о семъ раз-
суждать. Находилась я и сестра моя
шѣхъ же лѣпѣ въ одномъ пространномъ
покоѣ съ женщиною молодою и добро-
дѣтельною, и служанкою, которая по-
спарѣе была насъ. Жили мы во вся-
комъ и полномъ удовольствіи, доста-
вляемомъ намъ чрезъ неизвѣстныя ру-
ки. Зданіе сіе приличнѣе назвать пе-
щерою; однакожъ раздѣлено оно на
разные покои. Всякій покой имѣлъ свои
выходы и входы, и свѣпѣ проходилъ
къ намъ чрезъ слуховое окно, сдѣлан-
ное въ сводѣ покоевъ. Но мы не знали,
еспили на поверхности свѣпѣ или во
все его не было, и лучъ солнца сочли
за новой предметъ, когда вышли изъ
своей пещеры.

Младая Госпожа, о которой я ска-
зала выше, называла насъ своими дѣпѣ-
ми, лаская насъ матернею любовію. Да
и мы были шихи и крошки, къ тому
же и не дивно ей имѣпѣе поликую лю-
бовь къ двумъ ребятамъ; ибо она не
имѣла инаго предмета, чемъ упѣшашь-

ся кромѣ насъ. Всякое утро мы собирались въ другую большую комнату, въ которой совершалъ Божественную службу почтенный старецъ, окончивая оную поучительную рѣчью, дабы мы жили въ смиреніи и привыкали къ пустынному жишю и непорочности. Слыхали мы отъ него, что свѣтъ не иное что, какъ великое и ужасное собраніе земли, коимъ владѣетъ непостижимое Существо, и кое къ счастію нашему хранитъ насъ отъ неизвѣстнаго зла; за что мы должны его благодарить. Время дозволило сему человѣку властительну бытъ надъ нами. Мы взирали на него съ великимъ подобострастіемъ, наибольшѣе влагалъ въ насъ страхъ его видѣ. Представъте себѣ человѣка лица смуглаго, рослу немѣреннаго и сильного, облеченна въ черную одежду; тогда узнаете, что видѣ его насъ въ ужасъ приводилъ. Къ тому же суровый его нравъ являлъ не проникаемое огорченіе, обитающее внутри его сердца; по сему онъ и казался хотя въ предвремьной старости, а еще огонь сіялъ на лицѣ его, голосъ повелительной,

ной, неограниченная власть надъ нашимъ малымъ обществомъ; мы называли его оцемъ Антоніемъ, слышася ошъ нашей приставницы, коей онъ былъ брашъ, обѣдалъ онъ съ нами всегда, а потомъ уходилъ незнаемо куда даже до ушра. Между шѣмъ мы провождали вечера въ какой либо малой работѣ, или въ разговорѣ съ нашею Машерью, которая внушала намъ начала вступленія въ свѣтъ, обучая насъ бытъ неуспрашными. Она была нашимъ просвѣщеніемъ. Ею одною чувства наполнены моего сердца, кои я потомъ и сестра моя испытали собою.

Колко образъ ошца Антонія казался намъ звѣрообразенъ, шолко намъ нравъ нашей машери казался, крошокъ и благопріятенъ; но изнуреніе и грусть какъ бы были написаны на чертахъ ея лица: блѣдна, шомна до сожалѣнія; красота ея увядала, сосшавы ея членовъ ослабѣвали, а впрочемъ была преисполненныхъ достоинствъ; разумъ ея просвѣщенъ, во всю свою жизнь обогащалась новымъ познаніемъ съ великимъ прилѣжаніемъ; я
всег-

всегда была при ней въ тѣ часы, въ копорые Элеонора забавлялась слушаніемъ какихъ либо чудныхъ повѣстей, кои веселятъ младенцовъ; но мысли мои простирались до того, дабы узнать о нашемъ началѣ и заключеніи. Мы уже знали, что отецъ Антоній скрывался вечеромъ отъ насъ въ обыкновенные часы: а пошому оспашокъ шаинства домогались изыскивать, но во всѣхъ поискахъ были не удачны; ибо другихъ проходовъ не было какъ изъ дверей въ двери. Элеонора мысленно воображала себѣ, что мы всеконечно находимся во власти какого нибудь чудовища, и говорила, что былъ это колдунъ, копорый топовитъ себѣ насъ на жершву; а по сему отецъ Антоній и пришелъ ей въ великое омерзѣніе. Напрошиву того я, думала иначе, взирая на свое жилище, яко священное, копорое насъ удаляетъ отъ всякихъ суешностей; а отецъ Антоній подкрѣплялъ сію мою мысль, о чемъ намъ извѣстно было отъ служанки нашей Аликсы, копорая насъ обѣихъ любила,

била, а паче Элеонору, но скрывала шокмо бышіе наше: однакожъ время опѣ время мы опважились навѣдываться о семъ, опѣ нашей приславницы, но ея опвѣшы приводили насъ въ недоумѣніе; и такъ щещное было наше покушеніе.

Нѣкогда ей случилось для нуждъ своихъ опѣхатъ недѣли на двѣ; что насъ весьма огорчило; но будучи свободны, старались узнать таинственный исходъ нашего жилища. Наконецъ начали плакать, какъ обычно дѣшамъ о матери. Аликса насъ упѣшала, говоря, что она не надолго оплучилась, но не оставляя насъ ни на минушу не заперала послѣ обѣда; ибо въ сїи часы опецъ Антоній уходилъ опѣ насъ для своихъ надобностей.

А какъ мы пріучены были къ чпенію книгъ, то въ сїи часы и упражнялись въ томъ; но вдругъ пришла намъ мысль разсматривать карпины и чпшашъ нѣкоторыя вкращѣ надписи подъ ихъ ногами; оныя расплавлены были въ порядкѣ, и украшали

по-

покой нашъ. Элеонора обращаясь на одну изъ шѣхъ, на которой представленъ былъ человекъ старый съ Историческою надписью, кошорая довела насъ до слезъ ошъ смѣха; а я обращаясь на другую, разсмапривали со вниманіемъ: она представляла человека въ видѣ благородномъ и прекрасномъ; одежда его, о каковой я тогда разсудить не умѣла, но послѣ узнала, была воинская броня; пажъ его несъ шлемъ, власы его были пепельнаго цвѣща, вились буклями по его плечамъ, окруженъ онъ былъ всякими почестями воинскими; очи его, казались мнѣ, зряшъ на меня съ пріятностію, что вліяло и въ мое сердце чувствительную преданность. Я побормошавъ нѣсколько словъ, пала на плеча сестры моей. Элеонора обращаясь и пошчасъ возрѣвъ на меня, узнала причину моей слабости; пошомъ разсмапривала я вновь сей портретъ, и находила со удивленіемъ черты его подобными сестрѣ моей наипаче когда она чело сморщитъ, и когда улыбается, что имѣетъ шже свойство. Сія

кар-

картина вліяла въ меня шаковое почтеніе, что я не въ состояніи сего объяснить далѣ. Я разсмапривала другіе, тогда представилась женщина въ другихъ лѣсахъ, облечена въ праурное плащье, всѣ ея чершты означали чрезвычайную печаль, черное покрывало опущенное въ полы, являло, что она горько плачетъ надъ короною. Сей послѣдній портретъ вліялъ въ насъ необычайное почтеніе, а внуши чувствовали къ оному безъ мѣры состраданіе. Текли у насъ слезы ручьями прошиву нашей воли, и мы обнявши крѣпко другъ друга горько плакали, что шаковое вѣщаетъ намъ сей портретъ, воскликнула я! чегожъ ради соучаствуемъ ему во спраданіи, не знавъ причины? По истиннѣ сѣ производитъ въ насъ непоспизимую шайну, а можетъ бышь насшупитъ часъ, который опкроетъ намъ познаніе. За нимъ мы схватившись руками, разсмапривали прочія картины, но ни копорая изъ шѣхъ не произвела въ насъ побужденіе, а шолько о первой занимались мы разсужденіемъ, и разговаривали.

Обы

Обыкновенно бываетъ, когда молодому человѣку поселился что либо въ сердце, того уже отврашши не можеть весь свѣтъ. Когда мы живы будучи погребены яко во гробъ въ нашей шемницѣ, обрацали мысль свою къ тому предмету, не зная почему, и будпо зрѣли ее всегда предстоящею предъ нами, хотя наконецъ и стыдились о нашемъ суевѣрїи, то въ ту минушу наша приставка возвратилась. Мы бросились въ ея объятїя, но съ неперпѣнїя прервали ея ласковость, вопрошая, что значить сїя картина? Она возрѣвъ на насъ со удивленїемъ, вдругъ глаза ея исполнились слезъ, приказала, чтобъ мы ее оставили наединѣ, и съ беспокойнымъ видомъ кликнула къ себѣ Аликсу; поговоря съ нею не долго, ушла, но всячески убѣгала отъ нашего вопроса, занимая насъ то музыкою, то рисованїемъ, Географїею, или обучая Поэзию. Всякой же разъ, когда мы покусимся вопрошать ее о тайнѣ нашего бышїя, пождите, отвѣчала она, мои любезные дѣти, еще не время; наста-
нешѣ

нѣтъ день, вы, увы! узнаете тогда причину, нынѣ же оставлю васъ въ сомнѣнїи. Такимъ образомъ провождали мы время своей юности, пребывая въ смущенїи и близась къ періоду нашего разсудка.

Простите, что я останавлиюсь на время сей сцены прїяшной: ибо не могу столь скоро объяснить вамъ то, что лежишь на моемъ сердцѣ; мы же между шѣмъ прислѣвали лѣшми, льстя себя надеждою бышь нѣкогда свободными отъ своего заключенїя, а юность неразумная вливала намъ желанїя будущаго увеселенїя; слабость человѣческая доводишь иногда исполненїе желанїя въ раскаянїе. Увы! когда бы человѣкъ могъ бышь безъ искушенїя, тогда бы можно было его именовать счастливымъ.

Опецъ Антонїя хотя напоминалъ намъ почасту наше заключенїе, дабы мы сносили его съ твердостїю духа. Сїе сожитїе ограждаетъ нашу мысль, говоришь онъ, а припомъ доказывалъ, что мы не окончили и половины на-

шей науки. Пріятно намъ было таковое ушѣшеніе. Напропиву того наша присланица, бывъ преисполненна добродѣтели, всегда увѣряла насъ о будущемъ желаніи. Увы! любезные дѣши, пакъ называла насъ почасу: чего ради желаете вы оставить сіе уединеніе? и вѣрите, что наконецъ будете воспоминашь лестное веселіе, смѣшенное съ сожалѣніемъ. Вопще тогда пожелаєте въ него возвратиться. Лишиться вы наслажденія, которое вамъ предлагаетъ сія пущыня. Найдутся люди, кои займутъ ваши мѣста; но вы не думайте сего, чшобъ я споль имѣла слабости огорчать васъ, а желаю вамъ быть благополучными; увидите желаемый вами свѣтъ, онъ будетъ пріятенъ вамъ, но на перьвый взоръ.

Мы по семъ обняли ее съ несказаннымъ восхищеніемъ, вскричавъ объ: увидимъ, машушка, и наконецъ увидимъ себъ подобныхъ!

Что вы говорите, мои любезные? отвѣчаетъ она; ахъ! знайте, что вы увидите мало себъ подобныхъ.

На

На другой день назначенъ былъ намъ выѣздъ. Мы разъ пятьдесятъ вязали и перекладывали наши укладки, дабы умалить нашу нетерпѣливоспъ. Наспалъ часъ... наша благодѣтельница входитъ въ нашу комнату съ видомъ гнѣвнымъ, аки движима нѣкакою тайною, копорая шягошитъ ея внутренность.

Любезная мать, говорила я ей: развѣ печалишь васъ то, что дѣлаешъ насъ счастливыми?

Нѣшъ, Машильда, ошвѣчала она; оторчаешъ меня то, что вы не будете жить въ сей пущынѣ, ибо ошселъ я ваша не буду сродница. Что не доспаешъ, вамъ дѣшяшъ моимъ, питомымъ моимъ сердцемъ? Увы! по что извлекли? и по что принуждаешъ выговоришь прошивъ моей воли, что я не еспъ ваша мать, и вы иначе не будете меня называшъ, какъ Мисприсъ Мелло.

Мы не будемъ себя звашъ матерью? сказали мы залившись слезами, да гдѣ же она?...

Вы уже не имѣете отца, даваго вамъ бышіе; онъ умеръ а мать ваша еще жива.

Жива она, но живеть не ради васъ; далѣе не вопрошайте меня. Довольно того, что я вамъ опирала; а когда придетъ время, опкрою все. Не огорчайшесь, мои любезные дѣти! Я хопя именовашья не буду вашею матерью, но буду всегда имѣть къ вамъ сію горячность. Всѣмъ извѣстно, что я не была сопряжена ни съ кѣмъ супружесвомъ. Но что понудило меня объявить вамъ о моемъ безпорочномъ поведеніи, причину сему узнаете вы послѣ; а я внушаю вамъ, чтобъ вы были весьма скромны о бышій вашего жилища, и прошу васъ содержать сіе въ тайнѣ.

Столь строгое запрещеніе произвело въ насъ великій ужасъ. Желаніе наше быть на свободѣ исчезло. Взирали мы одна на другую съ шрепетомъ, представляя себѣ, какое намъ предвѣщается несчастіе. Но чтобъ сіе проникнуть, паче умножились воздыханія наши... Она жива, но живеть не ради насъ.

насъ. Таковыя слова раздирали сердца наши съ самой шой минушы, въ копорую помышляли мы о будущей свободѣ нашей.

По семъ, какъ мы обѣщались быть молчаливы, она покрыла лица наши, взявъ за руку меня сестру и Аликсу, вела насъ чрезъ разныя проходы весьма холодныя. Послѣ нѣсколькихъ минушъ открыла намъ глаза. Мы узрѣли монастырь, изъ когто видѣнъ былъ садъ.

Не въ силахъ я объяснить, какое влїяніе впечатлѣлось въ сердцахъ нашихъ. Домъ построенный на высотѣ, окруженъ былъ плодоносными долинами, перемѣшенными густымъ лѣсомъ и множествомъ маленькихъ покойцевъ, во единое мѣсто соединенныхъ, коихъ одна поверхность видима была. Солнце при своемъ закатѣ предспавлялось окружаемымъ позлащенными и пурпуровыми облаками. Думали мы, что ослѣпнемъ, на его взирая. И хотя мы слышались и начинались о семъ свѣшилъ, но въ видѣ самомъ являлось оно

Б 3

иначе.

иначе. Воображеніе представляло чуднаго художника, а въ напурѣ превосходнѣе мы его узрѣли.

Мы бѣгали по всему зданію, о копоромъ вскорѣ услышали, что называютъ паламами; ибо зданіе сіе построено на разоренномъ мѣстѣ монастыря Святаго Винкеншїя; да и попересройкѣ имѣновался шѣмъ же званіемъ. Строеніе было Готтичское и прекрасное. Веселило насъ наипаче сіе, что служивши дому имѣли спмѣнное почтеніе къ Мисприсъ Меллѣ, и она повелѣвала ими властительно. Наконецъ извѣщено намъ, что она была сестрою Лорда Скроопа, коему сіе имѣніе принадлежало. Она успушила намъ одинъ изъ ея покоевъ. Прелестъ новаго созерцанія, всѣ предметы насъ окружающіе, да и вселившаяся въ насъ прежняя меланхолія, препятшвовали нашему покою закрышь глаза во всю ночь; а первый лучъ восходящаго солнца возбудиль насъ совершенно.

Простите меня, государыня, что я остановлюсь на минушу. Минуша сія, о

которой я извѣщаюся, кажется, вообража-
етъ все происходящее въ очахъ нашихъ.
До того казался намъ блистающъ бриллі-
аншъ, но лучей блиспаніе превосходитъ
его тысячемикрашно. Думали, что сама
нашура поселилась въ немъ, разпростирая
свои лучи на лѣса, холмы и всякую
травинку во всей своей славѣ. Пѣніе
птицъ веселило всякое созданіе, какъ бы
нудило воздать Всевышнему почитаніе,
благодарность, и напаяло сердца наши
удивленіемъ.

„ Всесильный Господи Боже! вопія-
ли мы, падши ницъ, возри на два се-
рдца, которыхъ въ неизмѣримомъ про-
странствѣ всея вселенной не имѣюшъ
инаго покровителя, кромѣ Тебя еди-
наго; вразуми слѣдовать истинному
благу.. Но еслили мы осуждены предѣ-
ломъ Твоимъ святымъ, быть несчаст-
ливыми, по благоволи обратишь его
во благо. „

Посомъ гуляя, видали мы стадо
обезьянъ и разныхъ дикихъ животныхъ,
за коими ходили и бѣгали, проходя
чрезъ покой Мисприсы Мелло де Па-
рки

рки такими спезями, кои показаны намъ прежде были. Но что насъ удивило? Примѣшя, что сїи живошныя, съ коими мы вѣ мысляхъ хошѣли познакомиться, спали дики и не прищупны. Надобно и намъ бѣгать, когда они отъ насъ бѣгутъ, тогда узнали на практикѣ, какъ намъ опецъ Антоній описывалъ, что всѣ живошныя бояшя сихъ, копорые созданы защищать все; но напротиву того они имѣютъ войну не шокмо съ живошными, но и съ подобными себѣ.

Мисприсъ Мелло доставила намъ всякаго званія учителей, какъ ради на ученія художествъ, такъ для просвѣщенія, поправляя все своею прилѣжносшю то, что мы вѣ заключеніи нашемъ мало разумѣли. А какъ и мы не имѣли склонности бытъ вѣ сообществвахъ; по сему Мисприѣ Меллы желаніе на и болѣе согласовалось съ нашимъ. Вѣ великомъ безпокойствѣи бывала она тогда, когда спанушѣ ей напоминаше о прибышїи Лорда Крооса. Ибо онѣ отправленъ былъ Королевой Елисаветою посломъ вѣ

Толландію, по и не замедлишь при-
бышь въ домъ свой; вскорѣ еще ко упраж-
ненію нашему служишь, что мы,
управишели и служишели наши, всякую
педѣлю собирались въ церковь: въ помѣ
соспояло наше сообщество; а всякую
суботу въ келью опца Антонія. Она
была на подобіе пещеры, которую Лордъ
Кроопъ ему построилъ; (понеже онъ
ему былъ свойственникъ по той же
спепени, какъ Мисприсъ Мелло), по-
строена она была на пригоркѣ и осаже-
на густою рощею, столь частою, что
подошедъ въ самую близость, трудно
узнать ее тамъ. Упѣшились мы зрѣ-
ніемъ тысячу новыхъ предметовъ, у-
крѣпляя мысли, какимъ образомъ луч-
ше принявъ намъ нашего почтеннѣйша-
го Министра. Когда же вызывали какія
обстоятельства Мисприсъ Меллу, тогда
выводилъ изъ сего дому. Мы слѣ-
довали за ней безошлучно... Подаяніе
бѣднымъ происходило чрезъ наши руки;
повелѣвала она, чтобъ прилагали и мы
по возможности отъ себя къ тому. Ску-
дость есть великой порокъ во младо-

Томъ I

В

сти,

спи, мню я по сердцу своему; понеже пріятно мнѣ, когда меня даряшѣ, слѣдовательно и дашѣ одолжаюсь. Есшлы ощушишѣ кто возхощетѣ благошвореніе, тошѣ слѣдуй примѣру Мисприсѣ Меллы; она когда видишѣ несчастливаго, тогда милосшѣ, сожалѣніе являюща на ея лицѣ и печеша о немѣ, яко его хранишѣ Ангелѣ.

Такимѣ образомѣ прошли шри года вѣ ожиданіи Милорда Скроопа; хотя онѣ и выѣхалѣ изѣ Англіи, но былѣ заняшѣ шягосшно полишическими дѣлами и не могѣ пріѣхашѣ вѣ наше уединеніе. Одни дары, кошорыми онѣ насѣ снабдевалѣ, производили радость вѣ нашемѣ сердцѣ.

Между тѣмѣ сїи чувствительныя слова: „Машѣ наша жива, но живешѣ не для насѣ. „, безпрешанно шерзали наше сердце; да припомѣ желаніе наше спремилосшѣ узнать бывшее наше жилище, гдѣ мы заключены были десять или двѣнашцашѣ лѣшѣ сѣ рожденія. Часто мы обходили округѣ замка, дабы узнать обѣ ономѣ, но все было бездолезно. А изѣ

но-

почтенія къ Мисприсъ Меллѣ у служителей о томъ вопрошашъ не осмѣливались, да къ шомужъ запрещено намъ было ошнюдь не ходишь безъ провожашыхъ.

Мисприссъ Мелло, научала насъ не слѣдовашь своему воображенію, но побѣждашь свои желанія, предлагая намъ, что жизнь наша напщаспливѣе подобныхъ намъ. „ Здѣсь, говорила она, всякъ воленъ „ попрашь величавость, не вдаваясь въ „ рабское служеніе. Спокойствіе и невинность обитаютъ въ сердцахъ вашихъ, „ раздвѣшаетъ на лицахъ вашихъ здравіе; „ можете ли вы избѣжашъ искушенія, „ когото избѣжашъ никто не возможешъ, „ не возбуждая чувствъ къ желанію? Какая надобность видѣшь валяющихся „ въ порокахъ въ просбранствѣ свѣта? „ Что бы вы спали дѣлашь будучи у „ двора Елисаветы съ вашимъ добросердечіемъ и непорочностію? Тамъ не „ спавятъ за порокъ, употребляя лукавство вмѣсто чистосердечія; не пріемлютъ за доспойнаго, гдѣ нѣтъ лицемѣрія. Любовь, дружба двору не извѣсны. Носятъ сіе именованіе, но для

„ того , дабы уловишь чистосердечнаго.
 „ Красота женщинамъ во вредъ: но ешь-
 „ ли оной въ нихъ нѣтъ, то бывающъ
 „ презираемы. Препимущества чловѣче-
 „ скія ничто; одни деньги заемлющъ
 „ мѣста достойныхъ... Ахъ! мои дѣ-
 „ ши! благословише Бога, удалившаго
 „ васъ отъ двора. „

Признаюсь въ моемъ самолюбїи, что слушала я съ холодностїю, льстя себя, что не буду и я презрѣна у двора. Хотя по справедливости не надлежало мнѣ о семъ и думать, пошому что я подобныхъ себѣ никогда не видала. Окружили насъ одни замаранные крестьяне, горѣлые на солнцѣ, и такъ мы не шокмо не пеклись о красотѣ лицъ своихъ, но ниже помышляли; равно же и одежда наша была проспа. О нарядахъ драгоцѣнныхъ мы и понятїя не имѣли.

По сему мы и должны исполнять и повиноваться нравоученїю мапери нашей; но не угодно было Творцу, что-бы мы долгое время пребыли въ счастїи. Мисприсъ Мелло, единая наша
 отпра-

опрада, къ коей мы были привязаны, впала въ жестокую лихорадку. Не могу описать, въ какую печаль и опчаяніе ввержены мы тогда были. Обѣ не оплутчно спояли на колѣняхъ у кровати ея. Рыданіемъ опятощали небо, моляся спасти насъ отъ напасти. Правда, чпо она боролась съ своею болѣзнію, но наконецъ дошла до того, чпо сдѣлалась какъ живой мершвецъ. Всякое лекарство было для нее бесполезно. Въ одинъ день, бывъ мы въ бесѣдкѣ въ саду, прискакалъ нарочный курьеръ изъ Лондона, подалъ Мисприсѣ пакетъ съ письмами, копорой она распечатавъ, чипала съ смущеніемъ и пошчасъ послала за опцемъ Аншоніемъ. А коль скоро онъ вшолъ, остались наединѣ, совѣтовали. Попомъ Аликса вшедъ выговорила намъ, чпобъ мы шли пошчасъ въ сін покои.

Дѣши мои, говорила она дрожащимъ голосомъ, однакожъ съ веселымъ видомъ: нѣкопорый неожиданный случай нудишъ насъ возврашиться въ подземелье, уже всѣ шамъ готово. Вы сами можете понять, чпо необходимость

требуетъ сего, дабы пребыли вы въ шайнѣ, но почто вамъ грустить? Мы преселимся шуда не навсегда. Когда я любя васъ, будучи въ такомъ состоянїи, живую себя погребаю въ прежнее наше обиталище, то будешель вы столь неблагодарны, чшобъ бросить меня умереть одну.

Опвѣчали мы ей съ такимъ вздыханїемъ, которое насъ подавляло: мы въ сію минушу готовы. Да и пошли въ молчанїи собирать нашъ скарбъ, попомъшли въ ея покои, гдѣ былъ опецъ Аншонїй, спарый слуга Жамесъ Аликса.

Посемъ удалились отъ прочихъ служителей: сторожиха засвѣшила два факсла, повела насъ чрезъ анбаръ, опворила шкапъ, изъ коего была малая дверь, опворя ея вступили мы въ малой и темной кабинетъ, которой освѣждался нашими факелами, подняла половицу, къ коей былъ придѣланъ узскїй сходъ. Мы по немъ сошли; а она оспалась назади, замкнувъ насъ двумя замками. Мы проходили многими проходами; нако-

наконецъ дошли до прежней нашей пещи-цы. Но какъ я удивилась входу подземелья, когото мы сполько искали! а оной былъ покрытъ шою карпиною, копорая влагала въ насъ чувствительность необычайную.

Отецъ Антоній удержалъ меня, опведши прочь отъ Мисприсы Меллы; ибо она, аки безобразная отъ усталости и удивленія, вліяла въ насъ великую боязнь. Увы! сія любезная жена отъ сего часа не имѣла ни на минушу облегченія.

Примались мы съ немалымъ огорченіемъ за прежнія свои дѣла; а къ тому же бывъ въ великой печали, присоединилась къ намъ мысль, что наша мать не выдетъ живая изъ сего заключенія.

Бросимъ сіе проклятое мѣсто, говорила я Мисприсъ почаспу, бросимъ и пойдѣмъ какого нибудь инаго пустыннаго искашь обиталища, естли мы тебя лишимся!... Кшо намъ будетъ помощникъ въ нашемъ несчастіи! Мы теряемъ въ тебѣ все, что естъ дражайшаго въ свѣтѣ.

Почему же, любезное дитя! для чего же не пишь изъ тойже смертной чаши, изъ коей каждый смертный пишь принужденъ? Я съ младыхъ моихъ лѣтъ самопроизвольно ввергалась во гробъ. И такъ не спрашивай бышь ограбленной мнѣ по смерти? Сверхъ того вы знаете мою мысль, что я не вѣрю, дабы самопремудрѣйшій человекъ не могъ бышь привязанъ къ жизни, и могъ бы отворачивать смертный ударъ, когда Богомъ опредѣлено. Если же прошедшее время вспомнишь, оно по истиннѣ несчастіе для меня и для васъ; но какъ вы уже къ сей жизни обикли, за симъ, любезные мои дѣти, оспашаеся вамъ дать послѣднее наставленіе, ибо можете вы сами о себѣ разсуждать. Уповайте на Бога, Онъ васъ наставитъ.

Увы! ей опшвѣчала я, залившись слезами: сіе въ очахъ твоихъ, что мы дѣлаемъ добро или худо; но когда закроются сіи дражайшіе очи, тогда не можемъ различить сего.

Машильда, говоришь она, когда ты узришь себя на перевѣсѣ какого либо

важнаго дѣла : помни размышлять тогда съ своимъ сердцемъ, не видимо вложишь Богъ внутрь онаго свои премудрые совѣты; хощя мы не слышимъ его гласа; но оной не умолкаешь въ пространствѣ міра; естли вы не презрише моихъ совѣтовъ, Машильда, Элеонора, по я вѣщаю вамъ, и вѣрите, что мы увидимся въ будущемъ блаженствѣ и будемъ не разлучны: тогда я предстану престолу величества Божіа и возглашу: „Господи! Ты мнѣ ввѣрилъ двухъ агнцевъ, вопль онѣ такоу же непорочны, каковыхъ Ты мнѣ поручилъ.

Выговоривъ она шако, встала съ своего спула, и взявъ наши руки прижала къ своему сердцу, возведши свои очи на небо исполненныя слезъ. Я никогда не видала такого свѣтлозарнаго зрака, каковъ сіялъ на чертахъ Миссрисъ Меллы въ сей часъ; вижу я, вопила она, что душа моя лишается своего существованія соединишься съ блаженствомъ.

Машильда, Элеонора, любезные мои дѣвши, говоришь, седши, умилишель-

нымъ гласомъ: помните вы день, въ который я умалчивала удовольствоваться вашему любопытству. Нынѣ насталь онъ; желаю сей день посвятивъ на удовольствованіе вамъ. Внемлите и не любите меня больше, когда услышите отъ меня.

Мы пали цѣловавъ ея руки, не говоря ни слова. Братъ мой, продолжаетъ она, могъ бы сказать вамъ то же, еспли бы не мѣшали ему нѣкоторыя обстоятельства, повстрѣчавшіяся со стороны оной женщины, которая васъ любитъ и сострадаетъ вамъ.

„ Вы уже знаете, что я сестра „ Лорду Кроопу; но не извѣстно вамъ, „ что я рождена отъ слабости моей „ матери; не входя во всю подробность „ несчастій моихъ довольно вамъ знать, „ что желанія мои изъ самой младости „ стремились жить въ пущынь, по нѣ- „ которымъ злымъ приключеніямъ. „

Бывъ воспитана я въ домѣ Лорда Скроопа съ такимъ раченіемъ, аки законная дочь и наследница его; но лиши-

вшись

внись всего въ шестнашцать лѣтъ, щедрость и горячая любовь его сына успокоевала меня въ поперѣ. Спусти два года, онѣ нудилъ меня прилѣжно, чшобб я избрала себѣ по нраву избъ молодыхъ людей въ супружество. Выбрала я шакова, кошорый и меня удостоилъ своей ласковости, былъ уроженецъ избъ Ямайки и обладапель богашаго имѣнія послѣ его мапери, еще припомѣ виду прїяшнаго, души честной: эшого мало сказаць, чшо онѣ мнѣ милъ; согласилась я за него иппи за мужъ; мы сѣ нимѣ обвѣнчались. А какъ возвратились домой, потчасѣ подали намѣ письмо избъ Ямайки, чшо иду за мужъ за роднаго своего брата, сына Милорда Скроопа и моей мапери, кошорый будучи въ Ямайкѣ, составилъ себѣ великое богатштво.

Сей братѣ и мужѣ, еспѣ отецъ Аншонїй, кошораго вы видите въ сей пустынѣ; а тогда именовался (Конвилъ), хощя былъ сложенїя крѣпкаго, однако не снесѣ и упалъ на землю, услыша не ожидаемую новость, и
впалъ

впалъ въ чрезвычайную печаль; разположился ѣхать въ свое рошечество, раздавъ свое имѣнїе, опираишься въ Англію и заключишь себя въ монастырь, оставя и мнѣ довольную часть. А какъ желаніе его было сходно съ моимъ, то и я ему неоднократно писала, чшобъ сносишь намъ обще съ твердостью несчастіе, увѣряя при томъ, что ожидаю его только прибытія и по свиданіи надѣну на себя монашеское платье.

Въ тогдашнее время сдѣлано было предложеніе Лорду Кроопу о супружествѣ съ Леди Машильдою Товаршъ. Сїя дѣвица первенствовала тогда во всемъ Королевствѣ, колико по рожденію, толико по красотѣ ея. Я же не имѣла участія въ семъ ихъ торжественномъ обрядѣ. Но просила Лорда Скроопа, чшобъ дозволилъ мнѣ ѣхать въ Игуменство Святаго Викентія, онъ и согласился; но по окончаніи свадьбы прибылъ и самъ на нѣкоторое время съ своей новобрачною женою.

Милади Скроопъ соединена была съ прїяніюсшми ея росшу; пихая осанка, сердце нѣжное и чувствительныя черты лица ея являли чистосердечіе, а ко мнѣ оказывала великую любовь даже до опкровенности. И какъ я ее увѣдомила о своемъ намѣреніи, что желаю жить въ уединеніи, тому она весьма прошивилась. Тако живучи мы при мѣсяца вмѣстѣ, содружилсь пребышь на всю свою жизнь.

Письмо я получила отъ Конвила, конимъ онъ меня увѣдомлялъ о прибытіи его въ Ямайку въ ономъ вложенъ былъ билетъ на значную сумму, производящій отъ нашей общей торговли. Лади Скроопъ готовилась ѣхать въ Англію, усиленно меня просила, дабы и я ѣхала съ нею; я же опрекшись пощилась ей доказашъ благодарностью за благодареніе Лорда Скроопа и его матери. Раздѣляя мои прибышки поаламъ, поднесла ей въ подарокъ въ знакъ ея будущаго диняши, кошорой она принала, но съ великимъ упорствомъ на шакомъ условіи, чтообъ опреклась я ипши

ши въ монастырь, что исполнишь ей влѣшвенно обѣщалась.

Между тѣмъ, какъ они отбѣхали, я разсмапривала раззоренныя мѣста вокругъ сей пустыни, блистающія прежде славою. Впечатлѣли онѣ въ мою душу великое сожалѣнїе, паче нежели мирская прелесть; вкусъ понравился мнѣ сего пуспыннаго жишїя, наипаче вложила мнѣ въ мысль погдашняя жишельница спорожиха, которая знала по мѣсто, и которое вы нынѣ видите.

Сїя женщина жила нѣсколько лѣтъ съ своимъ семействомъ и знала шайну. А я сколько разъ находилась между сихъ мѣстъ, но не могла знать, чтобы сїе мѣсто было обитаемое; но нынѣ объясню вамъ, дубезные дѣши, начальныя спроенїя сего обиталица.

Въ свое время былъ въ семъ мѣстѣ монастырь ордена Святаго Вонифреда, но прежде испражненїя его монахи оставили его по причинѣ недостатковъ, однакожъ еще питались нѣсколько лѣтъ, будучи призрѣны своими соземельцами, и подаянїемъ путешес-
сву-

ствующихъ, кои ради любопытства, или незапно шествовали пушемъ симъ. Наконецъ послѣдовала переменъ; во времена царствованія Генриха монахи лишены были пространнаго ихъ владѣнія, а земли пожалованы одному изъ предковъ Лорда Скроопа Королемъ, хотя онъ исповѣдовалъ Реформатскій законъ, но наблюдалъ и пошъ, въ копоромъ онъ былъ воспитанъ. По сему оспалось имъ единое прибѣжище къ его дому. На послѣдокъ разсудилъ онъ, что такава добродѣтель обратится имъ во зло, свѣдаетъ Король и довершилъ ихъ изгнаніе. Вспомнилъ, что есть сокрытое мѣсто; предложилъ онъ имъ аки вѣрное убѣжище.

Монахи весьма симъ были довольны: сами для себя собирали каменья и соорили подземный ходъ, сквозь копорой мы проходили, перенесли мало помалу все для себя нужное, получая себѣ пищу изъ того Игуменства; но усмотря, что имъ спало быть тѣсно, или можеть быть для другихъ причинъ, сдѣлала себѣ еще два проходи подъ

землею : одинъ изъ шѣхъ велъ ихъ въ опшельничью вершину , въ коемъ жилищельсвовали старые монахи , а другою проведенъ въ средину развалинъ . Такимъ образомъ мнили , что они живъ будущъ въ безопасности . Сей единственный способъ спасалъ ихъ отъ поисковъ . Потомъ въ короткое время каждый для себя опгородилъ келью , что и составляло другій монастырь ; но строгость правительсва испребила ихъ . Нѣкошорые вышли . Воемерно ихъ было , но изъ шѣхъ двое только окончили свою жизнь въ подземельѣ . Лордъ Скроопъ возмнилъ , что нѣкогда понадобится шаковое сокрытое мѣсто . Прилѣжалъ къ тому , дабы никто не зналъ о немъ , кромѣ двухъ человекъ ему вѣрныхъ ; и ешьли бы спорожиха не опкрылась мнѣ , тобъ и я о немъ не знала .

Увѣдомленіе мнѣ казалось баснею . Раззоренная обитель не далѣе опспояла отъ замка , какъ на полмила ; опкуду и легко его видѣнь было можно бы , ешьли бы не зашмѣвала виду осаженная роща , которая чащею своею сдѣлала пу-

стыню не проходимою. Да иначе и войши нѣшѣ способу, какъ со спороны пещеры. Того ради желала я сама освидѣтельствовать такую особенность похожую на ложь.

Спорожика сообщила о томъ старому служилелю, который зналъ шуже шайну, засвѣшилъ факелы и повелъ насъ подѣ земною трубою. Сводъ ея весьма закрытъ былъ ошѣ сырости, и раздавалъ издали великой звукъ. Таковая шемноша наиболѣе вперила въ мысль мою воехитительное желаніе жить шумѣ. Негосѣ стѣнѣ и труба сверху, дабы входилъ воздуху, хотя мнѣ не были пріятны; но какъ любовь моя къ Лорду Скроону и его супругѣ не позволили уединиться въ Монастырь, то и намѣрилась я прибратъ по своему желанію сію пустыню и убѣгать всегда шуму и веселія въ замкѣ Викеншїя; при раза я посѣщала сіе мѣсто, а всякой разѣ будучи довольна моимъ изобрѣтеніемъ, согласила я старого слугу, способомъ денегъ, и сыномъ его Жамесомъ, который былъ каменьщикъ. Мы составили сіе жилище

епокойнымъ и кромѣ ихъ я никому не открыла. А какъ Жамесъ узналъ пайны, то и принесъ свои нужныя инструмен-ты въ пещеру и исправилъ гдѣ, бышь первому входу; въ при мѣсяца подземельность спала шакова, какову вы пещеръ видише.

Таковымъ уединеніемъ я себя удовлетворила, и будшо предвидѣла, что нѣкогда будешъ нужно жить въ немъ и съ моими друзьями; весь свой скарбъ съ помощію спорожихи и Аликсы перенесла въ свое жилище. Между шѣмъ Лордъ Скроопъ возвратился изъ Викен-тія. Я поручила все домостройство любезной моей невѣсткѣ, увѣдомя, каковое я приняла положеніе. Она похотѣла видѣшь сама и похвалила мое намѣреніе покойное; въ разсужденіи, чтобъ принудать меня паки обратиться въ свѣпъ, не будешъ она имѣшь успѣха. И пако оставила меня слѣдовать своему хотѣнію.

Я взяла къ себѣ жить Аликсу и Жамеса, кои и жили со мною, дабы въ случаѣ могла бышь защищена опъ нападенія грабителей, каковыя въ сей спранѣ

нѣ не рѣдко бываюшѣ. Все нужное намѣ было доставляемо. Я находила выгоду предѣ монастырскимѣ жишїемѣ, не бывѣ обязана монашескими обѣтами. Неудобство, которое паче всего дѣлаешѣ прудною жизнь монашескую. Братѣ мой, съ коимѣ имѣла я частую переписку, восхищаяся описанїемѣ моимѣ, приличнымѣ спраждающимѣ сердцамѣ, отвѣчалѣ мнѣ, что вмѣсто монастырской жизни, о чемѣ онѣ думалѣ, изберешѣ время видѣться со мною, да и будешѣ живѣ въ пещерѣ опшельнической.

Уже я жила шамѣ два мѣсяца, какѣ присланѣ былѣ курьерѣ съ повелѣнїемѣ, чтобы Лордѣ Скроопѣ явился ко двору. Причина сему была не скрыша; послушайте мои дѣти, вотѣ начало, которое вамѣ нужно знать.

Марїя, Шандланская Царица, сколь была прекрасна, столь несчастлива; была ввержена въ шемницу своими подданными, аки вѣ убившѣ ея мужа. Нашла способѣ убѣжать. Прїѣхала вѣ Англію проситѣ удовольстворенїя у Елисаветы, зная уже давно, что ревность со-

кровенную имѣешь она къ ея дарованіямъ, разуму и красотѣ; но обстоятельство опчаянїя, въ коихъ она находилась, ее извиняющъ, а при томъ имѣла право надѣяться быть пріему имени своему. Елисавета напрошивъ къ качествамъ своимъ присоединила своенравіе, гордость, а наипаче щеславіе. Радовалась имѣвъ во своей власти сугубую соперницу въ мѣсто того, чѣмъ подасть ей помощь соотвѣтственную Принцессѣ. Лишила ея прона, вѣдая, что она не виновна; дала ей чувствовашъ шягость своей власти. Хотя обнадеживала письмами своими быть ей усердной и покровительствовашъ съ маскою видимой измѣны; но вскорѣ повелѣла ея судить по Англинскимъ законамъ безъ всякой причины, ей же Марїи оныя совѣтъ неизвѣстны были. Препоручила коммисію Лорду Скроупу и Герцогу Норфольду съ прочими Лордами. Посланъ былъ къ ней депушатъ, дабы она готовилась къ оправданію прошиву доказательства.

Не прислупаю я больше къ описанію подробности сей молодой Принцессы.

Отецъ

Отецъ Антоній о ней вамъ сказывалъ почаспу, и вы найдете въ точности ея Исторію.

Несчастливая Царица оставлена и предана нарушенію совѣсти: узнала, но поздно, какво надѣялась на помощь сильнаго. Она стала бытъ принужденною судима по жестокости рока своего, и бытъ колодницею въ такомъ Государствѣ, коему она никакой прошивности не оказала, а еще имѣла право и обладать онымъ; но вмѣсто того вынуждена отвѣщивовать предъ судомъ, яко преступница, или по меньшей мѣрѣ себя оправдать въ невинности. Соснояніе шакое въ тысячу разъ было бы легче, когда бы она осталась въ своей землѣ и покорила себя законамъ, коими она владычествовала. Королева Англинская уже опредѣлила немалый караулъ во кругъ ея, дабы оный наблюдалъ все ея пошупки. Среди страха и сожалѣнія не находила она иного средства, какъ повиноваться. Хотя была и молода, но умѣла себя вести, наблюдая благоприсойность, и умѣла ушлять шѣхъ, кои

усугубляли излишность; будучи щедра, равно ожидала и съ ихъ стороны уваженія, за шѣмъ препоручила себя въ волю Королевины и предалася въ руки Лорда Скроопа до шѣхъ поръ, какъ предешанешъ Елисаветъ съ честію.

Споль странное произшествіе подало случай всей Европѣ имѣть вліяніе. Мнѣнія были разнообразныя: по сему Марія и опасалась Елисаветы, что она была въ ея власни. Весь свѣшъ осуждалъ погрѣшности Маріины первыя, но съ сожалѣніемъ о ея младости и неисклупива, ибо ея погрѣшность произошла отъ воспитанія. Красота и ея ласковость, пріятность въ разговорѣ изъ первыхъ началъ привергали къ ней всѣхъ шѣхъ, кто ее видалъ. Сего ради и мало любопытные люди ко Исторіи желали знать шаковое чудное произшествіе, о чемъ изъ устъ во успа переходило, что произведешъ надъ нею судъ? Всякая похвала ея раздирала сердце соперницы ея. Самый главный просупокъ несчастливой Маріи предъ Елисаветою

есть

есть пошѣ, чшо имѣла красосу и дарованія врожденныя.

Лади Скроопъ препровождала нѣсколько лѣшѣ у двора французскаго, гдѣ извѣстно вамѣ, Марія Спуаршѣ царствовала тогда крошко и пріятно, будучи еще молодою Королевою. Пошому не лъзя было спашься, чшобѣ она не вложила вѣ сердца любви, кои при ней находилсь, а изѣ шѣхѣ наипаче была благосклонна къ Лади Скроопѣ, которая тогда была еще дѣвицею. Но по смерти Франца втораго Марія, оставя Французскій дворѣ, переселилась управляшѣ другимѣ. Сей, вѣ которомѣ она воспитана была, нашедѣ преисполненнымѣ трубоспи и невѣжества, лишенѣ спалѣ всякаго собранія пріятностей и разнствующѣ еѣ шѣмѣ, который она избрала.

Среди смятеній видѣла себя вѣ по время, какѣ она вѣ Шопландію прибыла; едва доспавало ей вспомнишѣ о шѣхѣ, коиѣ одолжила она своимѣ благодарніемѣ: но Лади Скроопѣ всегда наблюдала свою ревность къ ней непремѣн-

мѣнно, которую хранила не столько изъ благодарности, сколько по склонности. Состояніе несчастливой сей Государыни, о коей сказано, поражало ея сердце, внутренне порицала она Елисавету въ подлости неправоеудія; и, Елисавета не сумѣвая о невинности Маріи, чрезмѣрно желала сдѣлать заключенною ея, шѣмъ паче, что она лишена была всякой помощи отъ друзей своихъ. Такое ея намѣреніе Скроопъ открыла и мнѣ; о чемъ мы обще сожалѣли и плакали, касательно до ея участи, которую бы во дни ея благополучія осуждашь не преминули въ слабостяхъ.

Лордъ Скроопъ въ удовольствіе прозьбы его жены представилъ Елисаветѣ, что нѣшъ важной опасности, дабы при ней бытъ кому-либо изъ дамъ знатныхъ; ибо еще не видно по дѣлу, виновата она или нѣшъ. Но и народъ, который зритъ на поступку съ нею сколько строгую въ шакомъ мѣстѣ, въ которое при была она искашь покровительства, производилъ шумъ, и немало о ней со- жа-

жалѣетъ, по сему и должно оной нѣсколь-
ко укротить.

На сей послѣдній резонъ склони-
лась Королева; понеже она больше по-
липики, нежели нѣжности въ своемъ
сердцѣ имѣла. Она назначила къ пому
Лади Скроопу, чшобъ быть при Маріи для
компаніи, и повелѣла, чшобъ дѣланы ей
были приличныя почести ея званію.

Чувствительна обрадовалась Лади
Скроопу, чшо будетъ помѣщена съ сво-
имъ древнимъ другомъ въ замкъ Болшо-
нѣ, куда Елисавета Королеву въ ссылку
опослала. Я же, дабы не преслушать
прозьбы моей невѣстки, поѣхала съ нею;
понеже она предложила, чшо просить
меня не въ такое мѣсто ѣхать, гдѣ бы
увеселяясь, но въ такое, которое боль-
ше наведетъ унынія. Внутреннее жела-
ніе возбудило меня видѣть Королеву
Шотландскую, и я согласилась ѣхать
съ нею.

Замокъ Болшонѣ былъ крѣпость на
углу Графства Іоарка, грубъ, пусть
можно называть шюрьюю обыкновенныхъ

колодниковъ. Одинъ видъ сей шюрмы предвѣщалъ несчастливой Принцессѣ неизбѣжное ея заключеніе. Вошше челоуѣколюбіе Лорда Скроопа усиливалось таишь онѣ нее о неизбѣжномъ рокѣ. Снѣдала ее жестокая печаль, а къ помужѣ присоединилось извѣстіе о смерти Бошвеля, который въ началѣ смяшенія ушолъ въ Норвегію.

Поѣхали мы изъ Викеншїа съ двумя служилеями, вспрѣпились на пуши съ Деръб-Герцогомъ Норфольдомъ, братомъ Лади Скроопа, коего было ревностное спараніе видѣшь Королеву Шотландскую, и онѣ упросилъ насъ, дабы съ нами же ѣхашь.

Сей молодой Лордъ былъ въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ и имѣлъ прекрасной видъ, исполненъ щедрости и огня и живости прелестной, первая особа во всей Англїи по чину и дарованію. Давно уже онѣ желалъ, чпобъ женишься на Марїи Стуаршѣ, а паче возобновилась въ немъ надежда по смерти Бошвеля; я удивилась, видя въ немъ великую перемѣну, и угадывала, откуда про-

происходишь у него противорѣчіе въ малыхъ вещахъ и великая задумчивость. Нравилось ему весьма, когда слышишь онъ Королевы хвалу изъ успѣ его сестры, воспалялись его глаза, когда слышалъ о случаѣ Бошвеля и письмахъ писанныхъ ошъ Маріи: тогда примѣтно было въ немъ самолюбіе; воспаляющее его сердце жестокимъ пламенемъ.

Пріѣхали мы въ Болтонъ, удивилась Марія, что Елисавета къ ней прислала ея друга облетчить ея неволю, а паче, что вдругъ она предспала къ ней. Теперь я вамъ опишу Королеву Шотландскую, любезные дѣшн. Но по-что? вопшъ она самая. Сей самый портретъ лучше явишь ея моего описанія. Воззри, Машильда! увидишь ея образъ.

Разсудите, въ какомъ я была восхищительномъ удивленіи. О небо! вскричала я, возможно ли какъ! Когда я оплакивала рокъ сей-несчастливой Королевы-тогда оплакивала жребій маперіи.

Нѣсколько минушъ потерпите Миссъ Мелло, я вамъ всю шайну объявлю...

Королева была въ цвѣшущихъ лѣсахъ, Всѣ чершы лица привлекательнѣйшими прелесными наполняли видѣ, видѣ являющій чувствительность, растворенную скромностию и благонаравіемъ, шокмо красящими полъ женскій. Я не выдавъ ее чувствовала о ней сожалѣніе. То колкое произвело состраданіе, нашедъ ее въ шакомъ состояніи! Прежнія прелесны всемъ померкли, а видна была единая грусть. Ладія не въ состояніи была выговорить единое слово безъ пролишя слезъ.

Опъ сего почувствовалъ Норфольдъ большую къ ней горячностію купно и сожалѣніе въ сердцѣ своемъ, кое до шого къ любви было склонно. А при семъ позналъ онъ, что ширасъ преодолевала его самолюбіе, и мысль о коронѣ въ немъ угасла. Одна Марія Стуаршъ въ воображеніяхъ его заснула мѣсто. Клялъ онъ Королевское украшеніе, которое ввергало въ несчастіе сію молодую Королеву; ибо и опреченіе опъ онаго спасти ее не могло. Человѣкъ шомъ бывъ во благополучіи, домогался явно полу-
чипъ

чишь ея руку. Нынѣ не смѣешь воззрѣшь на нее при ея несчастіи, мнилъ, что она поймешь его взоръ, сколь объемишь его жалость.

Лади Скроопъ, будучи проникательна, пошчасъ примѣшила брата, о чемъ испраждеть его сердце; но удалялась, опасаясь худыхъ предзнаменованій будучи въ шой надеждѣ, что Норфольдъ същещъ способы Королевѣ доставить прежнія ея права; а чрезъ то самое изъ благодарности отъ сея Принцессы получишь за услуги его должное возмѣдіе.

Дабы умалить время, Лади Скроопъ воображала почасу въ себѣ, какую бы подать опраду чловѣку, копорый пріемлетъ участіе, ибо многіе сего желали. Молчаніе и задумчивость Дона Норфольда пронули Королеву. Примѣшила она въ поступкахъ его нѣжность, сопряженную съ терпѣніемъ; подала ему видъ лестнаго вниманія. Таковыя воззрѣнія не остались вопще. Ободрясь онъ надеждою, произносилъ съ своей спороной рѣчи, кои и ей были вяжны; по-

нявѣ сїе Марїя, что не единою дружбою онѣ къ ней привязанѣ, но и любовью, разсуждала о его пользѣ; и онѣ былѣ достоинѣ ея любви: но не насталѣ бы такой день, которыи бы обратился на его гибель. Просила его усиленно, чтобы онѣ оставилѣ любовь; онѣ зрѣлѣ на нее, яко на несчастливато друга, и что въ семѣ званїи она вѣчно себя обязываетѣ быти благодарною, что онѣ беретѣ участїе въ ея несчастливомѣ жребїи опыномѣ своего сожалѣнїя.

Таковѣ прїятный отвѣтѣ въ сердцѣ Норфольда! Но кто можетѣ угадѣть воспламененную любовь, кажется, что нѣтъ невозможнато? Онѣ воображалѣ тысячи удобностей; во всемѣ упросилѣ сестру свою, дабы вошла она въ его желанїе, предлагая, что не оставилѣ вообще онѣ минуты, дабы не употребилѣ способѣ о поискѣ ея свободы: но какѣ не льзя было ушайти, чтобы Елисавета не была извѣстна о бытїи его въ Болтонѣ, и опасаясь ввести себя въ подозрѣнїе, прежде нежели то намѣренїе совершенно будешѣ, упросилѣ

силѣ онѣ сестру свою, чѣшобѣ она сообщила Королевѣ, понеже самолично самѣ онѣ не смѣшѣ сего предложишѣ ей опшкровенно, чѣш желаніе его сосшопшѣ вѣш шомѣ, дабы сѣ нею соединшѣся союзомѣ брака и бышѣ неразлучнымѣ.

Вѣш шакомѣ опасномѣ сосшопншѣи, несчастшлшвая Маршя внимала гласу своего сердца, кошорое аки вѣшцало, чѣш должно вѣшршш ей себя шакому любовнику, кошорый о ней шаѣспражешѣ, да кѣш шомужѣ и имѣшѣ великшя имущешсва; многочшсленные опѣ него зависшцы, а паче знаменшшые его и обшшрные союзы впершлі ей надежду учшншшся нѣшкогда бышѣ сѣ нимѣ вѣш любви, по сему прилшчнѣе ей казалосѣ упредшш, нежели попомѣ когда опѣ него благодѣшпельсшвована будешѣ.

Несчастшное заблужденіе души легкомысленной! О Маршя, жалосшная Принцесса! по чѣш несчастшлы швош прошешшше дни, источшникомѣ кошхѣ были любовь, не насшавшлі шебя на пущѣ, кошмѣ ввертаешѣся вѣш новые пороки, кош

въ вѣкѣ оплакивашь будешь пріугошворяя
шны себя вновь ко спраданію вѣчнаго
заключенія.

Герцогъ не осмѣлился въ семъ де-
лѣ опкрыпшя своему зяпю; ибо сіе бу-
детъ прошиву даннаго ему повелѣнія:
но ввѣрилъ сію шайну сестрѣ своей,
она была въ семъ намѣреніи его повѣ-
ренною; и Королева на шакія предло-
женія согласилась. Свадьба ея съ Гер-
цогомъ была въ присушствіи Лади Скро-
опы и при мнѣ, и коменданша крѣпо-
сти и двухъ Герцоговыхъ секретарей.

Тако исполненное желаніе Герцо-
гу казалась шемница прекрасными па-
лашами; всякой часъ умножалась ихъ
спрасъ даже до шого, что Марія ему
дѣлалась во всемъ подвласшною споль,
что и не думали, дабы имъ бытъ раз-
лучнымъ. Лади Скроопъ напрошивъ шо-
го весьма огорчалась, что опдавшисъ она
въ спрасъ, впала въ безспрашіе; поне-
же она хорощко знала свойшво Елиса-
вешино; а чшобъ еще не увеличимъ боль-
шаго несчастія шѣмъ, что она извѣ-
сна

спна будешъ о семъ дружествѣ, нудила своего брата, дабы онъ бѣжалъ изъ Болтона, предлагая ему, что худо Марія награждена будешъ за свое снисхожденіе, ибо шаковое супружество не только не умалишъ ея заключеніе, но и умножишъ. Чего же ей ожидать оиъ чловѣка, который вдался въ праздность, а не къ поиску благополучія и славы его супруги.

Таковыя укorenія не огнѣвили Герцога; горько онъ заплакалъ, но былъ принужденъ слѣдовать надобности. Марія хоя упрашивала его оспашься при ней, аки бы имѣла предвозвѣстіе, что въ часы шѣ послѣдняя будешъ опрада во всю ея жизнь; но польза супруги возбудила желаніе. Онъ поѣхалъ въ Лондонъ въ шакомъ намѣреніи, что можешъ чрезъ прозьбу пріятелей испросить подшверженіе о его супруествѣ, къ сему льшилъ себя, что подшвердятъ сіе народными голосами: почему Елисавета принуждена будешъ согласишься. Послѣдній способъ для него оспановишься, воображая себѣ, что Ели-

савета въ семъ снисходительнѣе по-
спушишь, и шѣмъ успокоишь свою со-
перницу.

Но Фортуна, наморща свое чело,
смѣялась Норфольду. Хоть всѣ знан-
ные двора Елисаветина сожалѣли о
Маріи и вошли въ планъ Норфольда, о-
чемъ онъ и писааь къ ней, льспя ее
надеждою. Между шѣмъ Королева увѣ-
домляла его, что она беременна. Извѣ-
стіе таковое усугубило его радость.
Да и онъ увѣдомляаь, что еще преж-
де родинъ высвобождена будетъ изъ
своего заключенія; по крайней мѣрѣ былъ
онъ обнадеженъ всѣми знаными особа-
ми. Графъ Бешфордъ и Емброкъ, Ари-
нденъ, Дебри, Шрезбери, Сучсаншонъ,
Нордъ, Губерландъ, Вестъ Мореландъ и
Сексъ прилѣжашъ о семъ. Таковыхъ
Господъ имена соспавишь могутъ силь-
ную паршю, а между шѣмъ полагалъ
онъ надежду болѣе на Графа Лей Се-
спера, кошорый имѣешъ великую силу
надъ разумомъ Елисаветинымъ. Онъ
ему навѣрно обѣщашъ о всемъ доне-
ши Королевѣ, какъ сыщешъ время. Но
едва

едва онъ могъ согласишь Ретенша Шопландскаго, однакожъ и онъ общался ни чѣмъ не обносишь Марію. Догадка шакова была не безъ успѣха; хотя Мурай нарочно прѣхалъ въ Англію, чтобъ о всемъ донести Королевъ, но былъ принужденъ обратно опѣхать въ Шопландію, не сдѣлавъ никакого покушенія. Ибо нѣкоторые обстоятельство занимали Англинскій флотъ нужными дѣлами. Однакожъ Елисавета боялась свободить Марію впередъ для какого либо умыслу, повелѣла ее перевести въ Тюрбери, пріусугубя караулъ къ Лорду Скроопу Графа Шрефебюрія.

Невѣстка моя поѣхала съ нею же; да и я слѣдовала имъ. А по извѣстію Аполонія мы бы были благонадежны и на Шрефебюрія; но онъ или предвидѣлъ злополучный конецъ, или Норфольда обманулъ, бдѣлъ недремлющимъ окомъ надъ поступками Маріиными, а наконецъ не позволилъ ей выходить изъ ея комнаты.

Норфольду было пріятно. Мюреево удаленіе; онъ упросилъ одного
Шоп-

Шотландца извѣдать, какое было разположеніе сего Графа о бракѣ Маріиномѣ. Но сему воспослѣдовало прощивное; ибо шотѣ повѣренный о всемѣ увѣдомилъ Мюроя; за что онѣ напаче осердясь на Норфольдовы происки, донесѣ о всемѣ Елисаветѣ. Она тогда была на посѣщеніи Лорда Люйсиспера, бывшаго вѣ болѣзни; а какѣ получила она донесеніе, то и дала знать сему Фаворитшу о всемѣ. Но покаместѣ совѣшавала она съ Сесилемѣ, Лейшерѣ послалѣ шотчасѣ тайно кѣ Норфольду, чшобѣ онѣ не медля ничего бѣжалѣ; ибо Елисавета намѣрена его заключишѣ вѣ башню. Симѣ Герцогѣ былѣ пораженѣ, аки громовымѣ ударомѣ, и шотже часѣ поскакалѣ вѣ свою деревню. Но на пути впадо ему вѣ мысль ворошиться, для того, чшо шѣмѣ наведенѣ на себя подозрѣніе кѣ доказательствамѣ непріятельскимѣ, да и ворошилѣся, встрѣпясь на дорогѣ съ Офицеромѣ посланнымѣ Коромевою, и препровоженѣ вѣ Бургамѣ.

Герцо́гъ послалъ своего секретаря извѣстивъ Королеву о такомъ заключеніи; надежда, коею она питалась видѣть себя освобожденною, низринула ее въ горшную опчаянность и печаль. А къ тому же ежеминутно ожидала, что беременность откроетъ ея стыдъ; ибо о супружескѣ ихъ еще не извѣстно было въ такомъ смѣшенномъ состояніи. Лади Скроопъ присовѣтовала ей единъ способъ, который спасетъ ее отъ порицанія, и шѣмъ свободитъ Герцога отъ пущей напасти, то есть тайно свою пятость. А когда родитъ, унесетъ младенца изъ замка тотчасъ чрезъ Герцогскаго секретаря, по семъ жданыи времени открытѣя о своемъ бракосочетаніи. Но чпобъ больше скрыть, я просила съ Королевою, аки отъѣзжаю въ Игуменство Викеншя; въ самомъ же дѣлѣ скрылась въ одномъ шалашѣ по близости.

Королева родила двухъ дочерей. Сіе значило, что любезныя мои дѣти были плоды несчастнаго супружества. Вы не успокоены были въ нѣдрахъ вашей

шей мапери больше, какъ одну мину-
шу, да уже и оплучены можеть бышь,
увы! навсегда. Вѣрный секретарь при-
несъ васъ прямо ко мнѣ въ шалашъ съ
великою бережливостію, отъ того часа
я называюсь вашей маперью и никогда не
оприну сего званія. Несчастливое ва-
ше рожденіе вложило въ сердце мое
мапернюю любовь, а счастье даровало
мнѣ въ горести вами утѣшаться. Вы
видите мою любовь ошеровенно движи-
му отъ искренняго сердца.... Вы были
въ дѣтствѣ, яко Ангелы, а въ возра-
стѣ украшеніе моей пущыни. Нужно
было мнѣ спарашся сыскать способъ,
какъ бы вынести васъ изъ моего ша-
лаша, яко залогъ врученный въ мои
руки, и я васъ принесла въ сіе под-
земелье со всевозможеніемъ Аликсы, пе-
бя назвала я Машильдою по старшин-
ству рожденія нѣсколькими минушами
именемъ Лади Скроопы; а пебя Элеоно-
рой по имени мапери Дюка Норфольда

Герцога задержанъ былъ безъисход-
но въ заключеніи по повелѣнію Коро-
левины

левицу, а Марія спрадала во отчаяніи и опасной болѣзни споль жестокой, что опасались о ея жизни. Елисавета по усиленной прозвѣ пріятелей Норфольдовыхъ, а наиболѣ искренняго его друга Лорда Лейсестера, согласилась его свободишь, полагая, что дерзость такую произвело въ немъ неразуміе; а онъ опасался, дабы впредь не впасшь въ подобную же погрѣшность, свидашься не осмѣлилася со своей супругою, уѣхалъ въ Кемель Туль и забавлялся охотою. Шпіоны Елисаветины въ надеждѣ, что онъ отрекся уже своихъ намѣреній, худо за нимъ надзирали. Но Дюкъ, оставя прежнее свое пребываніе, отѣхалъ въ другое подъ образомъ вселія. А припомъ, дабы исполнишь свое желаніе, будшо ненарочно проѣхалъ Игуменство Святаго Викеншїя; а въ самомъ дѣлѣ, чтобы увидѣшь своихъ дѣтей еще въ первой разъ, шы тогда была двѣнадцати мѣсяцовъ, провела я его ночью въ сіе подземелье. Соображалъ онъ заключеніе своей супруги и участь ея золь купно съ оппорженіемъ отъ
ея

ея сосцовъ васъ безчестнымъ образомъ паковыхъ младенцовъ и сокрытыхъ во мракъ дикой пустыни; сіе перзало его сердце, всю ночь препроводилъ онъ безъ сна, препоручая васъ въ руки Всевышняго Существа. Возрыдавъ о своей участи, просилъ, чшобъ сократилась его жизнь; лишь бы вы избавлены были злыхъ вамъ приключеній. А какъ пришло время ему итти обратно, взявъ васъ на свои руки обѣихъ, залившись слезами и давъ опеческое благословеніе ошдалъ мнѣ; въ то время какъ я держала Элеонору, впалъ онъ въ безмолвное размышленіе, попомъ взявъ меня за руку, сѣлъ подлѣ меня.

„Любезная Мисприсъ Мелло, то-
 „ворилъ онъ, я не опчаяваюсь воспи-
 „шашъ сихъ младенцевъ по прилично-
 „му ихъ рожденія достоинству. Нынѣ
 „вѣряю шебъ ихъ, яко драгоценный
 „залогъ; вразуми, дабы они бывъ пи-
 „шомы во мракѣ, явились бытъ годны
 „соопвѣшествовать своей природѣ: пусть
 „они не знаютъ своего рожденія даже
 „до того времени, какъ о немъ пони-
 „шашъ

„мать будущъ. Но естли неблагово-
 „лишъ Богъ мнѣ по несчастію до того
 „доживъ, то я препоручаю тебѣ и
 „сестрѣ моей всѣ опеческія надѣ
 „ними права кромѣ того, чѣмъ не знали
 „Елисаветина двора, ибо лучше имѣ
 „помереть невинными въ пустынѣ.

„Любезный и благодѣтельный Нор-
 „фольдъ, и ты дражайшая Принцесса,
 „вопила Мисприсъ Мелло, обращаясь съ
 „восхищеніемъ на картину, о которой
 „мы говорили, я сохраню ваши желанія,
 „слова ваши впечатлѣны будущъ въ мо-
 „ей памяти и не оставлю ихъ бесполе-
 „зными.

Увы! государыня! вскричала я съ
 воздыханіемъ, падши на колѣни; сїи изо-
 браженія не нашихъ ли суть родите-
 лей? О мой родитель! любезный и не-
 счастливый родитель никогда я тебя
 не увижу? не обѣишь меня ты уже
 съ такою горячностію опѣ нынѣ, како-
 вой я не чувствовала прежде. А ты,
 дражайшая родительница, производшая
 насъ на свѣтъ въ горести и опчаянн

Толъ I Е допу-

допустившая намъ посвящати нашу жизнь на уединеніе, дабы облегчитьъ швою ?

Вы пронзаете мое сердце, любезные дѣти, сказала Мисприсъ Мелло, дайше мнѣ продолжатъ.

Герцогъ наупрѣе опѣхалъ изъ монастыря Святаго Викентія, а въ скоромъ времени и извѣстился, что Елисавета на мѣсто Лорда Скроопа двоихъ присавовѣ опредѣлила, Лорда Гунпинтона и Герефорша къ Королевѣ Шотландской, поже опняла отъ нее Лади Скроопу, копорая ей была единая ушѣшишельница.

Герцогъ видя, что кропостію ничего сдѣлатъ не можно, рѣшился принять другія мѣры. Вшолъ въ договоръ съ купцомъ, по имени Ридольфомъ, чшобъ склонить Герцога.

Дабы доставить десять тысячъ пѣхопы въ Шотландію, съ копорыми и поидетъ прямо въ Лондонъ, чшобъ по меньшей мѣрѣ успрашить Елисавету, на сіе Герцогъ и согласился. Да и самъ Папа хоша показывалъ видъ неуспра-

упралишета, а въ самомъ дѣлѣ спарался защищать Королеву Шотландскую и свободишь ея. Тѣже, и друзья Норфольда были тошovy соединишься съ нимъ по первому знаку. Но всѣ сїи зашѣи не во время, обратились ни во что и рушили ихъ предпрїяшїе.

Но чшобъ возмушишь Шотландцовъ, кошорые важнѣе были Ретенша, сопропивляясь ему вмѣшивашься въ Англинскїя дѣла, Герцогъ посылаалъ великїе суммы денегъ, дабы подкупишь друзей Королевскихъ, и когда рѣшительный шѣмъ успѣхъ настоялъ, тогда онъ изгошовилъ мѣшокъ золота. Но къ несчастїю послалъ при письмѣ съ курьеромъ, кошорый не зналъ ничего о заговорѣ. Курьеръ поднялъ его нечаянно и разорвалъ; удивился, видя шолїкую сумму. Сказалъ своему брату, кошорый служилъ у Лорда Берленга въ шакомъ намѣренїи, дабы съ нимъ подѣлишься. Однакожъ усумнился, письма съ нимъ посланныя не содержатъ ли какой либо шайны. И шакъ согласились ошкрышь о семъ Лорду Бенрлейгу; а

онѢ легко выразумѣлъ, что есть въ нихъ великая важность, о чемъ пошчасѢ донесѢ КоролевѢ. НорфольдѢ схваченѢ сѢ поштели и всѢ его служители опшведены въ шюрму.

ТаковѢ злополучный ударѢ уни-чтожалѢ всю нашу надежду. Письма опѢ него писанныя и получаемаыя сего дѣла служили доказательствомѢ (прочія же сожжены, кои были не прошивѢ его дѣла). Сія щедрость обращена ему въ прешупленіе. Когда онѢ сумму денегѢ опшслалѢ къ ГрафинѢ НюшюберландшѢ, започенной погда въ ссылку мужемѢ ея, она была причтена ему въ вину, былѢ судимѢ, и ждалѢ смершнаго приговора, который ему и объявленѢ сѢ пролиштемѢ слезѢ.

Лади СкроопѢ, впадѢ въ безуміе опѢ опчаянья, бѣжала и припадши къ ногамѢ ЕлисаветинымѢ, просила сѢ пакою жалоспїю, что пронуло ея сердце, но упросила шолько, что опложена была экзекуція брашу ея на нѣкоторое время. Ибо ЛордѢ БюрлейгѢ упредилѢ Королеву своимѢ донесеніемѢ и вперилѢ
въ

въ мысль Елисаветѣ, что Герцогъ имѣлъ умыслъ прошиву ея персоны. И хотя она не утвердила суднаго дѣла, но не могла же изгнать такового предсавленія.

Кто можетъ описать состояніе Королевы Шотландской по увѣдомленіи ея о семъ дѣлѣ? Лишенная своего царствованія спала бышь узницею въ другомъ, несчастливице масть, а паче несчастливѣйшая супруга мужа, осужденнаго на смерть вверженна въ неслезанное сокрушеніе. Еще къ тому воображала, что она причиною орудія подъявшаго на него. Сіе наиболѣе ввело ее въ опчаяніе, когото отвратишь никпо не въ состояніи, умоляетъ она Ладію Скроопу, дабы увѣришь Елисавету, что она охотно склоняется бышь узницею во всю свою жизнь и отрицается всѣхъ правъ искашь Аглинской короны. Если бы сестра ея (симъ именовала она Елисавету съ нехотѣніемъ) жизнь и вольность Норфольду.

Но Елисавета приняла такое предложеніе за умыслъ и подозрѣніе, зная,

коликою любовію сердце Маріино сопряжено съ Норфольдовымъ. Самое убѣдительное представленіе Лейсеспера не уничижило ея намѣренія; ибо свобода таковой особы была наиважнѣйшая опасность.

Нынѣ двадцать лѣтъ, какъ онъ казенъ; а вы тогда, любезные дѣти, не имѣли двухъ болѣе лѣтъ съ половиной. Умерщвленъ онъ шакъ, какъ и жилъ съ бодрымъ духомъ.

Ни о какомъ человѣкѣ не было больше сожалѣнія; любимъ онъ былъ всякаго сословія людьми за его щедросшь, смѣлосшь и ласковосшь въ общожденіи; для всѣхъ не только былъ равенъ, но и предупредителенъ каждаго равенства; его поведеніе приводило всякаго во удивленіе. Первою онъ жершвою спалъ бытъ Королевина тѣва; а симъ доказала себя, что она не могла избрать никакой особы, копорой бы паденіе болѣе было въ сословіи доказать, какую цѣну полагаешъ она собственнн сѣей безопасности.

Лади Скроопъ проклявъ, но поздно, поведеніе сего двора, будучи лишена брата, коего она обожала, прѣѣхала сюда съ своимъ мужемъ, который оставилъ всякую службу.

Сіе подземелье казалось ей прежде ужаснымъ, но подражая мнѣ, что уединенное житіе есць мирное, свободшееся мірскаго безпокойствія, посѣщала сію пустыню, да и не ошреклась бы препроводить въ ней всю свою жизнь, есцьли бы шѣмъ не огорчала своего мужа. Оплакивала всегда своего друга, взирая на черны Машильды, бранни и Элеоноры, разсуждая, что въ нихъ находить она немалое сходство. Долѣе она не жила, какъ одинъ годъ, по смерти брата своего. А какъ не оспалось по не й наслѣдника, то она васъ усердно препоручила своему мужу, который клятвенно обѣщался ей спараться о вашемъ счастіи, и, сколько можно, обѣщался содержать васъ соопвѣшпенно вашему рожденію.

Королева Шотландская уже никого при себѣ не имѣла, ꙗкобъ могъ
быть

бышь при ней на ушѣшеніе. Едины оспались при ней слезы воспоминающіе Норфольда. Вся надежда и желаніе свободы изчесли уже, и весь свѣтъ опоспылѣлъ; самое владычештво преспола было ничто предъ ея глазами; ибо не имѣла того, съ кѣмъ бы могла она его дѣлать.

Елисавета, которую всегда страхъ побуждалъ, ограничивала себя такъ, что всякій день по премѣняла спражей, по ея заключеніе; а шѣмъ самымъ дала чувствовашь своей заключенницѣ, что ненависть превышаетъ и спрашную любовь.

По нѣсколькихъ лѣтахъ, когда умалило время печали Лорда Скроопа и усугубило его праздность, принялъ онъ предложеніе Елисаветино и всступилъ въ службу, поруча мнѣ домашнее правленіе, а самъ прѣзжалъ очень рѣдко.

Пустившись я въ разныя повѣствованія, позабыла вамъ сказать о возвращеніи своего брата. Онъ возвратился изъ Ямайки послѣ трехъ лѣтъ,
какъ

какъ я васъ сюда ввела, въ одеждѣ духовной, именуя себя Антоніемъ; избралъ жишельство въ пещерѣ Термита, посвящая на вѣкъ свою жизнь на разсмащиваніе натуры и пребывалъ во смиреніи, избывая шѣ часы, въ копорые насъ посѣщаетъ; отъ той поры его жизнь и моя въ одинаковомъ положеніи.

Еще миновала я два приключенія, копорыя меня паче опягощали первое, что богатство есть родъ безумія, многихъ прельщающее, для меня ничто. По сему Лорду Скроопу данъ былъ постъ чрезъ нѣсколько лѣтъ весьма опмѣнной въ Государства, копорый доставилъ ему великое богатство чрезъ годъ; а сіе привело въ зависъ хитраго Лорда Бюрлейга. Письмо на сихъ дняхъ мною полученное являетъ, что Лордъ Скроопъ по указу Королевы арестованъ и все его имѣніе описать повелѣно. Изъ сего уже видно, что не будетъ онъ въ состояніи исполнять данного слова вашей шепкѣ; оно же самое и нудило насъ скрыться въ подземелье.

Томъ I

Ж

Впо-

Второе то, что опѣ давняго времени никакого сношенія чрезъ письма не имѣю съ Королевою, а въ первые годы она ко мнѣ многократно писала о своемъ заключеніи. Я ихъ берегу обще съ шѣми, которыя она писала къ Герцогу въ явное свидѣтельство вашего рожденія, кѣмъ вы на свѣшѣ произведены. Пождише, любезные дѣти, терпите, я хощу умру, но судьба всеможна рѣшишѣ вашъ жребій; молчите о вашей манери до того времени, какъ она будетъ свободна и васъ признашѣ. Ничто такъ не пріятно Богу, какъ терпѣніе; опѣ Него единого зависшѣ всякій даръ, а въ вашей власши единое терпѣніе. Ахъ! есѣли бы Онѣ пріялъ мое намѣреніе, есѣли бы коснулась моя молишва Его Престола; я не прошу ни величества, ни богатства вамъ опѣ Него, но спокойной жизни и непорочности.

Наша дражайшая пишательница, наша почтиснѣйшая благодѣтельница едва скончила всю повѣсть, тогда обѣмы пали на ея грудь съ чувствительною

ною горячностію, что она и сама усматрѣла нашу чистосердечную благодарность.

Но какое множество воображеній родилось въ мысляхъ нашихъ? Какія удивительныя переменны обихали въ сердцахъ нашихъ!... Мы не проронили ни единого слова ея. Наипаче, что касалось до памятованія о нашихъ родителяхъ, то никогда намъ сія мысль не казалась столь пріятною. Дворъ Елисаветинъ! ахъ! мы не выдемъ никогда изъ подземелья. Можемъ ли мы зрѣть ту, которая есть началомъ всего нашего злодѣянія? ту, которая въ злодѣянїи не уподобляема никому, дабы мучить себя равную. Королева невинна по крайней мѣрѣ по описанію, и съ копорою Елисавета невластительно, но усиленно поступила. Можноль намъ лишиться себя свободы въ разсужденіи нашего рожденія и повинувшись аки бездушному идолу, предавъ себя рабскому служенію, однако бѣгашь ея лице зрѣнїя должно.

Мнили мы, что мать еще у насъ

жива; можетъ быть что настанетъ день и она обьиметъ насъ распростертыми руками, ибо мы шерпимъ вошще наше злключеніе! Я вознамѣрилась сыскашь ея шемницу и оставишь въ ея заключеніи хопя малую ошраду, или поменьшой мѣрѣ припомнишь ей, что наше живіе среди нечувствительныхъ жестокихъ варваровъ, каковыми преполненъ свѣшъ. И такъ ешшли они жадны шо я съ радосшю принесу свою жизнь на жертву для шой, которая ее мнѣ даровала.

Мысля такимъ образомъ, впала въ сугубо разсужденіе о шомъ, что должна я чувствованія мои раздѣлишь съ Меллою Мистрисою. По воспитанію могу ли ее оставишь, которая жизнь свою единственно для насъ посвятила? По напури мы ей должны благодарношю и почшеніемъ. Правда, что я жизнь получила ошѣ другой, но она превьсила воспитаніемъ; она основала наши сердца непорочношю; она вліяла въ насъ чувсшва разумѣшь о себѣ и себѣ подобныхъ; она своею любовію

обяза-

обязала столько, что не можешь ничего различить насъ съ нею, развѣ единая смерть. Да къ помужь Мисприсъ Мелло уже близъ смерти и страждешь пятнадцатъ дней, а въ концѣ ежеминушно шестнадцатого умалаясь ея жизнь О ты! непорочная и блаженная душа, прилѣпившаяся къ Богу, могу ли помыслишь я о той минувъ, въ которую Существо вышнее себя призывало въ свое нѣдро, безъ пролитія слезъ надъ твоимъ пепломъ? Нѣтъ, нѣтъ, они льются о тебѣ по лицу моему даже и донынѣ, когда вспомню о семъ печальномъ приключеніи.

Она намъ подала дарычкѣ, въ которомъ были вышесказанныя письма, равныя свидѣтельства подписанныя ея и Лади Скроопъ руками, и дала нѣсколько жемчугу и драгоценныхъ камней для украшенія нашей молодости. Потомъ просительно поручила насъ опцу Антонію. Начали они молиться, Аликса и я съ сестрою; а около полуночи она скончалась.

Ахъ! Государыня, шѣ самыя часы какъ были несносны для меня! Смерть похишила шу, которая была мнѣ милѣе себя самой. Какая пишина сдѣлалась въ нашей пустынѣ! Какая пустоша вселилась въ мое сердце! Не слышно гласу шой, которая предостерегала каждую степенъ нашу! Видѣшь сокрышыя глаза, сокрышыя на вѣки; лицо и весь составъ шѣлесны зрѣшь околдовавшимъ! Жалоспное соспоянѣе, коимъ мы были объяны, взирашь на шаковое зрѣлице! Подцились бы мы опнесъ ея шѣло въ церковь, но се-го не возможно; чрезъ шо дадимъ всѣмъ знать и доидешъ слухъ до Королевы; ибо шайнаго нашего жилища никто, кромѣ шрехъ человекъ не зналъ. И шакъ должны были похоронить въ кельѣ опца Аншонія, облекши шѣло въ бѣлое одѣянѣе и украсивъ цвѣшами на подобѣе короны, вѣря, что она предстанешъ съ шаковымъ закономъ въ бессмершную славу.

Въ молодоспи обыкновенно печаль снѣдаешъ паче, въ спароспи бываешъ

ско-

скорошечнѣе; наша же насѣ весьма ослабила. Пусшыня уже лишилась своего украшенія, и кажешся несною шемницею. Нѣкому похвалишь наши малыя работы; непримѣнно лишились вкуса. Аншонія мы не любили по причинѣ частыхъ его выговоровъ. Тако день опѣ дня становилось намъ печальнѣе. Мисприсѣ Мелло имѣла надѣ нимъ нѣкопору ю власпъ, и шѣмъ уменьшала его спротоспъ; но по ней одиѣ видѣ его спалѣ намъ не сносенѣ. Словомъ, сдѣлался онѣ намъ мучишелемъ. Сомнѣвался насѣ предосперетая; мѣшался вѣ наши рѣчи. Во время обѣда тако вой намъ содѣлалѣ спрахѣ, что не знали, что дѣлашь, хошя о семѣ и вѣдома намѣ причина.

Пуспъ прежде и содержаны мы были вѣ заключеніи при Мисприсѣ Мелло, однакожѣ веселилѣ ея нравѣ, чѣмъ она забавлялась сѣ нами; а сѣ спмѣ не было иныхъ разговоровъ, кромѣ поучишельныхъ. Но что намѣ пришло дѣлашь? Оспавимѣ ушро, пуспъ онѣ ходишѣ кѣ намѣ. А Элеонора говорила,

рила, что бѣдный старецъ не проживетъ и четырехъ дней, когда нѣкому ему будетъ проповѣдовать. Правда, что и мы умирали со скуки. Вошла мысль Элеонорѣ, которой мы обѣ смѣялись и предпріяли тому сдѣлать опытъ на другой день. Вспомнили мы, что слышали отъ Мисприсы, кромѣ двухъ проходовъ, изъ которыхъ одинъ велъ въ игуменство, а другій въ пещеру Гермипа, есть и шрешій весьма пощаенный, ведшій къ развалинамъ. А сіе и паче умножило въ насъ любопытство по приключенію случившагося намъ, о которомъ я намѣреваюсь сказать. Лучше бы было, если бы мы онемъ и забыли. Напрошиву тогда насъ веселило, чтобы насладимся свѣжимъ воздухомъ и новостію въ радость насъ приводящую. Да припомъ нужно было избрать и время, дабы то ушайшь спѣ опца Антонія. Къ сему и прѣуговорились послѣ обѣда, какъ пойдетъ онъ по обыкновенію въ свою келью.

Взявъ мы факелъ и укрѣпя себя
сколь возможно, уговорились ипши
искашь

искашь, прохода съ великимъ молчаніемъ, не называя себя и именами и съ несносными прудами отважились полспти и нисходипь подъ однимъ сводомъ, весьма низкосведеннымъ, еще и не зная о немъ. Но попомъ нашли, что проведенъ былъ онъ въ Игуменшво; очень шѣсенъ и сыръ прошиву другихъ, но корочѣ. Когда же мы приблизились къ сему концу, увидѣла я небольшую скважину, сдѣланную конечно нарочно, дабы внутрь освѣщало. Сказала Элеонорѣ ползщей землю: пожди, покамѣспѣ я о-смопрю мѣсто. Уже нѣшѣ пеперь никакого спраха. Увидѣла длинный рядъ колонновъ разбишыхъ, не только обросшихъ, но и высокимъ шерніемъ перешлешенныхъ, дикими кустами и всякимъ былѣемъ заросшихъ. Все сіе доказывало, что по мѣсто было запущенное. Искали входа и нашли скважины, чешвероугольную дверь, поддерживаемую двумя крюками, а среди замкнушую крѣпкими желѣзными запорами пакъ, что я неимѣла сполько силы, дабы ихъ приподнять. Элеонора

погася факелъ помогала мнѣ. Такимъ образомъ мы въ шомъ успѣли, и хопя мы себя ободряли и любопытствовали, но дрожали отъ страха, нашедъ кучу развалинъ; осматривая всюду, какимъ образомъ сей входъ былъ скрытъ, увидѣли, что предъ дверью соспроено было зданіе на подобіе гробницы. Въ чепырехъ споронахъ сего монумента поставлены чепыре исполина въ воинскомъ ополченіи, яко воспрецающіе входу; а у двухъ уже и головы свалились. Казалось намъ, что погребенъ шупъ кшо нибудь изъ знаменитыхъ воиновъ. По надписаннымъ профеямъ сего было и разсмошрѣть не лзя; ибо рѣзьба была грубая и неспособная, дабы узнать о погребенномъ. Превеликій камень заслонялъ снаружи выходъ, о копоромъ выше сказано, и шоль былъ плоско смазанъ съ другими, что безъ укрѣпленія дверей никакъ узнать входу не можно. Дальный проходъ съ великою нуждою проходимъ. Кучами лежащіе каменя, шерніемъ и лѣсомъ помѣстамъ обросшіе, да поставшіе спо-

лпы совсѣмъ моглибъ повалишься, есльми бы не удерживали ихъ огромныя кучи, кои защищали ихъ отъ вѣтровъ. Нѣкоторыя малые ошанки зданія были храмы отъ густой правы или вѣшнии отъ удереній солнца. Съ великимъ сожалѣніемъ принуждены ошавишь сѣ нами найденное владѣніе шотда какъ увидѣли, вѣ верхи дровъ ударявшее солнце.

Мы всячески спарались, чшобъ укрьшься отъ нашихъ происковъ, бояся Аншонія, ибо онъ имѣлъ надъ нами полную власшь. А чшобъ заслужишь его довѣренность, должно уважишь его спарость снисхожденіемъ, а имѣшь на своемъ сердцѣ холодность, льснтя себя надеждою нѣкогда бышь освобожденными сего ига, чего бы намъ сѣ ни спшшло.

Самая бездѣлка вѣ юности есль испочникъ неизсыхаемый веселія. Пѣсенки, цвѣшочки, прогулка, все шо замлешъ сердца. Спрасшь еще шогда усьплена бываешъ, когда она не вливаетъ вѣ сердца своего яду.

Веселіе въ невинности водворяетъ неизбѣжнымъ. Тако мы наслаждались нашею прогулкою; подобно младымъ пшицамъ, скачущимъ съ одного мѣста на другое; и хощя привыкли мы гуляшь, однакожъ не случилось намъ встрѣпшиться ни съ какимъ человѣкомъ. И такъ не имѣли никакой опасаспи ходишь по лѣсу. Чрезъ нагибъ земли видны намъ были великое проспранство, проѣжая дорога, нѣсколькo шалашей наполненныхъ жишелями, кои могли бы собесѣдовашь намъ, еспьли бы похощѣли.

Спашься можешъ, что вы осудише меня, что я неполезное вамъ чиню описаніе. Ахъ! государыня, не лзья шого сказашь. Лѣсъ сей не былъ пустынею; онъ незапнымъ случаемъ, или предѣломъ доведешъ скоро до пріятности, а напаче спраха въ слышаніи моего повѣспиванія.

Въ одинъ день я, вызвавши сестру мою, услышила между жиломъ и лѣсомъ чрезвычайное эхо. Пріятно было мнѣ слышашъ, и я на шощъ разъ занималась пѣснею. Въ сію самую мину-

шу

шу пресѣкла ее Эсонора ; ибо она бросавши приваду пшцамъ, пріучила ихъ кормить изъ своихъ рукъ. Бѣжала необыкновенно къ подземелью, махнувъ ей мнѣ слѣдовать. Мы чрезвычайно превожены были, а не знали причины, бѣжали безъ памяти изъ своего мѣста, а наиболѣе шумъ слыжа шѣснящійся сквозь густоту лѣса близъ меня, и голосъ тихій, который казался бытъ мужескій, вопіешъ : постойте, постойте, государыня, я васъ умоляю ! Я хотя въ самой пороюспи бѣжала, но ничто пронуло меня столь сильно, что я прошивъ воли моей оборотилась и увидѣла мужчину, продающагося сквозь шернѣе: онъ меня наспитаетъ. По сему уже не можно было мнѣ ушайтъ входу нашего, което бы я и опкрытъ не хотѣла. Пусть бы то и не простипельно было, но произвелъ сіе страхъ, опасаясь челоуѣка, который за мною гонится и ловитъ. Подошелъ онъ ко мнѣ съ видомъ почтительнымъ. Я еще не много пошсшупила, да и онъ остановился.

Дра-

„Дражайшія Ладіи, оборошась онѣ къ
 „сеспрѣ моеи говоритѣ, ибо она была
 „къ нему ближе: весьма чрезвычайной
 случай приключился мнѣ повспрѣчашь-
 ся въ сей необитаемой пустынѣ съ
 прекрасными вашими особами, самое
 несчастіе даруетѣ мнѣ спасеніе; сдѣ-
 лайте милость, не опасайтесь ничего.
 Видите человѣка, ждущаго вашего по-
 кровительства и помощи, а чтобѣ
 васѣ не успрашить, донесу, что я не
 есмь какой либо дикой; пристушите
 къ сожалѣнію, и, естли естѣ какой
 способѣ, укройте меня отѣ толпы го-
 нишелей и смерти, они поспигающѣ
 меня, отѣ коихѣ я едва оборонился.

Тонѣ и видѣ сего человѣка, копо-
 рый говоритѣ такѣ, яко молниенный
 ударѣ поразилѣ мою грудь. Онѣ уже не
 въ цвѣтѣ своихѣ лѣтъ; но пріятность
 и вся его фигура еще не изпреблены
 на чертахѣ лица его. Спроность шѣла
 и борошы являли нѣчто величавое; о-
 снрые глаза и голосѣ нѣжный означали
 въ немѣ великія дарованія; распро-
 ешер-

спершые волосы украшали его видѣ. На груди висѣла надѣшная лента, на копорой повѣшенѣ. поршренѣ ордена подвязки, а другій чужнспранный. Таковые знаки доказывали, что онѣ значный человекѣ.

Удивленіе, смущеніе, тысячи разныхѣ воображеній возмушили мою мысль: словомѣ, спала я аки безмолвна; бормотала, а не говорила. Элеонора отшважиѣ бывѣ, отшвѣчала вмѣсто меня. Она показывала келью опца Аншонія; мы полько вамѣ симѣ услужимѣ. Ахѣ! сесприца, схвашя меня за руку, вскричала: не лзя ему ворошиться; его убьюшѣ до смерти, и выговорила сѣ такимѣ рвеніемѣ, что онѣ спыда покраснѣвѣ попушила глаза. Но еще нуще заспыдилась, когда сей спранникѣ ухватила мою руку, поклоняся сѣ почшеніемѣ.

По меньшей мѣрѣ, милоспивыя гсударыня! я уже пользуюсь вашимѣ благодѣяніемѣ. . . . Но нѣшѣ, не время и не мѣсто намѣ разсуждать долѣе, прошу сего не терять, спасише себя

заблаговременно. Злодѣи гнавши меня, не устращаются ни вашей младоспи, красоспы и невинноспи. Сугубое несчастіе поражаетъ меня будещь, еспьли вы пожеривуете въ моемъ жребіи. Когда судьба продолжишь мою жизнь, спашься можешь, что я докажу услугою, что вы спасли челоуѣка отъ смерши, „ не учиня вамъ никакой преданноспи. „ Напросивъ, когда сей день естъ по- „ слѣдній для меня, то единой мило- „ спи прошу, чшобъ сей поршрешь до- „ ставишь въ руки Елисаветъ; узна- „ ешь она, чей онъ былъ. „

О любовь! сколь скороспечны твои успѣхи! Каждое его слово внуспренность мою поражала шакою спрѣлою, каковой до сей поры не чувспвовала. Мнилося мнѣ въ шѣ минушы, что я тошова вдашься въ руки убійцъ, только бы его спасла. Замѣшашельство преодолѣло благоразуміе, забывъ опасоспшь. Хощѣла его спросишь, кшо и ошкуда онъ; но звукъ голосовъ въ недалномъ отъ насъ разспоянїи изгналъ сїю мысль. Онъ, подхваща мою руку, влекъ меня
сквозь

сквозь перніе и камни до самой предсказанной гробницы. Но его удивленіе превосходнѣе было и нашего, когда увидѣлъ онъ входъ нашего жилища, а уже не было ему время о томъ объяснить. Вовлекъ онъ насъ насильно и самъ вшелъ за нами. Тотчасъ мы заложили запоръ, а я оставила сестру на спражѣ у дверей присматривающа, чшобъ по были за люди, коихъ мы слышали голоса. Госпя же своего ввела я въ лучшую комнату нашего подземелья. Онъ тотчасъ палъ на колѣни и благодарилъ за мое благодѣяніе. По семъ вставши и ошступя мало всюду озирался. Я же въ молчаніи препенявъ, пала въ креслы, не смѣя оборотиться, воображая, что убійцы нападутъ на насъ, или по крайней мѣрѣ войдутъ сюда ошецъ Антоній.

Судьба, воскликнулъ онъ: какой спранный случай довелъ меня узрѣшь два лица: моего несчастнаго друга, Королеву Шотландскую, еще двухъ особъ имъ подобныхъ.

Помыслише, до чего меня довела шакова рѣчь, что слышу я шайну нашу, копорую мы хранили нѣсколько лѣтъ, попомъ ввѣрили сему незнакомцу, впала я въ великое безпокойство, и недоумѣнїе. Запираешь ли, или признаешь въ истиннѣ; за симъ положась на ево честь, а онъ предвидя мое смятенїе, прерываетъ оное сими словами.

Объемлетъ васъ смущенїе, милоспивая государыня, по являющъ ваши очи, наводя вамъ страхъ и недовѣрчивость. Но прошу прежде выслушать со вниманїемъ будучи въ неизвѣстности о моей судьбинѣ, и тогда рѣшитесь, достоинъ ли я буду вашимъ бышь повѣреннымъ, или услышите, что вы справедливо сомнѣваетесь. Судьба послала двухъ ангеловъ въ мою помощь; воззрите на сей портретъ, тогда узнаете, кто есмь я. Это портретъ Елисаветинъ съ такою надписью: данъ самую ею Роберту Дюдлею, Графу Лейсесперу.

„И такъ, сколь щастлива, говорю
„ему я, что могу плашпшь должное
„Графу Лейсеперу, коему изъ давнихъ
„лѣшъ сего желала.

„А я, милоспивая государыня!
„опшвѣчаешъ онъ, наибольше счашпливъ,
„чтобы вамъ опслужпшь? Ешпшли
„смѣю вамъ выговорпшь? А спашп-
„ся можешъ, что и сбудешся. . . . Ща-
„спливая мать, копорая произвела на
„свѣшъ споль любезныхъ дѣшей, и какъ
„могло спашпсь, что таковыя красопы
„и дарованія могли помѣщены бышь въ
„сїи мрачныя жилища! Скажпше, госуда-
„рыня! я имѣю право сего шребовашъ по
„дружбѣ несчашпливаго Норфольда.

Я сему покоряюсь, Милордъ, за-
плакавъ горько, такъ ему я говорила:
вѣчную и мы имѣемъ къ вамъ благода-
рносшь. Теперь имя ваше лишаешъ вся-
кой боязни, и должно признашпсь, что
вы опгадали.

„Но какъ вы заключены въ сей
„шемницѣ, и для чего не во Франціи.
„Ахъ! вопрошашъ и я васъ имѣю при-
„чпну: какпмъ образомъ фаворпшь Ели-

„савешинѢ (*) одинѢ зашелѢ въ пу-
 „спое мѣсто и подвергѢ себя убійцамѢ.

Правда, вамѢ покажется удивительно, но я вамѢ извѣщу сему причину, надѣясь на вашу скромность. Случай быль въ милости у Государя, естѢ великая знапность; но шаковое шаспїе не бываетѢ вѣчно: должно ходитѢ опасными спезями. И еспїамъ вслушаетѢ вы вѢ начала моего обспоятельствва, тогда не можете зависпвоватѢ блиспаннїю, кошорое мечшается вѢ очахѢ зришелей; но увѣренѢ я о шоликомѢ вашемѢ великодушїи, кое приведетѢ васѢ вѢ жалоспѢ.

Между шѢмѢ Элеонора, исправя свою должноспѢ, вошла кѢ намѢ. И признаютѢ, что я не рада была ея приходу; желала
 чшобѢ

(*) ФаворитѢ не шо, что бы значило любовника, но важная былѢ онѢ особа для Елисаветы, коего она и почпила всякимѢ достоинствомѢ, обогатила, да и мнила со временемѢ вышши за него за мужѢ.

чтобъ она еще умедлила. Она споль исправно донесла намъ порученное дѣло ей, что ябъ не въ состоянїи была того исполнишь. Взоръ Лорда Лейсестера произвелъ во мнѣ великую надежду, и ввелъ въ шолкое безпокойство, какого я никогда въ себѣ не чувшвовала, разсуждая припомъ, что онъ, будучи у двора сполько лѣшъ, умѣлъ вложитъ прелести. Я мнила, что онъ и меня примѣшилъ и конечно усмопрѣлъ. Но подозрительна мнѣ была красота Элеоноры и ея хипросшь. Она была дѣвушка молодая и проворная; того ради подъ разными видами опсылала ее прочь для домашнихъ нуждъ. Элеонора пошчасъ узнала по одному моему смяшенїю, и дала мнѣ чувшвовашъ споль вняшно, что я опъ того покраснѣлась и прилагала старанїе изыскашь средство всякой день, хваля сестру мою въ красотѣ и разныхъ ея предомною преимуществахъ. А съ своей спороны доказала Лорду, что взираю на него не спраспно, обнадаживая шѣмъ, что шакowymъ поведемїемъ могу узнать его склонность. Изъ

сего каключила я бышь двумь пользамь: имѣшь вольность и опкровенность.

Сестра моя рассказывала намь, что она видѣла четырехь человекь, кошорые обыскивали по всѣмь мѣстамь да же до самыхь внушренныхь развалинь, говоря между собою: онь здѣсь? здѣсь онь? А одинь изь нихь поднявь его шляпу (кошорую онь конечно срониль вь мѣсу,) и всѣ четверо согласились не вышши прежде изь мѣсу, доколѣ его не сыщуть.

Донесеніе шаковое сестры моей довело меня до великаго ужаса; ибо предвидѣла я, что Лорду вышши будешь не возможно, не подвергнувь себя убійству; а отца Антонія мы ежеминутно ждали, и какь онь тому повѣришь, что мы его спасли оть смертоубійцевь? Разсудили скрышь Лорда вь комнашѣ Мисприсѣ Меллы, она была пуста по ея смерти, да и никто вь ее не ходиль.

Уже день кь вечеру клонился. Аликса была спара и дряхла, по сему

мы принуждены были сами прудиться изгошовить ужинъ для Лорда Лейсеспера. Изгошовили съ шанимъ вкусомъ, что и ему пища пріятною казалась. Пошомъ полагали на шполъ, что могло сыскашья въ нашемъ бышїи лучшаго и возшли пошчасъ въ комнапу, ожидая нашего приспавника, ешпи онъ вздумаешъ вечеромъ посѣшшъ насъ.

Хоши мы были обѣ не дурны собою безпрекословно, но къ сему не одна красота была принадлежна, что и подало случай Лорду шому удивляшья, когда онъ насъ увидѣлъ. Мы одѣшы были по вкусу Мисприсъ Меллы, не подражая никакой свѣшской модѣ. Одежда наша значилась покровомъ невинныхъ сердецъ паче украшенія. Корсетъ и юпка были смѣшены съ серопалевымъ цвѣшомъ; рукава обложены въ узоръ бахрамою, на шеяхъ обвязки кружевныя съ черными леншами; распущенные волосы падали буклями по плечамъ; головы покршпы коспровыми шляпками съ черными же перьями: въ шюмъ состоялъ нашъ нарядъ; простъ по-

покажется въ публикѣ, но пристроенъ въ нашей пущынѣ. Простота есть лучшее украшеніе. На сей разъ показала мнѣ Элеонора еще прекраснѣе въ семъ нарядѣ, нежели въ шакомъ, кои роскошно наряжаются. Пришомъ имѣла она взоръ проницательный и веселый. Всякъ, кто возрипѣ на ее, можетъ видѣть нѣчто прелестное: она имѣла видъ шѣла нѣжнаго и въ лицѣ малый румянецъ; чтожъ принадлежало до ея сердца и поступковъ столь привлекательныхъ, то всякъ бы ей приписалъ полико же красоты, сколько я. Но оставимъ исторію о сеспрѣ моей, которая будетъ въ своемъ мѣстѣ, и которая жалила сердца съ пролишемъ слезъ.

Хипросъ есть, говорятъ, дочь любви. Мы какъ оставили Лорда Лейсеспера, я скрывала отъ сеспры моей свою къ нему склонность, а за нею примѣчала; въ своемъ же сердцѣ чувствовала разлившуюся ядовитую спрасть и объемлемую всѣ мои члены. Мнила, что сей человекъ, когда покорила мое сердце, можетъ властительствовать

и надъ всѣми. Всякій взоръ сестры
 моей умножалъ во мнѣ страхъ. Каза-
 лось мнѣ, что я чишаю въ ея очахъ
 подобную же моей страсть. Это меня
 беспокоило; однакожъ безъ лишняго
 рвенія. Но вошъ что? Мы вдались во
 власть человѣка, который фаворитъ
 Елисаветъ; сіе наипаче ввергало меня
 въ страхъ. Но когда о семъ разсуж-
 дала, льстила себя надеждою, что
 ввѣрюсь человѣку, полагаясь на его
 честь брать участіе въ его жизни.
 Симъ мнѣніемъ я облегчала мою боязнь.

Смущеніе моего разсужденія во
 всю ночь не допустило меня уснуть.
 Въ которыя минушы я льстила себя,
 что престопа являешъ чиснопу мое-
 го сердца, но сравнивая дворъ, что я
 не имѣю способности шокowychъ, како-
 вы ему приличны. Незвѣстность же
 рожденія моего все опровергаешъ. Сіе
 самое приводило меня въ отчаяніе, и
 несчастіе моихъ родителей на себя я
 обращала; и когда приходило мнѣ въ
 мысль, за что ему меня презришь?
 иль я причиною прилучившихся ихъ

Томъ I

и

не-

несчастій? нѣтъ, надобно мнѣ судить о немъ по своему сердцу. Мнила, что верховная власць не попустишь, чпобы онъ не раздѣлилъ моего счастья съ собою.

Глубокій сеспръ моей сонъ мыслишь о ней украцалъ. Но предсхавилось другое, какое бы несчастіе изгнало Морда Лейсестера искашь убѣжища въ мѣстахъ пустынныхъ? Воображала себѣ то и другое, но все не основательно; не могла разсудить о томъ, какъ въ землѣ шoliko мудро управляемой могутъ гнать челоуѣка въ шполь знашномъ чинѣ. Но судила пошому, чпо я не знала ни свѣша, ни въ немъ пороковъ; кончала шѣмъ, что узнаю о семъ въ свое время.

Не обьявляли мы Лорду Лейсестеру, чпо бы шаконъ былъ сей челоуѣкъ, кошорому мы должны воспитаніемъ? Но сказали шолько, что должно сему шакъ бышь, дабы онъ содержанъ былъ въ заперши; а онъ шоль былъ учшивъ, чпо не спрашивая причины, съ охощю сему повиновался.

На утрѣ отецъ Антоній пришолъ къ намъ по своему обыкновенію еще больше мраченъ и многомысленъ, нежели прежде. Мы надѣялись, что пошчасъ пойдетъ послѣ обѣда; но уже было близъ часа, а онъ еще медлишь, и продолжаетъ длинную рѣчь, (коей было такое начало, что вывело меня изъ перпѣнія). Онъ говорилъ, чтобъ мы побѣждали спраши и пребыли во всемъ тверды. Всякое слово, которое онъ произносилъ, нудило насъ просишь, чтобъ онъ таковое правоученіе кончилъ, но онъ долѣ продолжалъ. И такъ вышедъ я изъ перпѣнія, замолчала, не сыскавъ другаго средства, чтобъ сбывъ его съ рукъ. Сей способъ намъ удался. Онъ ушолъ; мы же бросились свободишь пошчасъ нашего узника, который мнилъ, что мы его и забыли. Ввели его мы въ большую комнату и едва его накормили, то просили, дабы онъ намъ рассказалъ свою повѣсть, въ чемъ онъ намъ обѣщаль, и началъ ее такъ:

Родился я опѣ неизвѣстной вамъ фамиліи, мои государыни; первые дни

препроводилъ я въ покойной жизни. Но прежде донесу вамъ свои обспояшельства, по какому случаю я вшолъ въ милосшь и Фаверъ къ Королевѣ. Изъ пяти сыновъ я послѣдній былъ весьма молодъ и не могъ понимать, за что погибла вся моя фамилія, и принесена въ жершву самолюбію и шираншву Епископскаго престола, и попрана шакими людьми, кои въ свое время опъ единого имени Ноперберланда шряслися. Не минулъ бы и я, какъ мои брашья, принесенъ бытъ на жершву Марїи Королевѣ Англинской, сеспрѣ Елисаветиной, коея имя въ роды родовъ будешъ въ омерзениі, ешпли бы Графъ Арюндель не укрылъ меня опъ ея звѣршва. Онъ увезъ изъ деревни опца моего, которую повелѣно описашъ, въ свою, гдѣ я и воспитанъ былъ съ его собспвенными дѣшьями никѣмъ неизвѣщенъ. Я поликою обязанъ благодарноштію сему милосердому Лорду, что онъ меня въ юности моей ничего неимѣющаго взялъ въ свое покровительство. Можешъ бытъ, что онъ вспомнилъ услути, но весьма
малыя

малыя Лорда Гюильфорда. Я никогда не забуду шаковыхъ его милостей; Привязанность, какову имѣлъ я къ его дѣшьямъ онѣ примѣшя, не разлучалъ меня съ ними; веселился называшъ меня собственнымъ, намѣревался соединить меня съ своею дочерью, кошорая въ дѣшшствѣ имѣла ко мнѣ склонность, но судьба иначе разположила; изъ четверыхъ его дѣшей оспался одинѣ я. Когда же мнѣ исполнилось пшпнашцашъ лѣшъ, тогда онѣ меня и паче полюбилъ, рачишельно старался о моемъ благополучи, ожидалъ шолько убылова мѣспа Мисѣ Линерѣи, кошорая по сесшрѣ ему была родная племянница и наследница богашаго имѣнѣя. Онѣ ее назначилъ мнѣ женою, и съ опекунами ея заключилъ коншпрактъ и безъ свѣденѣя моего; когда же бышъ свадьбѣ, тогда шребовалъ согласѣя моего. Я не смѣлъ опказашъся, хощя совѣмъ не зналъ шой дѣвицы, и хощя чувшвовалъ нѣкошорое упорштво, но къ свадебному коншпракту принужденѣ подписашъся.

Принцесса Елисавета, которая едва пришла въ себя отъ гоненія сестры ея, содержана была въ жестокой неволѣ; переменные Лорды, ибо Марія находилась отъ нее въ великой опасности, прислаивались къ ней для стражи. Такой караулъ ввѣренъ былъ Графу Арюнделю; по сему случаю Елисавета меня узнала. Бывъ еще я молодъ, не зналъ ничего, но ей угодно было меня награждать своею милостію, исправлять мой разумъ и очистишь вкусъ. А какъ я былъ съ нею разнаго закона, она просвѣтила меня и вложила мысль быть съ нею единого исповѣданія, но на такомъ условіи, чтобы я скрылъ о томъ отъ моего благодѣтеля, доказывая, что онъ шѣмъ уменьшѣ ко мнѣ свои благосклонности, доведшему его до огорченія.

Моя къ Принцессѣ преданность не поэмю наружная была за ея ко мнѣ милости, но внутренно горѣлъ я, чтобы опытомъ доказать ей свое усердіе, чему и дошелъ случай вскорѣ. Графъ Девонзіеръ предпріялъ отъ любви или изъ
 щес-

шцеславія, что Принцесса, будучи въ такой неволѣ, охотно согласиша вступить съ нимъ въ супружество, а къ сему и пригласилъ людей благородныхъ Прованскаго закона; но они ничего ему не помогли. Онъ вздумалъ уношрещи хитрость; одѣлся въ садовничье платье, работая въ саду нѣсколько дней въ надеждѣ, что можетъ онъ увидѣться съ Принцессою, но и по впуи. Содержаніе Принцессы наблюдаемо было весьма строго, и не имѣла иной прогулки кромѣ галлерей, кошорая приспособлена была къ ея покоямъ. Неискусность его въ садовой работѣ довела меня до вниманія, поговорилъ я съ нимъ; робость доказала, что онъ весьма боялся, дабы его не узнали. Тѣмъ самымъ и болѣе спалъ онъ бытъ подозрительнѣ. Онъ не хотѣлъ со мною говорить. Нѣкогда я промолвился о семъ Принцессѣ, ходя съ ней по галлерей, а она слушала со вниманіемъ, и подшедъ ко окну, сказала мнѣ: гдѣ онъ? укажи мнѣ его? а онъ спидѣлъ на сей разъ, ушрещя свои глаза на Принцессинѣ

ны покои. Елисавета не много помолчавъ, вдругъ возрѣла на меня, спросивъ: преданъ ли я къ ней, и могуль отважиться исполнить ея повелѣнїе? Я ошвѣчалъ, не запинаясь, что нѣшъ ничего на свѣшѣ, чего бы я въ угодность ей не исполнилъ.

Я бы не спросила себя такъ, когда бы не была благонадежна на свою вѣрность. Вопшъ мое желанїе: поди и скажи сему человѣку, однакожь наединѣ, что его я видѣла, и его знаю, не могу исполнить его желанїе, и не хочу, чтобы онъ употреблялъ меня въ сіе посредство, слѣдуя своему желанїю. Но какъ ты еще молодъ, по спанешся, что тебѣ онъ и не повѣршъ; покажи ему сей перстень, можетъ быть онъ его узнаетъ, а припомъ скажи, что онъ подаренъ мнѣ его опцомъ уже пому нѣсколько лѣшъ.

По семъ Принцесса, снявъ съ руки перстень, цѣны не малой, и опдала мнѣ. Я пошолъ потчасъ, чтобы исполнить ея повелѣнїе. Ночь мнѣ споль долга казалась, что я не могъ дождашься над-
ле-

лежащаго времени. А чтобъ не упустить минушы, вспалъ рано по упру и сѣлъ подлѣ забора, зная, что сей неизвѣстный всегда ходитъ шѣмъ мѣстомъ. Но поелику пропивна ему была грубая пища и несносныя насмѣшки его собратій, то и хаживалъ онъ одинъ. Увидѣлъ я, что идетъ онъ послѣ всѣхъ, подшедъ къ нему съ учтивостію, выговорилъ все, опъ чего впалъ онъ въ замѣшательство и изумленіе. Но увидѣвши перспень, нѣсколько опомнился и веселость просіяла на его лицѣ. Стократно благодарилъ Принцессу за ея милость, и меня благодарилъ весьма.

А какъ онъ зналъ свѣшъ, то и удивился, почему такъ сдѣлалось, что повѣрила она комиссію чловѣку молодому, однакожъ сказалъ мнѣ свое имя и во увѣреніе вручилъ письмо, выговоря, что оно такой важности, какова была важна ему жизнь.

Или Елисавета была пронута вольностію, или не могла положишься на его объясненія, или опасалась, что шѣмъ удалился прена, показавъ прошивное

сестрѣ своей? Но совсѣмъ отвергла предложеніе Графское, что ни слезы, ни усиленное прошеніе не могло опровергнуть ея разположенія. Наконецъ все подозрѣніе со стороны Графа пало на меня. Онъ считалъ, что всѣ прѣпятствія произвелъ я, за что меня возненавидѣлъ. Между тѣмъ донесено Лорду Арюнделю, садовому начальнику, что на сего человѣка имѣющъ подозрѣніе; попому что усмотрѣно въ карманахъ его множество алмазныхъ вещей, почему должно его задержать; а по причинѣ болѣзни Арюнделевой не могъ самъ снѣ шого изслѣдовать, но и писалъ о семъ ко Двору; почему приказано его взять подъ крѣпкой караулъ. Принцесса симъ весьма потревожена была, опасаясь, что злодѣйствующіе выведутъ наружу все обстоятельство, не допуская ее и оправдаться. И такъ вышла изъ шершнѣя характера своего, предавъ себя въ волю Божію. Сжалился я на ея состояніе, да чтобъ и доказать ей свою преданность, вымыслилъ дерзкій поступокъ, подобный

ба-

баснѣ, въ чемъ меня извинишь можешь
единая молодость.

Уловленному въ преступленіи
Графу Девонзіеру я рѣшился доказать
свою честь, отперъ ему пемничную
дверь, за копорой онъ содержался; что
мнѣ сдѣлать въ ночное время и не
спрудно было. А дабы совершилъ свое
намѣреніе, велѣлъ изгоповишь для него
лошадь въ маленькомъ лѣску; надѣвъ
на него свое плашье, провелъ садовыми
ворощами, а послѣ ворощился съ шакою
радостію, каковой никогда я не имѣлъ
въ свою жизнь

Коль скоро увѣдомленъ былъ Арюндель о его ухъ дѣ, шо и прислалъ за мною,
почишая, что побѣгъ его былъ чрезъ
мою поноворку; сдѣлааь мнѣ выговоръ,
но я отъ всего отперся. Сіе его паче
разсердило; послалъ онъ пошчасъ ко
Двору курьера со всѣми обстоятельствами
о побѣгѣ колодника, и коль скоро
жаръ гнѣва прошелъ, раскаялся о томъ,
что меня находилъ виновнымъ, расослалъ
въ шуже минушу, чтобъ прежде по-
сланнаго достигли; но понапрасну.

При-

Пришедъ ко мнѣ извинялся, что онѣ прошедшее забываетъ. Однако же совѣщивалъ, дабы и я бѣжалъ въ Ирландію къ зятю его Сиру Паприку, гдѣ прожить могу безъ сомнѣнія. Между нѣмъ онѣ беретъ на себя, что можетъ ушолить гнѣвъ Королевы. Послушаніе единое спасеніе для меня осталось; но судьба не оставяетъ виновнаго безъ наказанія. Я наѣхалъ въ пужи на заставу, поставленную по повелѣнію Графа Арюделя съ первымъ курьеромъ, которая усумнилась меня пропустить, въ чаяніи, что главный ихъ начальникъ перваго приказанія не перемѣнитъ, ухватя представили офицеру. Удивившись я перемѣнѣ фортуны, простеръ мои руки безъ противорѣчія. И такъ взявъ меня, отвели въ Лондонъ и заперли въ башню.

По нѣкоторыхъ дняхъ, въ коня не видалъ никто, кромѣ сторожа, представили меня предъ судъ и допрашивали, знаюль я о побѣгѣ колодника и въ чемъ состояло его намѣреніе? Я ничего на то не отвѣчалъ, за то посадили
меня

меня въ шѣсную тюрьму на хлѣбъ и воду; за симъ допрашивали еще нѣсколько разъ. Удивился я, что они не сдѣлали споль долго никакого приговору. Но вдругъ Милордъ Арюндель къ моему удивленію входилъ въ пещицу. Мерзкій запахъ и трубая пища споль меня изнурили, что чувствительный спарникъ, забывъ свою комиссію, зарыдалъ горько, какъ малый ребенокъ, ухватя меня въ свои объятія; но опомнясь говорилъ: не за шѣмъ онъ присланъ, дабы меня упѣшилъ, но съ шѣмъ, чтобы въ присудствіи я во всемъ признался; причемъ заклиналъ меня правами, каковыя имѣлъ онъ надо мною аки ошецъ и аки судія, но какъ мой другъ, чтобы я открылъ свое дѣло, ничего не ушаева: въ прошивномъ же случаѣ жизнь моя опасна, и что онъ лишася меня, яко опоры своей спарости, неизбѣжно снидеть во гробъ.

Содраганіе было чувствительное, съ коимъ онъ мнѣ говорилъ рѣчь; черты на лицѣ сего почтеннаго мужа досятали

до моего сердца. Но что дѣлать? не имѣлъ я духу измѣнить Принцессѣ. Признаюсь, что достоинъ всякаго наказанія; но разскажаніе мое уже не во время. Остался единъ способъ сносить несчастіе великодушно, которое навлекъ я на себя. За симъ палъ я ему въ ноги, умоляя его, дабы онъ предалъ забвенію мою упорность и не лишилъ бы меня своего благодаренія, не мня того, аки бы я презиралъ его власть; увѣряя при томъ, что я предпочту лучше смерть предъ его глазами, нежели желать жизни, да и быть неблагодарнымъ. Онъ вслушась въ мои слова, и не много помолчавъ, похощѣлъ меня искусить, подавая мнѣ немалый подарокъ. Ахъ! Милордъ, отвѣчалъ я: ему вы конечно обо мнѣ худо разумѣете, чая, что я прельщусь на деньги. Могуль ли сдѣлать? когда не исполняю свои повелѣнія, а уже въ шакомъ случаѣ недостойнъ именоваться своимъ сыномъ.

Что пришло дѣлать? Тогда Милордъ, къ пришедшимъ съ нимъ обращаюсь,

ска-

сказалъ , опнявъ свою руку съ прискорбностію : могуль я преодолѣшь швердосшь , коей самъ удивляюся? Прощай, мой любезный сынъ! уже я не могу излечить раны, кои ты мнѣ разтворилъ: шо небо, вложя вѣ швое сердце начала справедливья и благородныя , да соблюдеиъ и защишииъ швои желанія! Но какой жребій шебѣ ни опредѣленъ , а моя жизнь предупредитъ шебя... Прости еще, любезное дитя! я шебя не забуду никогда; выговоря шакъ, оперся на одного изъ предстоящихъ , поблѣднѣлъ и покапился. И шакъ уже не вывели , но вынесли его.

До шого удоршво мое меня подкрѣпляло. Но когда мнѣ пришла мысль о человѣкѣ , кошорый опъ меня погибаетъ , будучи не извѣстенъ о своихъ намѣреніяхъ , шогда желалъ бы я своею жизнью замѣнить его; ибо я ничто есмь, а сей Милордъ полезенъ для себя самаго и своего опечества. Для чего сокращаю его жизнь? Самое право повѣдываешъ мнѣ пецись о его лѣшахъ , но
напро-

напротивъ уморилъ его; таковое разсужденіе смертно меня сокрушало.

Предвидѣвъ между шѣмъ я, что дворъ заподлинно производилъ заговоръ, копорый уже въ самой вещи есть; а по сему и паче мнѣ никакъ принашья въ моемъ поступкѣ безъ нарушенія совѣсти и стыда не лзя, копорый для меня былъ паче смерти. Я напрягалъ всѣ силы, чтобы спояшь швердо въ своихъ намѣреніяхъ, основывалъ и ждалъ съ кропоспїю рѣшенія моего жребія.

Но по корошккомъ времени заговоръ все рѣшила судьба и сдѣлала конецъ Королевѣ, коея звѣрство навело безчестіе на весь женскій полъ Елисавету всенародно опредѣлено возвестъ на престолъ. Ея повелѣніе было меня свободилъ изъ шюръмы, и видѣшь въ облаченіи колодничьемъ; по семъ дала мнѣ Царское слово, что ей будешъ немалое увеселеніе наградишь меня за мою вѣрность.

Но радость моя не безъ сокрушенія была; ибо въ прошедшую ночь Лордъ Арюн-

Арюндель умеръ отъ подагры, которая коснулась его желудка. Зналъ же онъ, что я пришолъ въ милость Королевы и имѣлъ вѣрную благодѣшельницу; по чему и назначилъ меня наслѣдникомъ во всемъ своемъ имѣннн по сочетаннн съ его племянницею супружествомъ, а припомъ дабы и свадьба наша не болѣе была кончена, какъ въ два мѣсяца. А еспьли бы кто изъ насъ нарушилъ его завѣщанн, въ такомъ случаѣ раздѣлишь его имѣнн по праву. Но мнѣ хощя бы и Королевство досталось, однако и въ такомъ случаѣ даръ сей не могъ бы замѣнить его смерть, Таковой ударъ лишилъ меня всякаго увеселенн, и самая свадьба не могла изтребить моей горести, лишась сего почпеннаго мужа. Вольноспъ должна бы уменьшипъ мою печаль; но вмѣсто того она во мнѣ умножилась, чему легкомысленные не могутъ и повѣрнть.

Въ первые годы царствованн произвела она меня въ знатный чинъ, и почтила во всякомъ родѣ ея увеселенн. Всѣ равные меня увеселяли, и ста-

ковою лестію нечувствительно посѣяли щеславіе въ моемъ сердцѣ. Навѣрно, что предвидѣли они паче въ ней ко мнѣ склонность, нежели я самъ; а какъ я еще былъ молодъ, по и искалъ иныхъ обязательствъ. Напропивъ думали со стороны, что я ее любивикъ; ибо никакъ уже не помышлялъ о Линеріѣ, довольствуясь милостію Королевиною. Сего ради и премѣнилъ свой вкусъ, и оставилъ при ней все наслѣдство ея дяди съ шѣмъ, чтобъ меня не порицали родственники покойнаго Лорда Арюнделя, а въ сущствѣ шаковъ отказъ былъ отъ несклонности. О семъ приключеніи провѣдавъ Королева, весьма радовалась, что примѣшно было оно всему Двору. Всѣ заключили свое чаяніе, что я предопредѣленъ раздѣлить съ ней Престолъ. Да я съ своей стороны мнилъ, что она ко мнѣ имѣетъ непремѣнную склонность и не замедлишь свершить мое благополучіе, коль скоро свободишься Лордовъ, сдужившихъ прежнему Двору, кои меня ненавидѣли, а между шѣмъ и я возмужаю.

При-

Приверженность моя была къ Елисаветѣ паче изъ благодарности, нежели изъ склонности. По сему я и имѣлъ перипетіи ждавъ ея воли, упряжняясь въ веселіи и не входя ни въ какія политическія дѣла. Марія Шопландская въ самое то время блистала своею красотою; но то ея несчастіе, что соперница ея Елисавета торжествовала. Блескъ ея славы раздиралъ сердце нашей Королевы тогда, какъ всѣ единогласно удивлялись ея дарованіямъ. Въ ея молодыхъ лѣтахъ мнилось ей, что укрошитъ своихъ гонителей своею скромностію; ибо зрѣла себя на поверхности своего величія, превосходя свою соперницу сугубо въ дарованіяхъ, а паче красотою: то нанесло ей такой чувствительный ударъ, что единое Маріино имя ввергло Елисавету въ жестокою болѣзнь, слыша повсюду похвалы о ея поведеніяхъ. Напроставъ того выходили саширы пронзающія ея сердце, которыя она сносила съ несноснымъ рвеніемъ. Къ тому жъ цвѣтущее ея Королевство поручало ей

себя и желало, чтобы склонилъ Марію къ супружеству, пріискавъ изъ первыхъ особъ разпутнаго житія.

Мервиль, Посолъ Шотландской, между прочими дарами Елисаветѣ поднесъ портретъ Маріинъ, писанный искуснымъ французскимъ живописцомъ. Онъ былъ столь живо и столь красиво изображенъ, что не было подобія въ женскомъ полѣ красотѣ ея. Въ одно утро случилось мнѣ говорить съ Королевою, что я усремился разсмапривать прекрасную миниатюрную работу. Вдругъ вскочила она не говоря мнѣ ни одного слова, бросилась въ кабинетъ свой и заперлась; и такимъ образомъ пребыла три дни въ заперши. А какъ досада ея прошла и одумалась, то присылаетъ ко мнѣ Графиню Коммерзету, которая принеся портретъ, говорила мнѣ именемъ Королевы, что примѣшила она будто я не могу быть въ удовольствіи безъ оригинала, что она отрицается своего намѣренія, и уже послала Графа Родольфа предложивъ Маріи о вступленіи со мною въ супружество.

Слыша

Слыша я такое извѣщеніе, удивил-ся смѣха достойной ревности. Я всѣ мѣры употребилъ Королеву успокоить, что никакого намѣренія и помысла не имѣю о Королевѣ Шотландской, но гордость Елисаветина до того дошла, что и не хотѣла о томъ она слышать; настаивала въ томъ, чтобы я упреждался Маріинимъ изображеніемъ. Повелительнымъ образомъ она приказала мнѣ, дабы я поступалъ съ нею, какъ должно съ своею Государынею.

Вышелъ я вонъ, досадуя на ея высокоуміе, столь несносный порокъ, а особливо въ женщинѣ. Портретъ былъ тогда въ моихъ рукахъ; смотря на него, разсуждалъ въ себѣ, а паче помышлялъ о слухахъ публики, которая превозносила всюду ея качества тихость, пріятность и превосходную красоту. Внутренно радовался сумозбродной Елисаветиною досадѣ, что она прерываетъ союзъ со мною, коимъ долженъ ее изъ одной благодарности; чрезъ что льстивъ себя, что имѣть буду счастливейше мой жребій. Сожалѣлъ о томъ

шокмо , что Графъ Бешфордъ упрелдиль предложеніемъ о моей жизни. Желаль бы я, чшобы сказалъ, но послѣ мысля и о томъ, какой бы я имѣлъ прибышокъ въ моемъ супружествѣ съ Елисаветою, а только одно пустое званіе Короля; а въ существѣ самолюбіе ея не попустишь меня ни до какой должности. Но съ Маріею могу дѣлиться власнью Королевскою, соединенъ буду съ ея нравомъ, что сославиль можешъ мое и ея благополучіе. Марія Шотландская знала, что давно уже Елисавета увѣрила меня раздѣлишь со мною Англинскій престолъ; приняла сїе Марія за насмѣшку, и оппустила посланнаго ни съ чемъ. Графъ Бешфордъ мнилъ симъ меня одолжилъ, опшедъ съ посмѣянїемъ; а я льспился имѣть въ супружествѣ изъ двухъ Царицъ, но лишился обѣихъ.

Отъ шого времени, какъ я пришолъ въ немилость Королевы, именовался щасливымъ Фаворитомъ, и окруженъ былъ шолною всякаго рода людей: иные бѣгушь на переди ко двору, другіе

гѣе окружаютъ, прешы бредутъ позади и, казалось, падутъ предо мною. И тако хаживалъ я среди круга людей благородныхъ. Когда же пришолъ я въ немилость, тогда остался я одинъ; щеславіе меня изнуряло. Всѣ, кои соспавляли мой дворъ, и завидовали моему счастью, меня возненавидѣли и удалились отъ меня; радуясь моему несчастью, насмѣхались мнѣ. Могуль я изъяснить обстоятельно вамъ, мои государыни? Признаюсь откровенно, что доспойное получилъ по дѣламъ моимъ возмездіе, и познаю мою погрѣшность, разве единая молодость меня извинить можеть? И такъ открывшись вамъ признатель-но, представляю судить о моемъ характерѣ.

Мысля о своемъ приключеніи, писалъ я къ Королевѣ, что милостию ея награжденъ былъ, не мня для того, чтобы въ послѣдствіи наложивъ на меня тяжчайшее бремя. А когда лишился ея благодѣяній и сдѣлался ей прошивенъ, будучи ни мало не виноватъ, но пріемлетъ она за преступленіе непро-

спи-

спешельное на вѣкъ: то проеилъ, чтобъ благоволила меня упопрѣбиль въ военную службу и опустить въ Конвильворшѣ. Подалъ я ей шаковое прошеніе, когда она прогуливалась въ саду Скеена, принявъ она не говоря ни единого слова, заплакала. По семъ сдѣлала мнѣ небольшой выговоръ; а я вынувъ поршрѣшъ Королевы Шопландской и бросилъ его въ рѣку Тамизъ, прося припомѣ забыть навсегда оный, купно и мою погрѣшность. Тогда Елисавета, оперши свою руку, дозволила мнѣ оную поцѣловать, и я проводилъ ее въ полномъ веселіи ко Двору.

Таковой мой упадокъ оспался въ памяти навсегда вмѣсто урока. Онъ меня наставилъ, дабы я, будучи въ случаѣ, помогалъ и служилъ людямъ достойнымъ; а шѣмъ самымъ удобнѣе можно дославить себѣ друзей и избѣгнушь непріятелей. Научился я разпознавать людей, кои меня окружали; презирашь лещь и никогда невозвышашься, дабы впредь избѣжашь удара паче прежняго, ешльи фортуна обратилъ свое колесо.

Парла-

Парламентъ неотступно просилъ Королеву, дабы сочеталась бракомъ; но она опзывалась, что о семъ подумаетъ. А какъ мысль ея въ сердцѣ была обо мнѣ, то и мнѣ также приходило въ мысль, что такова счастія лишенъ не буду; но внезапно несчастливый случай опровергъ мое разположеніе. Я боялся того, что мнѣ Королева сдѣлаетъ предложеніе, и поразитъ меня яко громъ, разрушая мое желаніе, которое мнѣ представшему предполагаетъ.

Сиръ Валшеръ, старшей въ Фамиліи Девореза, принялъ Графство Эсекса. Онъ посланъ былъ въ Ирландію, дабы усмирить бунтъ. Тамъ онъ и женился; прибылъ ко двору, дабы представитъ свою супругу. Симъ я искусенъ былъ будучи на осьмнадцатомъ году, не зная не токмо любви, ниже ея имени; и надлежало бы еще потерпѣть, дабы не впастъ въ какой либо просупокъ, но вышелъ изъ терпѣнія, и сдѣлался аки очарованный глазами; коль скоро увидѣлъ сію женщину, во-

стрепешало сердце такъ, что едва могъ устояшь, и собравъ сколько можно мои силы, подшедъ къ ней учтиво поклонился.

Но какъ же я удивился, видя, что она оборотилась къ Лорду съ презрѣніемъ и мнѣ опвѣчала, пораженъ спалъ такою презрительностію; осматривался, не сдѣлалъ ли какой либо неучтивости въ рѣчахъ, или поступкѣ. Но не находя порочнаго, заключилъ, что она изъ пѣхъ госпожъ, коей вложили въ мысль льстецы о ея красотѣ, сдѣлалась достойна посмѣянія по своему наряду. И такъ ошшелъ къ Королевѣ, не довѣдаясь о характерѣ Леди Эсексинной.

Въ вечеру былъ данъ балъ Королевою; не вспомню и шеперь я, какимъ образомъ споль скоро одѣлся, думая, что часы мои опоздали; не зная припомъ чевобу желалъ. . . . Презрѣніе введшее меня въ воспоргъ. Нужно было домогаться случая опплатишь; возмнилось же и шо, что она боялась своего мужа. И такъ мнилъ, что не должно

ее укоряшь, судя по ревности ея мужа. И хопя досадила мнѣ она, однако изъ мыслей моихъ никогда не выходила. Казалось мнѣ, что я весьма замедлился въ своихъ покояхъ; но первый вошелъ въ залу.

Коль скоро сказали Королевѣ, что я уже тамъ, то пріятно ей было мое упрежденіе, и шотчасъ позвала къ себѣ, а между разными разговорами спросила меня, какъ я думаю о Лади Эсексѣ? Я же совсѣмъ вооружился прошиву ея, чему она обрадовалась очень; ибо слишкомъ была она склонна къ похулкамъ, и нравилось ей, кто умѣетъ произвестъ сіе искусно.

Мы въ ту же минушу вошли въ залу, какъ Лади Эсексъ предстала Королевѣ въ блистающемъ своемъ нарядѣ. Тогда я опершись на креслы Королевины стоялъ. . . . Королева начала говорить къ Лади Эсексѣ: я хочу избрать кавалера, о которомъ скажешь, что лучше сей чепы не лзя сыскашь. Между тѣмъ Лордъ Лейсесперъ говорилъ мнѣ: я думаю, Ваше Величество,

позволите мнѣ поговорить съ ней въ продолженіи бала, когда Лади Эсексъ можешь избрать лучшую партію.... Государыня, говорила она Королевѣ: Лордъ Лейсесперъ конечно твердъ въ своихъ мысляхъ, которыя онъ имѣетъ обо мнѣ; и шакъ мы оба одного мнѣнія. Сказавъ шакъ, руку подала своему мужу, которая просперлась до молодого Сесиля. Отъ удивительнаго и досаднаго шаковаго отвѣта, котораго я не могъ понять, впалъ въ недоумѣніе. Королева, пресѣвши мою мысль, вопрошаетъ меня: думаю ли я, что Лади Эсекса наблюдаетъ строгоспъ своего мужа? Я отвѣчалъ, что могу судить тогда о ея мысляхъ, когда примѣчу ея чувствованія: но для меня ничто иное было это какъ загадка. Какъ! Милордъ, по этому ты не знаешь кто она, говорила Королева, опершись о свои креслы? . . . Я, Государыня, ничего. . . Ваше сердце не узнаетъ о Миссѣ Линеринѣ? . . . Таковыя крапкія слова прогнали мракъ моихъ глазъ, и произвели въ духѣ моемъ чрезвычайное волне-

не-

пеніе. Какъ! мыслилъ я, эшо ша, съ коєю я не вступилъ въ супружество, не смотря на завѣщеніе впорато моего опца. Отказался я жениться, обезчестя дѣвицу, которая бы сослала мое благополучіе, или лучше сказать, что опшъ ея чувствованія началось мое несчастіе. Гордость, самолюбіе, досада придумъ ей въ забвеніе: ибо сердце преизполненное любви и горести оправдаешъ мое презрѣніе, и она глупое мое презорство не поспавишъ ни во что, поелику я самъ до шакого довелъ безчестія себя. И такъ уже искавшему мнѣ глазами наскучили рѣчи Королевины, льстя себя, не вспрѣпяшя ли ея съ моими взоры: но все было щещно; да къ помужь шолпа шанцовщи ковъ сему воспящала. Я преклонилъ голову мою, опершись на креслы Королевы, и не могъ инако извинишъ своего смущенія, какъ жалуясь на свою слабость.

Въ шаковыхъ моихъ размышленіяхъ былъ я предупрежденъ Докшоромъ Королевинымъ, коего она по щедротѣ

своей ко мнѣ прислала. Онѣ говорилъ , что причиною шакой перемѣны была кровь излишняя. Онѣ повелѣлъ мнѣ пущипь кровь и успокоиться. Королева почаешу присылала навѣдываться о моемъ сдоровѣ , и въ перьвый разѣ , какъ я вышелъ , увидѣвши ее , почувствовалъ прежній ударъ ; она опослала всѣхъ бывшихъ при ней , чтобъ оспашься наединѣ со мною поговорить. Я пришедъ въ смяпеніе и замѣшательство , едва могъ возрѣть на нее глазами. Увидѣлъ , что и ея взоръ былъ въ безпорядкѣ. Наконецъ прерывисто и съ холодностію говорила мнѣ , что она хотя и даетъ мнѣ предъ всѣми мужчинами преимущество , но не находишь ни съ своей , ни съ моей стороны удобства сочешься бракомъ со мною ; и что прежде , предавъ свое сердце слабости , предвидишь , что тѣмъ помрачишь свою славу , которую она пріобрѣла. Когда пребудетъ дѣвицею , сыщешъ способы покорить себѣ разныхъ Государей , или спрахомъ , или увѣреніями , пошому не можно ей себя уни-

унизить. Лейсесперъ, говоряща она, я себя не обинуя объявляю о своихъ намѣреніяхъ: я знаю, что ты меня любишь; а дабы ушлили мнѣ твою печаль, даю тебе царское мое слово, что я за-мужъ не пойду, какихъ бы достоинствъ кто ни былъ. Помни, что Елисаветина дружба пребудетъ къ тебѣ непрѣмѣяемою вмѣсто супружества.

За симъ простерла она свою руку, кою я цѣловалъ съ видимою ей прискорбностію; но внутренно радовался, что освобождаюсь такового бремени. Удивлялся я, отъ чего сдѣлалась сія перемена. И хотя было для меня сіе не понятно, однако зналъ ее гордость и предприимчивость. Но вошь что меня огорчило? Я обѣщался ей не жениться ни на комъ безъ ее изволенія. Таковой вымученный вопросъ будетъ для души чувствительной очень несносенъ.

Тотчасъ весь дворъ свѣдалъ, что я лишился надеяній моихъ; но я имѣлъ увѣреніе о дружбѣ Елисаветиной. Вѣр-

на она въ своемъ общѣ; да и правда, что во всякомъ случаетъ оказывала она мнѣ предъ-всѣми опличіе; о томъ только я и мыслилъ, дабы понравиться прелестной Лади Эсексѣ. Надѣялся еще, что нѣкогда она гнѣвъ свой перемѣнитъ, хотя и являетъ взоръ, слѣдующій полиптикъ. Я бы конечно лишился надежды, если бы не зналъ, что женщина досадующая подаетъ надежду мужчине получить прощеніе. Я сносилъ всю ея горделивость съ терпѣніемъ; что ее веселило.

Я бы не наскучивалъ вашей нѣжности, мои Государыни, продолжая повѣсть несчастнаго любовника, если бы не принадлежала она къ окончанію. Какавую нелѣпость въ поступкѣ Лади Эсексы произвелъ ревнивый ея мужъ, привыкшій слѣдовать фантазіи своей; шѣмъ самимъ и вынудилъ ее больше быть ко мнѣ склоннѣе. Увѣренъ же и я, что она не любитъ никого, кромѣ меня, и что я принудилъ ее избрать другое супружество, по симъ обещательствамъ поступала со мною
такъ,

шакъ, что укрывалась воззрѣнія моего. Сею препоною произвела во мнѣ паче спраспную любовь; опѣ чего я впалъ въ шакую же ревность, какъ и ея мужъ. Не прошивно мнѣ было, что онѣ содержитъ ее крѣпче день опѣ дня. Важное препяшсшвѣ для меня было ушѣшеніемъ, что никшо и другой ее не увидитъ; и чѣмъ рѣже ее видѣлъ, шѣмъ больше желалъ видѣть. Въ шо время мужъ ея назначенъ былъ командовать войскомъ въ Ирляндію; куда вознамѣрился и ее вынужденно взять съ собою. Удивляюсь, какъ любовь и печаль не ввергли насъ обѣихъ во гробъ. Дворъ конечно могъ узнать, о чемъ я сокрушаюсь, ешъли бы Королева по моей прозьбѣ не послала и меня командиромъ въ Индерланды. Тогда не зналъ бы я, какимъ образомъ скрыть несносную мою горестъ, когда бы ее не увезли.

Уже прошло нѣскольکو лѣшъ, какъ ее я не видалъ. Между шѣмъ мужъ ея умеръ, и она будучи вдовою, разположилась жить въ Англіи. Я по

первому извѣстію пріѣхалъ ко двору. Но какъ она жила уединенна, и спрото наблюдала свое вдовство, то и трудно мнѣ было ее увидѣть; однакожь удалось. Воспрепещало мое сердце. Я покусился ее обнять; но она, оппоргнувъ меня, со слезами говорила, что таковъ поступокъ будетъ не просипеленъ, и посрамилъ ея непорочность, о чемъ разкаиваться она будетъ вѣчно. Вся моя прозба была для нее не жалостна; и какъ вырвавшись изъ моего объятія ушла въ другой покой, гдѣ былъ братъ ея Линерикъ. Топчасъ онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ меня: какое имѣлъ я право удерживать ее. Я открылся не обвинуясь, что по праву любви. Льстилъ я себя, что молодато Ирлянца склоню на свою сторону, обнадеживая его, что завпрешней же день доставлю ему знапный чинъ. Узналъ я, что Лади Эсексы была цѣль, дабы я на ней женился, чего всячески я убѣгасть спарался, имѣя на то особенные резоны. Однако до того былъ доведенъ, что все

за-

забылъ. Лади Эсекса склонилась, препоручивъ надъ своимъ сердцемъ законное право, которое я споль долго обожалъ.

Мыслилъ я, какимъ бы образомъ можно было мнѣ сіе ушанить отъ Королевы, которая почивалась моею любовницею; а поному я приходилъ къ своей супругѣ очень рѣдко. Таковая препона больше умножала во мнѣ спрасни. Счастливымъ я тогда себя почивалъ, когда безошлучно наслаждался ея лицезрѣніемъ; ибо въ продолженіи моей оплучки чувшвовалъ я великое безпокойство.

Обратимся на время къ бѣдной Машильдѣ, когда Лейсестеръ упоминалъ имя Лади Эсексы, тогда препенало мое сердце, что уже онъ женатъ. Темноша (понеже день къ вечеру клонился) мѣшала, что онъ не могъ усмотрѣшь премѣны моего лица. Но вздохи, сколь не старалась я скрыватьъ, подавляли мою грудь, и довели до того, что я едва не упала.

Лордъ

Лордъ Лейсесперъ спарался всячески мнѣ подать помощь. Но думаю, что слезы, явившіяся на лицѣ моемъ, открыли мою тайну. Я просила позволенія, чтобъ итти въ свою комнату. Онъ опложилъ свою испорію до ушра и тысячу разъ извинялся, что меня своимъ повѣствованіемъ обезпокоилъ. Элеонора отвѣчала ему вмѣсто меня.

Коль скоро мы были наединѣ, то я вдавалась въ несносную тоску и плакала неуспѣшно. Моя любезная сестра равно же слезами обливалась, и мы пришли въ такое состояніе, что одна другой не могли выговорить ни единого слова.

Не мучься, сестрица, говори мнѣ она: я щажу твою нѣжность; ободрись и жди конца сей испоріи. Не уже ли безсмертна сія женщина. Ободрись; я увѣряю всеконечно, любезная Манильда, и прорицаю, что вы рождены одинъ для другаго.

Все возможно, мнѣ говорила сестра моя. Но во всю ночь въ великомъ я
пре-

Пребыла спрахѣ, желая знашь о бракѣ Лорда Лейсеспера, яко о важнѣйшемѣ несчастіи. Сердце его, вскричала я, уже вручено другой! Виновна ли я, что любовь шолкой мнѣ нанесла ударѣ? Нѣпѣ! сія злая спрость заматерѣла въ моемѣ сердцѣ. Буду я можетѣ бышь несчастлива, но не буду подвержена грѣхопаденію; дочь Марїина явишся достойною имени Сшуарша. Когда Лейсесперѣ будетѣ въ публикѣ, то вспомнишь, что не могѣ побѣдиль невинное сердце; онѣ воздасѣ должную хвалу дочери его друга. Соедился онѣ съ счастливою супругою, а моя младость отѣ того снѣдается въ сей пустынь. Я желаю, чтобѣ продлилась ихѣ жизнь, выговоря такѣ залилась слезами.

Увы! государыня, я забылась, что пишу къ персонѣ благоразумной, не вникая, что таковой разговорѣ писанѣ по вкусу любовному. Извините, представя себѣ, что я нахожу въ томѣ свое увеселеніе, описывая первыя движенія моего сердца.

Лордѣ

Лордъ Лейсесперъ началъ свою испорцію на другой день въ пѣже часы. Война меня задержала едва не полгода въ Индерландахъ; а другія полгода бывалъ я по у двора, по у своей жены. Посолъ Французскій лишилъ меня милости Королевиной; ибо донесъ ей о шайнѣ нашего супружества. Послѣ, какъ я къ ней вошелъ, примѣшилъ, что она принимаетъ меня съ неудовольствіемъ. Можно мнѣ было легко сіе узнать по ея произношенію. Наконецъ уже явный на меня сдѣлался гнѣвъ ея. Повелѣла, дабы я ни мало не медля ѣхалъ въ Индерланды въ армію, и не осмѣливался бы ослушаться безъ почнаго ея указа. Выслушавъ я споль неожиданный ударъ, поклонясь вышелъ вонъ, не имѣвъ чѣмъ оправдаться.

Уже мнѣ не было нужды шайшь о своей женидѣбѣ. Жену свою со служителями опущилъ я въ замокъ Кенильворпъ, который отстоялъ отсюда въ нѣсколькихъ миляхъ, въ той надеждѣ, что она пробудетъ спокойнѣе,

нѣе, доколѣ минешѣ гнѣвѣ Королевицѣ; а я, повинувась ея указу, поѣхалѣ въ Индерландію. Послѣ того свѣдалѣ я, что Королева была въ шакомѣ намѣреніи, дабы вмѣсто наказанія разлучить насѣ на долго.

Время, опдаленіе и другія обстоятельство пресѣкли между нами переписку. Уже нѣсколько прошло мѣсяцевѣ, что я не получилѣ ни одного письма отѣ жены моей, почему и принужденѣ былѣ послать нарочнаго. Виноватѣ, что сію вину возлагалѣ на Королеву и моихѣ непріятелей; ибо я думалѣ, что я посланѣ въ ссылку, шо и поѣхалѣ въ Англію, чшобѣ взять жену къ себѣ въ Индерландію, дабы ее успокоить отѣ гнѣва Королевина.

Сей незапный пріѣздѣ удивилѣ мою жену. Но нашелѣ, что она не очень здорова, и радость, каковую она оказывала, смѣшена была съ смущеніемѣ и печалію, что меня пошревожило; но я сіе опносилѣ къ ея болѣзни. Красота ея, казалось мнѣ, что
увя-

увяла; но и сіе я почиталъ причиною мое опсудствіе. Вся моя ласковость не сдѣлала въ ней никакой перемѣны. Она говорила мнѣ, что гнѣвъ Королевицъ произвелъ, что она была заперта яко узница, и не имѣла никакого свиданія ни съ кѣмъ, уже тому мѣсяцевъ пятнадцать, кромѣ какъ съ своимъ брашомъ, который не оставлялъ ее во уединеніи. А паче нуженъ онъ былъ пошому, чтобы усмирить домослужителей, кои развратились и не спали бытъ послушны, щипая ее не за Госпожу. Должна я за сіе благодарить Жамерика, да и подарила ево лучшимъ перснемъ, который и мнѣ подаренъ былъ Шпашами.

Замокъ мой, въ которомъ я давно не бывалъ, показался мнѣ прелестнымъ жилищемъ, земнымъ раемъ, тихостью удалившеюся отъ шуму военнаго. По полудни прогуливался я въ садахъ, и велѣлъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторую перемѣну.

Чув-

Чувствовалъ я прогуливаясь усталоснѣ, но и совѣшовала мнѣ жена моя часа два или при успокоилъ.

Когда я былъ погребенъ въ глубокомъ снѣ, но вдругъ вбѣжалъ мой камердинеръ въ мою комнашу, опдернулъ занавѣсъ съ ужасомъ видимымъ на лицѣ его, и просилъ не гнѣвашся, что онъ меня обезпокоилъ.

Я говорилъ ему, чшобъ онъ спложилъ меня безпокопшь, каково бы дѣло важно ни было, я не хочу ни о чемъ вѣдать.

Просшите мнѣ, Милордъ, что осмѣдился такъ поступить. Я это сдѣлалъ для собственной вашей предоспорожности. Дозвольте мнѣ сказать вамъ: примѣшили ли вашихъ служителей, что они имѣютъ перемѣну? Я ничего не примѣнилъ, а можете спашся.

Такъ, такъ, говоритъ онъ, но есть другій дѣвольскій умыслъ.

Поберегись, Левалъ, не ошибаешься ли ты.

Ежели я говорю ложное что либо, то главою за сіе отвѣчаю. Неложное, говорилъ Милордъ; тогда и вы признаешесь, что доказательство мое справедливо, которое я вамъ донесу. Повѣришь ли тогда, когда скажу, что въ этомъ дѣлѣ соучаствуетъ братъ Милади?

Сомнѣваюсь. . . .

Не дай Боже! говорилъ онъ, чтобы они были братья. . . . Они оба родные. Пораженъ я сталъ симъ извѣщеніемъ. Сердце мое колебалось, однако чувствовало нѣкопорыя обстоятельство похожія на правду. . . . Его вкусъ къ жизни уединенной могъ возвратишь такое пристрастіе, какова ея любовь ко мнѣ. . . . А можешь быть дружество наше не иное что было, какъ завѣса непостоянства. Но я ни возможности, ни силы не имѣлъ укротить своего камердинера. Онъ съ твердостью настаивалъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Изъ всѣхъ служителей только двое любили Милорда; прочіе же всѣ наемные

ные бродяги Испанцы, соземельцы брата и сестры. Одинъ дворецкій наблюдалъ пихость и послушаніе. Амаржери спражбъ, расположилъ всей тайны Меладной, клялся въ помбъ, что навѣрно содержать будешъ связь между Миладіею и Линерикомъ. Весьма имб не хотѣлось скорого прибытія вашего сюда. Ничего также не желашъ Милади, какбъ чшобы вамб ѣхашъ обратно. Но еще не все. Ливалбъ, говорилъ я ему, дай мнѣ отдохнушь; я чувствую пиягость, оставь меня.

Нѣшб, Милордбъ, можно ли молчать умыслб противу васб? Нѣшб . . . тогда грудь мою должно пронзить шпагою. . . . Но еще больше опасаясь. Накажи меня Небо, ешъли мы не окружены толпою злодѣевб. Уже одинб слуга Линериковб прибылб изб Конвешри. Онб уморилб лошадь скакавши. Милади шепер, въ горницѣ у Манжерія прѣутошвляешб для ужина вамб спюлб; блюдо одно сама составляетб, о кошпоромб я очень много сомнѣваюсь. . .

Но дворецкой надзираетъ надъ симъ спрого. . . . Милордъ, Государь мой, мнѣ вы себя позволете спасти. Я уже знаю, что говорю; позволъ. Пусть сей грѣхъ падетъ на главу начинашей, естли они не избѣгушъ.

Съ сихъ поръ очи мои отъ слезъ избавились. Всѣ обстоятельства предъставились мнѣ въ иномъ видѣ. Я шунѣ примѣшилъ, что женитьба моя была несчастливая. . . . Прерывъ нашихъ писемъ, кои я понапрасну приписывалъ Королеви. . . . всѣ наконецъ опыты означили жены моей ко мнѣ ненависть, и предъстали предъ меня въ своемъ существѣ, обвиняя ее въ мерзкомъ прешуцении.

Далѣе я не продолжу повѣствованія о семъ злодѣйскомъ дѣлѣ. Довольно вамъ знать, что пришло время садиться за столъ. Левалъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, задыхаясь: Милордъ, всѣ тошова; сей дворецкій перемѣнилъ блюдо. Берегитесь того, которое сповѣсть предъ вами.

Уже

Уже я сталъ вѣришь своему ка-
шердинеру, да и приказалъ навѣрное ли-
онъ знаетъ, чтобъ не ошибиться. Но
полджившись на его слова, пошелъ въ
залу, гдѣ Линерикъ и жена мня до-
жидались. Увидѣлъ столъ очень на-
рядный, на которомъ поставлены
были двѣ рыбы, одна на четве-
роугольномъ, а другая на оваль-
номъ блюдахъ. Жена моя препенала
чрезвычайно; я пришворился, будто не
вижу, и просила, чтобъ ѣлъ я съ чет-
вероугольнаго блюда рыбу, зная, что
я очень ее люблю. Линерикъ хлаллъ
лучше со овальнаго.

Вошъ уже мнѣ и пуще сдѣла-
лось подозрительно. Взявши кусокъ
удержалъ во рту; но глаза мои въ сію
самую минушу исполнились слезъ.
Взоръ же Линериковъ пресѣкъ мою рѣчь.
Я увидѣлъ, что въ его пришворныхъ
счахъ зрится радость, взирая, что я
глосаю смерть во всякомъ кускѣ.

Едва первую перемѣну сняли, то-
гда въ Лади удивительное сдѣлалось
содраганіе членовъ. Терзаніе совѣспи

мучило Линерика; онъ кричалъ: эпо ядѣ! ядѣ! пошчасъ дали ей онѣ онаго лекаршво; но все было всеуе. Понесли ее вѣ горницу; а я пошелъ вѣ свою едва не также умирающимъ. Сказывали мнѣ, что она говорила прерывистымъ голосомъ, будпо я ее оправилъ, и сіе повтораля даже до послѣдняго издыханія. Но злодѣянїе было видно на ея шѣлѣ.

Онѣ крѣпкаго ли сложенія Линерикъ не скоро почувшвовалъ смершельный ударѣ, или онѣ меньше ѣлѣ? Симѣ опорочилось его сѣ женою моею родшво. Злодѣйшво сдѣлалось неисцѣльнымъ. Призвалъ онѣ всѣхъ Ирландцовѣ; но Левалъ пришедѣ вѣ пошѣ же часѣ ко мнѣ, увѣдомилъ о ихъ заговорѣ, кошорый, говорилъ онѣ, конечно предуготовилъ вамѣ смерть, ештли вѣ шу же минушу не убѣжите вѣ Лондонѣ. Сей совѣшѣ принудилъ меня явшнсья предѣ Королевою и просилъ обѣ опимщенїи. Между шѣлѣ дворецкой мой, сколько можно, угощалъ злоумышленниковѣ, собирая моихъ подчиненныхъ.

Выѣхалъ я изъ замка своего шайнымъ образомъ съ камердинеромъ своимъ Леваломъ опѣ своихъ служителей, и бѣжалъ своего дома яко опѣ, троба. Ёхали мы проселочными дорогами, чшобъ они насъ не догнали. Но опѣ-ѣхавши нѣсколько миль, увидѣли великую толпу людей, насъ постигающихъ, кон скачущъ за нами во весь опоръ. Левалъ узналъ, что то были Ирландцы. Я скоца съ лошади, бросился въ лѣсъ съ Леваломъ, и пробираясь кустами даже до того, какъ имѣлъ счастье встрѣпиться съ вами, любезными моими благодѣтельницами.

Такимъ образомъ Лордъ Лейсестеръ окончалъ свою повѣсть, которой не могла дождаться конца, аки имѣя участие въ оной, и припомъ примѣшила, что онѣ имѣетъ благородный духъ, по рассказала и я ему всю свою исторію о своемъ рожденіи и нашего несчастнаго обитавія. Слезные его глаза являли мнѣ пріятную надежду и упѣшеніе узнать о шаковой чувствительности.

Уже

Уже къ концу сему былъ прешій день ; и думашь было надобно, что убійцы его оставили свой ноискъ. Однакожь Лордъ не очень поропился вышши, хотя мы его и въ заперши содержали, но онъ симъ никогда не скучалъ ; ему самое подземелье казалось прекраснымъ. Мы же по возможности спарались ево утощашь въ сей нашей пемницѣ.

На упрѣ отецъ Антоній вшелъ къ намъ очень рано съ видомъ паче прежняго грубымъ и печальнымъ. Палъ въ креслы, молчалъ долго, думая, что молчаливость ево произведетъ какое либо спроеое поученіе (Смущеніе его и замѣшательство довело до того, что не смѣла я и взглянуть на сеспру свою). Несчастливые дѣши ! выговорилъ отецъ Антоній съ великомъ вздохомъ: Небо похинило у васъ полѣднее ушѣшеніе, которое вы имѣли. Оно осуждено въ заключеніе на сколько же, на сколько и машь ваша. Имѣли вы по крайней мѣрѣ надежное убѣжище, и вели

вели доселѣ жизнь мирную въ вашемъ уединеніи. Но Лорда Скроопа уже нѣтъ. Онѣ умерѣ въ темницѣ за многія услуги, каковыя онѣ оказывалѣ Елисаветѣ. Всѣ его чести посрамлены, земли описаны; да и самое эшо мѣсто опдано во владѣніе дальнымъ сродникамъ его. Видите теперь вашего друга слаба и едва могущаго себя содержать и снисходящаго во гробѣ. Не можетѣ уже онѣ болѣе сопротивляться напурѣ. Можетѣ бытъ вы увидите мать вашу принявшею ваше состояніе. Но мнѣ не оспалось иного средства для васѣ, какѣ отвезти васѣ во Францію и препоручить фамиліи Гюиза. Думаю, что онѣ по благоразумію своему дославитѣ вамѣ спокойную жизнь въ монастырѣ.

Начало его рѣчи, отѣ коей я содрагалась, нѣсколько уполило мое препещущее сердце; но заключеніе оной охладило ужасно. Ъхашѣ во Францію! будшо въ ссылку изѣ природной земли нашей. Забытъ Англію и Лорда Лейсеспера! да и забытъ въ-

Толѣ I

М

чно!

чно! зависить отъ воли Тюнзовъ, и бышь заключеннымъ въ монастырѣ лишившись дружества! таково благодѣяніе было мнѣ не пріятно. Онъ было хотѣлъ нѣчто еще говорить, но видя наши слезы умолчалъ.

Такова вѣсь споль меня поразила, что я, увидѣвши Лейсестера, была безобразна и вся пряслася. Онъ увидѣвъ меня, схватилъ мою руку, и съ великимъ удивленіемъ смотрѣвъ на меня, цѣловалъ ее, не говоря ни слова. Я не смѣла на него воззрѣшь, и мочила слезами обѣ руки. Но сколько было предшавленій въ нашемъ безмолвіи. Думаю, что словами не лзя изъяснить всего. Наконецъ начала я вздыхать по малу. Элеонора вольнѣе была, нежели я рассказала ему все обстоятельно о нашей печали, и жребіи, конмъ мы угрожаемы были. Я видѣла его чувствительность, что онъ соболѣзновалъ о нашемъ несчастіи. Онъ подкрѣплялъ Элеонору своею ласковостію, мнѣ не говоря ни слова; но полько сильно жалъ мою руку и прижалъ къ сердцу.

ду. Ласки его проникли въ мою душу, и веселость явилась на лицѣ моемъ. Смѣлость укрѣпила мое сердце. Я въ состоянїи была снести всякое несчастїе, меня поражающее. . . . Нѣтъ! мыслила я, онъ меня не забудетъ и същестъ, въ какую бы жребїи ни затналъ пустыню. И такъ мы пустыницы, и въ деревенскомъ уборѣ, дочери Марїины изпробимъ изъ его сердца всѣ придворныя блиспанїя и любовь Марїину. На послѣдокъ мы сдѣлались гораздо веселѣе. Одно слово сдѣлало великую перемену. А хопя и говорили чпо нибудь, но сердца наши въ помѣ не имѣли учаспїя. . . . Милоспивыя Государыни, говорилъ Лордъ Лейсестеръ: завпрашней день рано, опблагодаря васъ, долженъ я выпши. . . . Я взглянула на него со удивленїемъ.

Элеонора, не прїемля учаспїя, вольно ему на шо опвѣчала: вы насъ хопшите опсавишь, и для чего? Конечно вамъ не нравишся здѣсь съ нами пребывать? Опвѣчалъ онъ: я бы же-

лалъ и погребенъ бытъ здѣсь, естли бы не надѣялся сему опшелъничесву бытъ рушиму Вашъ благодѣшель уже не надеженъ, натурально и вы не предвидите будущаго, куда вамъ преклонитесь. Всѣ у васъ опбѣты способы. Могу ли я ласкать себя, что вы меня послушаете и премѣните свое мамѣреніе тогда, какъ я явлюся предъ вами съ надлежащею чеспію? Попрошено на сіе нѣсколько времени, чшобъ вывеспъ васъ изъ подозрѣнія. Но временно и несчастія мои перемѣняются, да и шо бытъ можепъ, что я домогусь сей чеспи, дабы бытъ мнѣ спражемъ и разположилемъ прекрасныхъ дочерей Королевы Шотландской. За симъ произвелъ онъ тяжкій вздохъ, равномерно и я ему опвѣспвовала.

Съ симъ онъ вышелъ вонъ, дабы не заспалъ ошецъ Антоній: ибо безпокойство его мучило приходишь и выходишь часто изъ подземелья въ свою пещеру, и изъ пещеры въ подземелье. А я на сей разъ не знаю, какъ

какъ ободрилась сполько, что никогда такъ смѣла не была, презирая внутренно его и его правоученіе; но смущеніе и безпокойство ощущала въ душѣ моей; а чшобъ не допустить его убѣждать насъ своимъ краснорѣчіемъ, взяла я книгу и въ ней будшо углублялась. Вшолъ онъ, озирался, прохаживался, пошелъ въ комнату Алексину, потомъ вшолъ къ намъ, и походя по залу закричалъ., Что это я вижу, Машильда? Подай, подай мнѣ! Но какъ я ужаснулась, видя, что лежишь на полу поршретъ Елисаветинъ осыпанной бриліантами, который конечно обронилъ Лейсестеръ! подхвативши скоро его, хотѣла заложишь въ плашье. Но опецъ Антоній, поелику былъ меня сильнѣе, шо и выхватилъ его изъ моихъ рукъ, и прочелъ во время моего замѣшательства надпись, копорая была въ низу поршрета. На немъ было означено число и имя той особы, кому онъ принадлежалъ. Тупъ въ одну минушу вся наша открылась пайна. Оспалось ему знать, какъ онъ зашолъ

сюда. Опамяшовавшись, я о всемъ разсказала ему подробно. ОпецѢ Антоній справедливую имѢль причину принявъ на себя свойственную ему грубость, вмѢсто того, чшобѢ ему возвеселишься. „ ДѢвка безумная! закричалѢ онѢ, неимѢющая никакихъ средствъ спасти себя? О сестра! сестра! шы сего не понимаешь, дабы зарышь живыхъ ихъ вѢ землю, и шѢмъ скрыть шайну сихъ двухъ дѢвицѢ, кои открыли оную изѢ единого любопытшсва, прежде нежели охладѢль швой пепелѢ! какую вы надежду полагаете на Фаворипа Елисаветина? Его цѢль соспоjala вѢ шомѢ, чшобѢ прельсшишь васѢ, знавши, что его жизнь была вѢ вашей волѢ; а коль скоро будетѢ свободенѢ, произведетѢ дѢйствительнo вамѢ гибель, дабы совсѢмъ потушить и имя СпуаршовѢ. РазумѢ поведѢваетѢ держать его здѢсь навсегда.

Я! чшобы склонилась на шакую жестокость? вскричала чрезмѢрно прежде обезглавлю себя, скорѢ очищу смершныя грѢхи челошкoубійшва.

нежели пріиму въ помѣ участіе! Какъ, можно ли намъ превзойти убійцъ жестокоствію и не спасти человека погибающаго? О! проси меня овецъ, вы не знаете сердца Лейсестера. Конечно онъ не мыслилъ о измѣнѣ; но хочешь быть нашимъ охранителемъ и нашимъ благодѣтелемъ. Изрядный хранишель, ошвѣчаешь овецъ. . . . какъ волкъ между овцами! Ахъ! не знаете, сколь есть пятосшно преодолѣнь свою молодость? Безчастные дѣппи, наслѣдствующіе слабости вашей мащери. Вдались вы въ шуже слабость, копорю испорчила она свой нравъ, и шѣмъ сдѣлала пяшно незагладимое ничѣмъ; ещльи вы хошше соблюсти непорочность, будьше паче благоразумнѣе.

Повоздержитесь, овецъ Аншоній, ему говорю я съ досадою, ошъ чего онъ и умолкъ; не помрачайте одною минушою вашихъ благодѣній, облачая насъ въ несправедливомъ подозрѣніи; умаль свою мысль судишь о мащери. Есть на шо одинъ Сердцевѣдецъ; ашы и я должны имѣшь къ ней почи-

шаніе. Я можешъ бышь и слабо поспушила, но не лъзя же и меня укорить въ преспуленіи. Еспьли бы и впредь случилось то же, я бы подщилась спасти жизнь Лейсестерову.

Ничшо такъ не опасно, какъ судить о сердцѣ чловѣка младаго и щедраго и винить безъ преспуленія, и возѣмѣшь на него подозрѣніе, коего онъ не заслуживаетъ. Будьше увѣрены, что я не расположена бышь ему подвласною. За симъ онъ повелѣлъ предспавить предъ себя Лорда Лейсестера и оспался съ нимъ наединѣ. Я досаждать ему больше не хощла; вышла вонъ съ великимъ сокрушеніемъ. Я боялась, чтообы Антоній не обесчещилъ Лорда; ибо онъ въ смятеніи будучи, не можешъ различить вину съ невинностію. Но можешъ спашься, что мы и все пошеряемъ, лишась Антонія, кошорый насъ совѣмъ оспавишъ.

Разговоръ ихъ продолжался близъ двухъ часовъ. Пошомъ отецъ Антоній
вшолъ

вшолъ въ мою комнату; приказалъ Элеоноръ остаться съ Лордомъ, а онъ оспался со мною.

Машильда, говоришь онъ, обрати свой духъ и вслушайся въ слова мои. Мое подозрѣнiе тебѣ прощивно казалось. Я съ молодыхъ лѣтъ обращался въ свѣтъ, но ты и не можешь сколько знаешь, сколько я, будучи водворена въ пустыню. Легко можешь спастись, что обхожденiе вольное лишаетъ счастья. Милордъ Лейсесдеръ требуетъ твою руку.

Не могла я уже припвориться, чтобъ радости моей не примѣшилъ отецъ Антоній.

Такъ! говорилъ онъ, вопъ конецъ твоимъ романическимъ похождениямъ. Любовь химерическая еще ничего не значить. Положимъ, что Лордъ въ тебѣ влюбленъ, чѣму и я вѣрю; но съ тѣмъ, дабы, какъ мать ваша ближняя наследница Англинской Королевы, и естли умреть въ заключенiи, получишь оную. О семъ должно подумать разумно, лязяль полагаешься на его

увѣреніе; но я о семъ прошивнаго мнѣнія. Не лучше ли тебѣ изобразить другую паршію. Но есѣли такъ, то я не выпущу его изъ подземелья, доколе онъ не подпишетъ контракта.

Отецъ Антоній видѣлъ, что не можетъ отврашнть моего намѣренія. О! отецъ! возопила: швое краснорѣчіе догматическое весьма мнѣ пріятно и во мгновеніе извлекаетъ меня изъ шьмы къ свѣту.

Человѣколюбивый Лейсестеръ! вспомни, что другій разъ осмѣливаешься быть жертвою и пришии въ немилость для нашего спасенія, извлекъ меня и возвыситъ паче моихъ предковъ. Презрѣвъ я скишрѣ и корону, ожидаю быть награждена его любовію; ибо таковой для меня не оцѣненъ даръ, который я пріиму отъ рукъ его любви. За симъ полились слезы, а внутренно судила я какъ другая „Меранда“, глупо дѣлаю я, что плачу въ то время, когда должно радоваться.

Разсудокъ и обстоятельство шва смягчили нѣсколько отца Антонія; предви-

дѣвѣ онѣ, что чрезъ то можешь и онѣ свободиться бремя, которое для него было пятосно въ разсужденіи его лѣшѣ. Тогда входилъ Лейсестеръ и мы препроводили съеъ весело ушро, что я чувствовала себя аки перерожденну, забывъ минувшіе дни.

Польза и честь Милордова пребыли возвращенія ко двору. Между шѣмъ Антоній пріутошовилъ надлежащій конпрактъ, спрашивая на сіе моей склонности. Но какъ на то была воля Антоніева и прозба Милордова, то уже не осмалось препяшствія, и мы сочешались при маломъ числѣ зришелей въ великомъ удовольствіи.

Такимъ образомъ свершился нашъ бракъ, соотвѣшствующій нашему состоянію.

По окончаніи свадьбы, которой ознаѣна единое наше существованіе извинишь можешь, обратила мысль я разсуждать о своей мапери, что нашъ бракъ не удостоенъ ея присудствія,

ни-

ниже подверженъ ея согласіемъ. А припомъ воображала ея спраданіе и долговременное зоключеніе, распровившее ея здоровье. Я хопя и заключена была во мрачной шемницѣ, но не имѣла ни въ чемъ нужды, гдѣ и всю жизнь свою окончишь была въ состояніи.

Доспоинство Милордово и благополучіе пребовали, чшобъ ему ѣхать; понеже ежечасно непріятели прошиву его вооружались. Жамесъ, слуга Лорда Скроопа, о кошоромъ мы прежде говорили, посланъ опъ насъ въ замокъ Канильфорпъ навѣдашься послѣ свадьбы нашей. Онъ привезъ къ намъ вѣсть, что замокъ находишья подъ крѣпкою спражею, и что изъ всѣхъ служишелей не оштался ни одинъ, кромъ Маржеріи. Но сей прокляшый злоумышленникъ варварскихъ заговоровъ своя Госпожи еще болѣе былъ опасенъ, по причинъ своего беззаконія и смерши, причиняя своему господину вредъ. Жена его покусилась на свою жизнь, прогложя ошпашокъ яду, кошорый для него

гоповился; почему Лейсестеръ находилъ въ сей женщинѣ два бездѣльничества, о коихъ уже выше извѣстно было.

Единъ жребій моего мужа обезпокоивалъ, взяшь ли съ собою ея или въ прежнемъ оставишь жилищѣ. Наконецъ разсудилъ меня взяшь съ собою; но я сему прошивилась, что уже Елисавета и первый его бракъ простила, то какъ уже можешь взирашь на женщину отъ кровей Маріиныхъ. Да и можноль ушайшь сѣ; пошому что я имѣла всѣ черпы моей машери. Сѣ самое воспламенишь меня съ перваго разу. Хотя ничто такъ мнѣ пріятно не было, какъ съ нимъ бышь вмѣстѣ: однако же всѣ должныя почести ему одному уступая, и отрицаюсь ихъ охотно; ибо они шѣмъ дороги, что онъ ихъ имѣетъ.

Омерзѣніе къ Елисаветѣ удаляло меня отъ двора еще прежде моего супружества, да и просила его, дабы онъ меня отъ того уволилъ, чему онъ и не сопротивлялся; ибо и его мысли

согласовались съ моими. Надобно сказать, что я въ продолженіи нашего супружества едину сію къ нему прозьбу употребила; понеже все по моему желанію исполнялось. Да пришлоу упросила я одного случайнаго челоуѣка, чшобъ для несчастной моей мащери приложилъ стараніе. Казалось, я уже ее вижу и объемяю ея колѣни, показывая всю должную къ ней горячность. „Увы! государыня, безъ сея вообразительной радости мы бы не могли существовать, и всякое увеселеніе было ничто; понеже услаждаюся предъидущимъ упованіемъ. Тѣмъ себя подкрѣпляемъ, и поправляемъ свои обстоятельства. Надежда наша подобно фениксу, раждающемуся изъ пепела.

Чрезъ недѣлю нашей свадьбы Лордъ Лейссестеръ отпрауился ко двору, увѣряя меня, что возвратится скоро и отпрауитъ меня въ Кенильфоршъ, гдѣ опредѣлишъ онъ мнѣ жить съ Элеонорою. Онъ больше уповалъ на дружбу Елисаветину, нежели на правосудіе. Онъ удалялся всѣхъ происковъ, надѣясь, что

ше-

шеченіе пойдешъ по порядку формы; понеже невинность ея ясна сама по себѣ. Но огорчало его, что шрудно ему обратишь Елисавету, которая почиашъ жену его за подлѣйшее швореніе.

Съ отъѣзду нашего изъ подземелья начала я счишашъ число вшущленія моего въ свѣшъ. Тогда-шо начала я чувшвовать печали и безпокойствія; будучи привязана союзомъ любви. Все расскажу вамъ, государыня, что чувшвовала я въ моемъ сердцѣ. Хотя я довольно испышала горячность къ себѣ Лейсестерову; однакожъ мнила, что онъ ко мнѣ не возвратишся никогда, и что Королева хошѣла того, дабы онъ навсегда былъ свободенъ, лишая его супружесшва. Какъ шому сопротивляшся женщины бѣдной, надъ которою онъ имѣешъ власть, брошенной въ пустынь, гдѣ увѣдомлена будешъ о его невѣрности? Какой она будешъ имѣшъ перевѣсъ съ короною? У кого и гдѣ найдешъ на сіе судъ, когда онъ клялся своей Государынѣ шворишь ея волю? Исполнив-

шишь

шишь такихъ мечпаній, препровождала я многіе дни въ спраданіи. Другая боязнь объяла мое сердце. Есльи Королева размыслишь и обратишь свой взоръ на него тогда, какъ онъ осмѣлился сспрошивляться ея волѣ, она встревожишь всѣхъ его непріятелей. Сіе паче для него мучительнѣе будешъ, нежели ея гнѣвъ. Все сіе сообразя, пряслась я отъ ужаса. Таковыя два положенія были не основательны: ибо отецъ Аншоній приносилъ ко мнѣ его письма, коими увѣдомлялъ меня Милордъ, что онъ принялъ Королевой милоспиво.

Симъ отврашилъ онъ все мое сомнѣніе. Единая только скука занимала мое сердце. Завидна мнѣ была се-спра моя касательно до ея спокойствія, и она мнѣ казалась опрекшеюся супружества.

Наконецъ настала минута, что-бы нашу оставить намъ пустыню. Лордъ Лейсесперъ разполагалъ обще о будущей нашей жизни. Левалъ и его дворецкой только свѣдомы были о шайнѣ
на-

нашего пріугошовленія подземельнаго. Чю же надлежало до прочихъ, тѣ почишали насъ за пипомцевъ монастырскихъ, нежелающихъ вести монастырскую жизнь. Да и правда, чю мы званія сего были доспойны. Я имѣла видѣ самый смиренный.

Подземелье до того времени хощя казалось намъ жилищемъ скучнымъ, но безмяшежнымъ. На послѣдокъ оспалось оно въ безпорядкѣ и разстройствѣ. Уборъ и каршины перенесены въ Кинельфоршъ. Келья опца Анпюнія тогда намъ показала неприятною. . . . Я прошивъ своей воли плакала горько, когда насралъ часъ нашего опсудешвія. Вспутившей мнѣ въ свѣшъ, аки чужеспранкѣ, можно ли знашь навѣрно, что поведу жизнь мою въ той же кропоспи, каковую пріобрѣла живучи въ подземельѣ? Долговременная привычка заспавляетъ вспомнишь о томъ, съ кѣмъ мы жили. Разспавалась я съ гробницею Миссприсъ Меллы, яко съ драгимъ нѣкопорымъ сокровищемъ. Всѣ мѣспа, куда взоръ мой ни досягалъ,

Толѣ I

Н

про-

производили: смятеніе въ душѣ моей. Да и предосудительно было испребишь ея образъ изъ сердца своего. Единая смерть воспрепятствуетъ о ней поминишь.

Съ любезнымъ предметомъ разнашья не сносно. Сей часъ подобенъ былъ смерши, заглаждающей преспу- пленіе и наводящей вспоминовеніе о добрыхъ качествахъ. Прежде сего ничпо намъ былъ Антоній; но нынѣ какъ и его забышь. Онъ многого для насъ лишился. Его спарость, слабое здоревье, прилѣжность чрезвычайная, попеченіе о нашемъ воспитаніи прогзвели о немъ великое сожалѣніе. Я паче болѣзновала, нежели сестра моя, коей онъ сосшавилъ благополучіе. . . . Просила я Лорда неопшупно, чтобы разположился жить за Кенильфоршомъ. И хошя онъ пришворялся склоннымъ, но въ существѣ не желалъ окончить свою жизнь при гробахъ его жены и сестры. Жамесъ безшлучно былъ при немъ, и разслабленную отъ болѣзни Аликсу привезли мы въ Кенильфоршъ, гдѣ она и скончалась.

Мы

Мы взяли только изъ подземелья бывшее у насъ украшеніе, оставя прочее на произволъ Аншонія. Можетъ быть разсудился ему кого либо помѣстить изъ несчастныхъ пребующихъ его покрова.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Кенильфортъ. Жена управительева приняла насъ съ дочерьми своими, не зная кто мы, воздавала намъ честь какъ молодымъ дѣвушкамъ побродяшкамъ, кои знаяши щедрость ея господина, ищущъ пропитанія. Я хотя старалась ей дать почувствовать иначе, однакожь не премѣнила она власъ свою показывать надо мною, за что я съ ней гошова была побранилась; ибо она премудрствовала въ своихъ повелѣніяхъ. Надлежало уже мнѣ подумать, какимъ образомъ укропить сіе подлое твареніе. Но напрошивъ пришла въ мысль любовь Милордова ко мнѣ. . . . Амисъ Грисъ Гарпа, шакъ называли сію управительницу, выхваляла предъ мною Милордовъ характеръ, его славу, богатобубранные его покои. Мнила она въ насъ найши удивленіе. А какъ мы

ничему не удивлялась, по приняла она за презрѣніе. Ни о чемъ не спала говоришь; цѣлый день проводила я въ глубокомъ молчаніи. Дочери ея не такъ были неучшивы, какъ она. Они осматривали даже и нижнюю нашу одежду и шепшали между собою.

Таковъ-шо былъ въ домъ входъ мой, гдѣ я имѣла право быть Госпожею. Несносно мнѣ было, что я приняша была за служанку и презрѣна Лордомъ. Хотѣлось мнѣ, чпюбъ я приняша была съ разпроспертыми руками. Взирала на сеспру свою, думая, что и она тогожъ мнѣнія, видѣвши презрѣніе къ дочерямъ Королевы Шотландской. Но она наблюдала видъ свой веселости; ибо умѣла поступать со всякимъ равнодушно.

Въ вечеру мы жаловались на трудъ и наше безпокойство, по и препроводили насъ въ назначенные намъ покои, коихъ чистота и уборъ для меня были удивительны. Когда я осталась одна съ моею сеспрою, тогда вдалась въ великую печаль, падши лицомъ на
ея

ея трудъ; но голосъ Милордовъ меня возспановилъ. Тотчасъ опворила мои глаза. Онъ вшолъ по паенными дверьми, и премѣнилъ печаль мою въ радость. Упредилъ извиненіемъ своимъ, что намъ пріемъ былъ не приличенъ. Сего требовала его скромность, кошую онъ исполнишь повелѣлъ.

По семъ сеспра моя требовала покою; а мы взаимно обнявшись, пошли сквозъ каридоръ, проведенный мимо длинной галлерей, и пришли въ Лордовы покои споль украшенные, что превосходили они весь уборъ замка. Удивительное было мѣстоположеніе, превосходная Архитектура, драгоценное внутреннее украшеніе, словомъ все учреждено въ порядкѣ. Примѣшивъ онъ, что все мнѣ нравилось, началъ мнѣ говорить: Ахъ любезная! знайше, что сїи бездѣлки ничто въ разсужденіи моей къ тебѣ горячности и нѣжнаго шво-его сердца.

Конецъ перьвой Части.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сообщеніе нашихъ покоевъ было скрытно отъ всѣхъ нашихъ домослуживцевъ, исключая Левала и Вильяма, двухъ камердинеровъ Милордовыхъ, на копорыхъ онъ вѣрно надѣялся. На упріе мы представлены были съ великою церемоніею къ Господину дома. Онъ насъ принялъ ошмѣнно для того, дабы съ сей поры Мисприсъ Гарша и ея дочери разумѣли, какую мы имѣемъ ошмѣну, а по сему бы и она съ нами иначе обходилась. Приказалъ имъ, чшобъ они всегда были при насъ. Когда пойдѣмъ въ садъ, то чшобъ непрѣменно они показывали вещи пріятнѣйшія. Съ владѣніе миніашурно собрано было. Казалось во всей вселенной перьвымъ. Великое озеро съ прозрачною водою оживляли около распуштія древа. Вокругъ его богатая паства, исполненная разныхъ

ныхъ родовъ скопами. На водѣ плавали разнородныя птицы. Въ срединѣ озера возвышался островъ, на которомъ великое множество находилось кабановъ и дикихъ козъ; шамъ же видны были бесѣдки, которыя составляли непонятную прелесть. Покойная Лади Лейсестеръ не умѣла веселишься такими мѣстами, гдѣ натура рѣдкое поселила художество. На другой сторонѣ является все строеніе Готической Архитектуры, великое поле, статуи чрезвычайныя и украшающіе замокъ.

Должность наша опредѣлена во время обѣда Милордова веселишь его пѣніемъ, который давался отъ него часто благороднымъ сосѣдамъ; но сіе было за зановѣсой на балконѣ. По утру забавлялись рыбною въ озерѣ ловлею, гдѣ Милордъ Лейсестеръ случайно бывалъ съ нами. Словомъ, всякій день призывалъ насъ къ своему увеселенію. Наконецъ насъ онъ оставилъ и поѣхалъ ко двору, приказавъ накрѣпко, чтобъ всѣ служители не равняли насъ съ собою.

Воз-

Вознамѣрился, чпобѣ мы съ сестрою спарались и о домашнемѣ. Но наблюдалъ онѣ и по, чпобѣ насѣ одинаково содержашь, дабы не подпастъ подозрѣнїю. Плашье повелѣлъ носить такое же, каково было на дочеряхѣ управительницы, и работа наша была шишье.

Счастье мое было бы вѣ вышней степени, ешьли бы несчастїе не зашмѣвало моей мащери. Мѣсто, гдѣ она содержалась, не далеко было отѣ Кенильфорша. Я всю мою прозьбу употребила къ Лейсесперу, чпобѣ онѣ по своему случаю поспарался о свободѣ ея; но все было впунѣ. Сїе меня весьма оторчило, когда онѣ совѣмѣ отпказался. Одинѣ человекѣ, говорилъ онѣ, былѣ меня предпрїимчивѣе, вмѣшался вѣ дѣла несчастливой Марїи, но шѣмѣ сдѣлалѣ преступленїе воли своей Государыни и жизнь подвергѣ опасности. Послушай, любезная, я сдѣлаюсь измѣнникомѣ неблагодарнымѣ, зная, что сїе поразитѣ ее аки ядѣ за ея ко мнѣ благодѣянїя; не вводи меня
вѣ

въ такое пресупленіе, и не вреди
моей чести.

Я ему представляла, что одной
милости прошу только, чтобы освободишь
мою мать, и что она чрезъ
осьмнадцать лѣтъ не имѣла намѣренія
сдѣлать измѣны, и не имѣла мыслей
взойти на престолъ.

Ахъ! Машильда, сіи двѣ спраски
злѣйшія, ревность и мщеніе. Повѣрь
мнѣ, что я лучше себя знаю харак-
теръ швоей матери; она весьма славо-
любива и царствовать желаетъ, какъ
ей содержать свое слово: но положимъ,
что должно ей думать, дабы отъи-
скашь своихъ дѣтей и умереть мирно
въ объятіяхъ ихъ; ближніе же ея не
снесутъ, чтобы не поколебать престолъ
Елисаветинъ. Въспомо того, чтобы о-
порою мнѣ Королевъ быть, которой я
обязанъ болѣе другихъ вѣрностію, у-
вижу опеченство мое раздираемо между-
усобною бранію; чему я буду причи-
ною. Кто знаетъ, моя любовная Ма-
шильда, что я, пребывая въ кротости,
буду содержать себя въ одинаковомъ

положеніи, естли предсавлю себѣ, когда впаду въ заблужденіе и буду слѣдовать опаснѣйшимъ совѣтамъ; тогда и шы восплачешь, но уже поздно, пожертвовавъ своимъ благополучіемъ и слѣдуя обманчивой надеждѣ возвращишь свою мать. Елисавета уже въ старости, тогда въ народѣ будетъ пременное мнѣніе; слѣдовашельно и порядочно можете дойти до вашей цѣли. Благосклонность народа къ Маріи еще не вышла изъ памяти чрезъ пятнадцать лѣтъ. Естли умреть Елисавета, заключеніе Маріино обратится въ ея пользу; ибо она заключена среди самаго Королевства, коему она есть законная наслѣдница. Не мни того, чшобъ я говорилъ лестно; примѣръ Елисаветинъ о семъ увѣряетъ.

Какъ уже можно оспоришь столь справедливый резонъ? И я переспала скучать ему больше прозьбою о матери; ибо онъ опровергъ своимъ доказательствомъ.

Всякое письмо, какое онъ писалъ ко мнѣ, объясняло скуку. Онъ меня
часто

часто просилъ, чшобъ я увѣдомляла его, довольна ли я всѣмъ? Но когда я опвѣчала, чшо всѣмъ довольна, за шо онъ мнѣ дѣлалъ любовныя укоризны, чшо какъ, живши безъ него, можешъ бышь всѣмъ довольна; пребывалъ же и сего увѣдомленія, вѣ чемъ упражняюсь. И хопя я увѣдомляла его, чшо до полудни каждый день занималась къ нему письмами; но онъ опзывался, чшо коронко я къ нему писала, а причины къ укоренію не подавалъ. По крайней мѣрѣ удѣлялъ полвремени, дабы сообщашъ мнѣ хопя небольшіе Анекдоты, и избѣжала однако же приключенія, кошорое наконецъ меня очень много безпокоило.

Сестра моя соучастницею была моихъ увеселеній; сверхъ того съ природы была споль веселаго нрава, чшо могла угождать всякаго состоянія людемъ по прибытіи нашемъ въ Кенильфорштъ; вѣ ономъ была прекрасная преспектива, кошорая ей весьма нравилась; по сей она гуляла всегда, не мня ни мало, чшобъ ей чшо нибудь могло

0 2

прик-

приключиться опасное. Вильямъ по опсудсвѣи Лордовомъ опредѣленъ былъ надъ домомъ надзирашелемъ. Онъ будучи въ таковой опшѣнности, зналъ что я супруга Лорда Лейсестера, почему и ожидалъ мужъ мой, что я буду имѣть отъ него приличныя почести. Онъ былъ простой солдашъ, однакожъ полную бралъ надъ домомъ власть. Признаюсь, что сей человекъ съ виду мнѣ не понравился; напура произвела его чучелою. Онъ былъ столь грубъ; что злился самъ на себя и не могъ властвовать собою; былъ онъ лѣтъ сорока пяти; стану нескладнаго и полсшаго; черепъ и рожа изрубленная. Случалось то, что едва могъ снисходить и Лорду Лейсестеру, къ человеку такому, который привлекалъ къ себѣ любовь и почтеніе.

Съ такими рѣдкими достоинствами сей человекъ осмѣлился обратиться свой взоръ на Королевицу Элеонору; ея вольное обхожденіе пронуло сердце Вильямова. Онъ при первомъ свиданіи объявилъ ей свою спрась; симъ, говорилъ онъ,

онѣ , дѣлаю ей честь , пребуя отвѣща . Сеспра моя , совершенно не зная его всѣхъ пороковъ , пренебрегала его пошупокъ , и ничего не отвѣчала . Она пришедъ разсказывала мнѣ : пронулъ насъ сей безчестный пошупокъ Вильямовъ ; о чемъ вознамѣрилась писать къ Лорду , дабы въ шакомъ обстоятельствѣ принялъ онѣ мѣры . Но знаешь надобно , что мы и дѣло имѣли съ человекомъ плутомъ и безспрашнымъ . Онѣ распечатавъ мое письмо , и увидя его содержаніе , удержалъ у себя ; я же не имѣя отвѣщу отъ Лорда , рѣшилась наконецъ выговорить ему , что это спранны , какъ онѣ осмѣлился открыть любовь дѣвицѣ въ родствѣ своего господина .

Онѣ отъ сего не смутился , ниже сдѣлалъ перемѣны , зная , что виноватъ . А вмѣсто того по свойственной своей грубости , аки въ доказательство наше сказалъ , что онѣ знаетъ нашу благородность , и что изъ едината человекалюбія . извлекъ насъ Милордъ изъ сей мрачной пустыни , въ копо-
о 3
рой

рой мы были заключены, да и знаки лица моего доказываютъ ему гордость Маріину и Норфольдову; почему принуждена была я уменьшить свое тщеславіе, предвидя, что сей безчестный холопъ былъ свѣдомъ по своему пронырству чьи мы дѣши, и зналъ исторію о подземельной нашей жизни, а по сему и боялась я, дабы онъ о семъ всюду не разгласилъ.

Я говорила ему съ скромностію, дабы онъ такъ скоро не поропился о супружествѣ сестры моей; по крайней мѣрѣ нужно ему на то ожиданья воли Милордовой. Съ шѣмъ и хотѣла опъ него итти прочь, но онъ меня удержалъ и повелительно уже османивалъ: знаю ли я, что говорю съ человѣкомъ, который имѣетъ большую власнѣ въ домѣ, нежели я, и что онъ обспоятельно знаетъ всю нашу тайну, которую онъ употребилъ въ свою пользу, ежели я не склоню сестру мою дасть руку. Сей глупецъ требуетъ того, дабы и свадьба была кончина прежде, нежели Милордъ о томъ свѣдаешъ.

Вижу я, что уже сей разбойникъ енялъ съ себя маску. Подумайше, что мнѣ пришло дѣлать? Власшь онѣ надѣ всеми служителями взялъ; ни къ чему было приступишь не лзя. Другая женщина можешъ былабѣ инато мнѣнїя; а я спала не рѣшила нѣсколько минушѣ. Разсудила наконецѣ, что поступишь должна снисходительнѣе и сносишь до поры таково грубїана досады. Вильямѣ, говорю ему я: таковый швой поступокѣ не будешѣ имѣишь успѣха у женщины, копорая шебѣ нравилса; но долженѣ ты склоняшѣ ласкою, не повреждая ея чеспи и нѣжности. Есльли ты прямо любишь сестру мою, то до сего дойши должно непринужденїемѣ. Подумай, когда Милорду то не угодно будешѣ, куда вамѣ съ нею дѣвашься, шѣмѣ наведешъ на себя и ея мщенїе и его, а по сему самому и надлежишѣ дѣлать все съ его воли, чѣмѣ и я шебя обнадеживаю.

Онѣ прилѣжно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, не пришворно ли я ему даю

совѣтъ шаковый. Крошкая рѣчь моя ему нравилась. Онъ оставилъ свою грубость шакъ, что видъ его лица совсѣмъ перемѣнился, и началъ сказывать движеніе своего сердца, открываясь, что не можетъ преодолѣть страха къ сестрѣ моей. Предлагалъ онъ мнѣ, дабы я поклялась, что никогда не измѣню ему своего мнѣнія, да еще и въ помѣ бы ему побожилась, что Милорду не скажу. Я принуждена была во всемъ ему поклясться, что буду склоняясь къ тому сестру мою. Плущъ потчасъ ухватилъ мою руку, и приложилъ къ своимъ мерзкимъ губамъ. И шакъ мы оспались оба довольны въ наружности, внутренно же я совсѣмъ другое мыслила. Дабы достигнуть цѣли, склонила я сестру свою до прибытія Лордова показывать ему видъ благосклонности. Элеонора хотя со унорствомъ, однако согласилась. Яжъ начала думать, какимъ образомъ мнѣ, не нарушая клятвы, уведомить Милорда о сей исторіи.

Я не имѣла другаго средства, какъ хитрымъ образомъ сдѣлать всему дѣлу записку, за что я однакожъ много претерпѣла; положила шу записку за пазуху, ожидая къ тому способнаго времени. Письма мои всѣ были пересыланы чрезъ руки Вильяма; онъ за ласковое мое обхожденіе былъ на меня благонадеженъ. И хотя сестра моя никогда не помышляла итти за него замужъ, однакожъ она показывала къ нему видъ благопріятный. Онъ, уповая на то, усыпилъ свое звѣрство и избавилъ ея страха.

По семъ Милордъ Лейсестеръ пріѣхалъ; а какъ былъ онъ природно нескроменъ и никогда не скрывалъ своихъ чувствованій, то и у двора не зналъ надъ собою никакой власти кромѣ Монаршеской. Привычка къ честолюбію умножала въ немъ наипаче надмѣнность никому не повинаться, кромѣ единой Королевы; но и съ нею обходился яко равный. Таковыя излишности не старался онъ скрывать предъ цѣлымъ дворомъ, не дѣлая никакого прѣ-

О 5

швоі-

творства лицемѣремъ. Тѣ, кои къ нему привержены были, прощали ему сіи пороки; напротивъ того, когда вспомню его чрезвычайныя качества, то нахожу въ немъ всѣ его погрѣшности заглаждающимися. Онъ былъ ревностенъ, щедръ, благороденъ, благодѣшеленъ къ шѣмъ, кои ищутъ его покровительсва; словомъ: всѣми мѣрами старается каждому, не выходя изъ предѣловъ, служивъ шаковымъ, кои того достойны. Но, просишите, государыня, что я зашла далеко въ сіе описаніе.

Опасалась я, чтобы Милордъ въ жару своего гнѣва не поступилъ съ Вильямомъ очень сстрого, къ сему ожидала пристойнаго времени. Такова предосторожность мнѣ удалась. Вильямъ, не видя никакой перемѣны въ своемъ господинѣ, весьма полагался на мою скромность; недалняя ему опсылка для нуждъ Милордовыхъ казалась бытъ способна произвести свое намѣреніе: ибо Милордъ между шѣмъ не имѣлъ шакаго жару и гнѣвъ его укротился. Я положила свою записку на столѣ его.

Онъ

Онѣ, едва прочтя половину, бѣжишь ко мнѣ въ великомъ сердцѣ. Я не могу означить, какъ бы онѣ съ Вильямомъ послушилъ, когда бы онѣ былъ въ замкѣ: однако говорилъ мнѣ, что выдумалъ способъ избавишь онѣ шакого бездѣльника, не допуспя намѣ причинишь больше досады.

Сирѣ Францискѣ Дракѣ по повелѣнiю Англинскаго двора сваряжалъ Англинскiй флотъ, изгошовленный въ Илимущѣ. Немалое число дворянѣ приходили къ нему Волонтирами прошиву Ишпанцовѣ. Народѣ опвсюду спекался видѣшь вооруженiе. Лордѣ Лейсестерѣ, бывѣ другѣ Сиру Франциску, вознамѣрился ѣхашъ къ нему между прочими служилеями своими. Вильямѣ, любя шаковыя экспедици, былъ не послѣднiй, на что и Милордѣ согласился, оставя его шамѣ.

Чрезъ восемь дней Лордѣ возвратился безѣ Вильяма. Я спросила у него, что онѣ съ нимѣ сдѣалъ? Онѣ усмѣхнувшись сказалъ мнѣ: конечно ты подозрѣваешь, не убилъ ли я его? Нiшь,

я

я его опсправилъ вѣ компанію, гдѣ бы онѣ могѣ научиться хранить шайну господина своего. Не безпокойся, Машильда! онѣ иперъ вѣ углу на кораблѣ Сирѣ Франциска рассказываетъ испорію машросамѣ, кои не имѣюшѣ время ее слушать, иль и не понимаюшѣ. Сѣ сей спороны нѣшѣ никакого страха. Хотя онѣ и больше былѣ достоинѣ наказанія; но пронуло меня несчасіе сего злодѣя, и я не могу воздашѣ зло за зло.

До опсудствія Лордова ко двору испросила я позволенія увидѣшѣ свою мать; а какѣ онѣ ушѣшалѣ меня, шо и опѣ сего не опказался. Но предвидѣвши, что нѣшѣ способу совершишѣ дѣло по моему желанію, шо и далѣ мнѣ довольно денегѣ, дабы я подкупила караульныхѣ, и оппустилѣ со мною Левала.

Сей человекѣ во всю свою жизнь не подалѣ ни малѣйшаго на себя подозрѣнія, и чшилѣ меня какѣ жену своего господина; а наконецѣ и я ему обязана шакже своимѣ поведеніемѣ, что онѣ

онѣ и для меня былѣ сколько же услуженѣ , сколько и своему господину, и самыя трудности почисалѣ за ничто ; а когда онѣ началѣ мнѣ служить , то всегда шворилѣ мою волю, и готовѣ ѣхалѣ всюду. Милосливое слово спавилѣ онѣ себѣ за довольную награду.

Пушешествуя мы съ Леваломѣ , побѣхали вѣ Конверію; съ окамененнымѣ и обмирающимѣ сердцемѣ ѣхала увидишь свою машь. Мы ѣхали смотрѣшь Царицу , кошорой уже красота увяла , пріятности всѣ померкли чрезѣ осмнадцать лѣтъ вѣ шемницѣ ; но по крайней мѣрѣ идемѣ дѣлать ея сокрушеніе, и доказать, колико ея дѣши , коихѣ она хощя не знала , долгѣ своего почшенія соблюдаютѣ.

Намѣ не можно было совершитѣ своего намѣренія. Левалѣ нашелѣ спражу шверду и боязливу , кошорая не позволяетѣ намѣ съ нею говорить , хощя мало ; а уже спали домогашься , что увидимѣ ее по упру рано , когда она пойдетѣ прогуливашься вѣ малень-

бой

кой садѣ. Сія вѣсшь преисполнила меня жалосши, принуждена я согласилъся и на то. Но сколько мы проклинали въ сей разѣ женщину безбожную, которая шакѣ поступала съ подобною себѣ, ближнею родственницею и ея другомѣ. Проводили насѣ ко одному высокому окошку за рѣшеткой, гдѣ мы пославлены были шакѣ, чпобѣ никто не увидѣлѣ. Увидѣли мы, чшо идешѣ она въ садѣ, хопя вся ея фигура перемѣнилась, однакожѣ еще пріятна. Сыросшь покоевѣ ослабила ея члены; ведущѣ, поддерживая обѣ ея руки, двѣ женщины, а безѣ ихѣ помощи и спущилъ бы она не смѣла. Одинѣ оспался ошовѣ въ чертахѣ ея лица; хопя на немѣ шомная блѣдность, однакожѣ не зашмила вовсе ея красоны, и величественный видѣ еще не совсѣмѣ изчезѣ. Розовый цвѣшокѣ одинѣ соспавлялѣ ея нарядѣ. Ея смиреніе, шерпѣніе, смѣшенное съ ея слабоспїю, являло ес паче проспой женщиной, нежели Царицею. Движеніе наше шоль скоро въ насѣ возбудилось,

чшо

что я не могу и описатьъ. Мы рыдали съ какимъ рвеніемъ, что покушались проломить рѣшетку желѣзную. Просили Небо, дабы намъ подало силу; паче были оторчены, видя ее, нежели тогда, какъ хошѣли ее видѣть. Я всячески старалась уполнить свои слезы, дабы не лишиться единого мгновенія наслаждаться ея зрѣніемъ; на минушу она остановилась близко того мѣста, гдѣ мы были; взглянула она въ окно наше, и услышала вопль нашъ, но его не знала; и такъ поникнувши глаза свои къ землѣ, прошла мимо. О взоръ жалосный! взоръ божественный! видѣли мы его въ первый и послѣдній разъ; вся сила моя ослабѣла, и я пала на руки сестры своей безъ памяти. Прости, Государыня, за симъ бросаю я и перо свое. . . .

Второе покушеніе, чшобъ еще ее увиѣть, подвергло Милорда великой опасности: но таковое минушное свиданіе произвело во мнѣ тысячу чувствительностей, хопя не столь силь-
но

но дѣйствовали во мнѣ, колико моя къ нему любовь. Элеонора, любезная моя Элеонора! въ семѣ дѣлѣ была повѣренною. Мы многіе дни о семѣ разсуждали планѣ; но каждый разѣ казался намѣ невозможнымѣ. Часное опущеніе Милордово о семѣ намѣ мыслишь позволяло. Онѣ, сколь можно, спарался удѣляшь время видѣться съ нами; однакожѣ я опасалась, чшобы часный отъѣздѣ его въ Кенильфорпѣ не произвелѣ какого либо вниманія Королевѣ. Часные мои ему выговоры уже выводили его изѣ перпѣнія. Желаніе мое было чаще его видѣшь. Уже замокъ казался мнѣ великолѣпною пущынею, когда его со мною не было; а когда онѣ прибудетѣ, тогда радость возбуждалась во мнѣ. Всякій покой имѣлъ своихѣ гостей, и всякій служитель за счастье почипалѣ имѣшь уваженіе къ ему.

Но чшобѣ сыскать причину ко удовольствію нашему, Милордѣ припворился склоннымѣ къ охотѣ; а по сему и не возможно было ему бышь заключену

чену въ своемъ домѣ. Я умѣла ѣздить
верьхомъ, такимъ образомъ мы и
сбѣжались съ нимъ; чего ради и ве-
лѣлъ онъ поставитъ палашку въ ро-
щѣ, гдѣ мы успокоевались, когда у-
спанемъ.

Въ одно утро я не поѣхала на
поле; проѣзжаясь, чаяла доѣхать до
учрежденнаго времени съ однимъ сво-
имъ кучеромъ, который спольже ху-
до зналъ дорогу, какъ и я. Поѣхали
мы небольшою пропинкою, на копо-
рой повстрѣчались съ однимъ верьхо-
вымъ молодымъ человѣкомъ и со мно-
гими за нимъ слугами. Онъ топчасъ
всѣмъ приказалъ очистишь дорогу и
поворошитъ въ сторону, остановясь
сшелъ съ лошади и снялъ шляпу, до-
к лѣ я проѣзжала; спросилъ моего че-
ловѣка, какъ обрѣшается Лордъ Лей-
сесперъ. Я въ сіе самое время оборо-
щилась взглянуть на него; но не удер-
жавъ лошади, ударилась головою объ
дерево споль сильно, что поводъ вы-
палъ изъ руки моей, и неминуемо у-
палабъ на сучья, естли бы сей встрѣ-

пившійся со мною не подхватилъ меня. Но когда я пришла въ память, увидѣла, что сей молодой человекъ держилъ меня за руку, и смотря на меня спрашно, спрашиваетъ меня: не ушиблась ли я? Я ему сказала: нѣтъ, слава Богу! Я его просила, чтобъ онъ подалъ мою шляпу; за что я его отблагодарила. Онъ мнѣ отвѣчалъ весьма учтиво. Желала я знать, кто бы онъ шаковъ былъ; онъ меня просилъ еще успокоиться. По отвѣдѣ моемъ простиралъ свой взоръ за мною до нѣхъ мѣстъ, какъ мы уѣхали изъ глазъ. Хотя и стыдно мнѣ было спросить человека объ немъ, однако уже я презрѣвъ все, спросила его; онъ мнѣ сказалъ, что это племянникъ Лорду, Сиръ Филиппъ Сидней. Мы продолжали путь, не зная и сами куда; наконецъ увидѣли башню замка, куда я и поѣхала; минуя наше уреченное мѣсто.

Едва четверть часа я успокоилась, какъ Лейсестеръ вошелъ въ мой покой съ великимъ смущеніемъ. „Машильда,

пильда, говоришь онъ мнѣ, не смотря на то, что я находилась въ слабости: я смертно безпокоенъ; Королева ѣдетъ Елисавета. Конечно она близко, вскричала я, и сюда пошчасъ будетъ. Она насъ почищаетъ за преступниковъ, и подозрѣваетъ, потому что ѣдетъ къ намъ нечаянно; а наѣрно примѣчаю ее потому въ подозрѣннн, что я часно оплучаюсь изъ Кенильфорша для какой либо любовницы, да не хочу ей въ томъ признасться. Давно думалъ я, чтобъ васъ переселишь въ подземелье, но теперь нѣкогда. Напротивъ того подозрѣваю Сиднея, не заразился ли онъ твоею красотою. Оспался одинъ способъ; откройся мнѣ, Машильда, что Лейсестеръ можетъ ли надѣяться на твою вѣрность? Чтобъ презрила его происки, ты можешь ли предстать предъ Королеву, и нужно, чтобъ ты предстала въ числѣ прочихъ служителей? Забывъ, что она злодѣйствуетъ твоей фамилии, представь ее яко благодѣшельницу твоему мужу.

Все забываю, опивчала ему я съ пріятностію: во удовольствіе швоего благополучія соглашаюсь сама себя принесть на жершву для любви швоей, и буду дѣлать по, что шебѣ угодно. По крови сердце мое напоено злобою къ Елисаветѣ; а по супружеству швою волю шворю.

Что принадлежишь до супружества, обнявъ онѣ меня, съ восхищеніемъ говорилъ, уже мы соединили наши сердца. Машильда! шѣмъ сдѣлаю я великое преступленіе, ешьли представлю шебя Царицѣ въ видѣ супруги, владѣющей жизнию моею, и одаренной счастьемъ такимъ, кое все мое благополучіе составляетъ.

Сладострастный и неоцѣненный часъ сей былъ для меня, что онѣ былъ увѣренъ о моемъ сердцѣ. Ахъ любезная! счастливъ Лордъ Лейстеръ, что имѣешь такую благосклонную жену.

Элеонора на все была согласна, такъ же какъ и я; осталось намъ до прибытія Королевы спараться, какимъ

кимъ образомъ согласишь видѣ съ нашими сердцами, дабы не показаться ни досадующими, ни пренебрегающими. Черты лица моего очень были сходны съ моею маперью, но и опасалась, дабы кто не примѣшилъ. Не одѣвалась такъ, какъ она, но пустила волосы напередъ и разпрепала по шею, перемѣшала ихъ, обѣ съ сестрою надѣли плаще, какъ горожанки. Дворъ и залъ осыпаны были благовонными правами, и нашыкали ими проходы, которыми пойдетъ Королева.

Какъ повѣстили изъ пушки, то ноги мои подломилась такъ, что едва я стоять могла. Мракъ покрылъ глаза мои; но накуръ отвращала я свой взоръ отъ нея. Духъ Норфольдовъ обьялъ мою внутренность. Примѣшна бы я была, если бы по счастію не замѣшалась въ толпу музыкантовъ. Для пѣнія по обыкновенію задержали завѣсъ, тогда видѣшь уже мнѣ было свободно Елисавету. Она говорила съ Лейсестеромъ, стоявшимъ позади ея креселъ. Хотя она не имѣла чертъ ма-

II 3

перь-

перьями; но расположеніе порядочное, глаза малые, но острые и проникательные, казавшіеся, что она однимъ взглядомъ все обозришь. Высокоуміе физіогномію ея наполняешъ, усмѣшка сатирическая и строгая, нарядъ ея молодова челоуѣка, грудь опирьша и накладные волосы. Сей нарядъ для насъ весьма былъ спраненъ. Я смотрѣла между придворными, найдется ли кто подобенъ Лейсестеру; но не видала никого. Въ разговорахъ его съ Королевою примѣшила я нѣчто робкое и неспокойное, и спремещающееся на нашъ завѣсъ; Обѣдъ конченъ, заиграла музыка. Послѣ нѣсколькихъ шшукъ спала тишина въ залѣ, которую прервалъ мой голосъ и сестрина люшня. Всѣ отъ удивленія обращали свой взоръ на ту сторону, откуда сей звукъ производилъ. Вспомнила я, что Королева тогда играла въ шахматы, который вынулъ у ней изъ руки. Между шѣмъ велушалась она, и молвила нѣчто Сиднею; и какъ скоро начали мы играть другую шшуку, то Сидней

ней по приказу Королевы спдернулъ занавѣсъ, и мы спали видны всѣ.

Во удивленіи и замѣшательствѣ уронила я изъ рукъ книгу, по кошой пѣла; а сестра моя, опершись на люшню, спала приспойно. Умножилось между придворными восхищеніе, и не умолкали они хвалили нашу молодоспѣ.

Въ сей самый пагубный часъ, въ разсужденіи нашей жизни, спала подозрѣвать Королева, и увѣрялась, что нашла то, чего искала. Сіе произвело мужу моему величайшую опасноспѣ.

Послѣ сего наблюдала я то, что усмопрю въ Царицѣ; но не примѣпила ни удивленія, ни радости, ибо она умѣла скрывать свои мысли. Взоръ свой метала она то на Лейсестера, то на меня, присмапривая за нами. Я сколь можно держала себя крошкко, убѣгая споль опаснаго примѣчанія. Сидней, яко исполнишель комисіи, пысячу дѣлалъ предъ нами извиненій, что онѣ не имѣшъ

мѣшѣ участвія веселиться о нашемъ замѣшательствѣ. Я бы подлинно сердилась на него, естли бы не знала, что онѣ исполнялъ волю Королевицу; и по справедливости его было не лзя ненавидѣть. Былъ онѣ, какѣ его дядя, любавенѣ, великодушнѣ, щедрѣ, поступалѣ съ нами снисходительнѣ, какѣ должно учтивову чловѣку; а при сей учтивости не удалялся онѣ нашего пола.

Но хопя врожденная спрасъ Сиднеева и мнѣ наводила безпокойство и мужу смущеніе, но признаюсь, что онѣ достоинѣ былѣ обязать женщину. Я не могу и теперѣ забыть его благороднаго поступка. Клялся онѣ мнѣ, что болѣе меня безпокойств не будешѣ; и правда, свѣдала я, что онѣ вскорѣ оставилѣ Англію, и женился на дѣвицѣ Васингамѣ, съ мыслями коей не могѣ соединитѣ свой благородный духѣ. Бѣдный Сидней! для чего ты не избралѣ въ супружество сестру мою? Она свободна, и отдадалѣ тебѣ сердце свое, достойное швоей любви.

Те-

Теперь возвращусь къ повѣствованію своему. Элисавета имѣла особливый вкусъ къ стихамъ составляющимъ ей хвалу. Нѣкто изъ придворныхъ оныя сочинилъ, называя ее Богиней, что ей весьма понравилось.

Дивилась я, что приспальнѣе другихъ смотрѣлъ на насъ Лордъ, да и самой Царяцы. Дамы Элисаветины подѣ видомъ знакомства, вывѣдывали отъ Элеоноры какова мы рода; но мы отвѣчали имъ не навѣрно. Между шѣмъ я вошла въ великой воспоргъ, примѣшя, что Лордъ Лейсесперъ взираетъ на меня такимъ взглядомъ, изъ котораго я могла понять нѣчто тайное; но дабы избѣжать заблужденія, я опошла прочь. По неизвѣстному случаю держала Королева Милорда при себѣ. Когда же онъ опшелъ, она удержала насъ; тогда вспомнила я рокъ своей матери.

По прибытіи въ замокъ, опвела она Милорда къ углу галлерей, и задавала такіе вопросы, на которые,

Томъ I.

Р

при-

примѣтно было, не зналъ онѣ, что опивѣчашь. попомѣ онѣ подошелъ къ намѣ и сказалъ мнѣ тихо: Помни, что я скажу объ васѣ предъсавя Королевѣ. Сіи дѣвицы, говоришъ онѣ, удивятся сими, когда я открою ихѣ рожденіе предъ Вашимѣ Величествомѣ. Мнѣ не было нужды прежде объявишъ имѣ сію тайну; довольно имѣ было знашъ, что я не ошецѣ, и что они законные дѣшши дому Дюдлея. По рожденію они достойны благоволенія и милости Вашего Августѣйшаго Величества. Видѣвши, что Милордѣ спалѣ на колѣно, должны были и мы. Она подала намѣ цѣловашъ свою мучительскую руку, выговоря, что пріемлетѣ насѣ въ число Спашсѣ-Дамѣ и возметѣ за упрордѣ Лейсестерѣ весьма радовался, что избѣжалѣ подозрѣнія и не помышлялѣ о сѣняхѣ, кои пославлены были уловишъ его сердце.

Таковое обстоятельство увѣрило меня, что Елисавета не могла быть извѣстна ни о чемѣ, и что мы будемѣ

демъ при ней подъ видомъ дѣвицъ, близъ ея прона, яко дѣйствительныя. Но какъ она была ревнишельна къ своимъ правамъ, то и не подвергнула бы такому же насъ жребію, каковому Екашерину. Она варварскою своею властію, лиша ея надлежащаго и законнаго права, осудила въ самыхъ цѣвнущихъ ея лѣпахъ заключить безсовѣстно въ шемницу, для чего она дерзнула безъ ся воли вышши за мужъ и имѣшь дѣшей? Весь ея нравъ не такъ бы былъ спрашенъ, еспылибъ она не помышляла изкоренишь родъ нашъ, и раззорить въ конецъ. Но не поущая въ дальнѣйшее подозрѣніе я своего мужа, пала на его руки и прижала къ своему сердцу, прося Вышнее Существо, да приметъ меня въ свой покровъ. Симъ споль пронула сердце Лейсестерово, чню укорялъ самъ себя, по чшо одинъ слѣдовалъ своему разуму; но сестра моя и я укрѣпляли его, дабы онъ пребылъ мужеспвенъ, повинуюся разуму. Довольно я наказанъ, любезная Машильда, лишившись швоего

сладоспнато собесѣдованія? Могуль жишь, чщобъ шебя я не видалъ больше? Могуль помыслишь, чщобы другую обожаешь? Ты одна моя владычица. Мнѣ извѣстно Елисаветино намѣреніе, чщобъ обезобразить всѣхъ своихъ родственниковъ. . . . И ты, любезная Элеонора, ввергнешъ она шебя въ неминуемую напасъ, будешь спрадать подобно сестрѣ швоей. Терпи моя любезная для нее и меня вообще. Можешъ бышь я не долго говорить съ вами буду; послушайте меня и па и другая, и имѣйте оспорожностъ, не вѣряя шебя никому. Имѣйте ласковостъ къ Лади Пемброкъ, никогда не забывайте, чщо вы въ глазахъ Монархини ревнивой, высокомерной и мспительной.

Тако пушились мы въ свѣшъ; мыслила я о жребіи мнѣ наступаемъ, лишилась я своего обѣщованнаго жилища, въ кошпоромѣ воскрилялись надеждою покоишься во весь мой вѣкъ. Нынѣ орошаю шокмо слезами; поѣхавши безъ Милорда, паче возчувшвовала

ла любовь законную. Бѣдные люди !
разсуждала я въ себѣ , что не пребы-
ваете въ шѣхъ мѣстахъ , гдѣ обипа-
етъ любовь , а домогаетесь шѣхъ , гдѣ
онолчается зависпъ ; худо вы знаете
спраждушя сердца , кои прикрпшы
великолѣпною надеждою ; возрите , ка-
кимъ она бываетъ раздираема оспрѣмъ .

Съ двумя персонами мы шѣсною
дружбою обязались . Были по Лади
Пемброкъ и молодая Мисъ Роза , вто-
рая дочь Милорда Бюйрлейга , кото-
рая меня обязывала корошкой друж-
бою ; доказала мнѣ любезная Мисъ Ро-
за Сесилея въ свое время , что она бы-
ла достойна любви . Также у двора она
была спранница подобная намъ ; по смер-
ши мамери своей была она пипома
человѣколюбивымъ опцемъ , которъ
льшилъ себя , что красота ея при-
влечетъ достойнато жениха , да и мо-
жетъ она найши по своему нраву . Въ
чемъ онъ конечно и не ошибался : кра-
сота ея , молодость , благоразуміе со-
спавили великую шелпу искашелей . Но ,

когда ей предложашъ супружество, она отъ сего отрицалась, къ чему ее ни же Царица не могла согласить; ибо она была очень молода.

Во время часнаго бесѣдованія моего съ Сесиліею Розою примѣшила я, что разговоръ нашъ о дядѣ моемъ Лейсестерѣ оканчивался и той и другой. Начала я внимать, что она сама часто начинала о немъ говорить; сіе уже мнѣ сомнительно стало. Когда мы всѣ вмѣстѣ бывали съ Лейсестеромъ, тогда она отъ каждого его слова краснѣла и стыдилась. И такъ не трудно мнѣ было угодать, что Роза Сесиль влюблена въ моего мужа; но я не досаждала ей ничѣмъ, дабы тайна наша не возмутила весь дворъ. Въ такомъ случаѣ я имѣла къ ней жалость, которую терпѣтъ сія юная дѣвушка. Въ одно утро пришла она ко мнѣ вся въ слезахъ съ открытымъ сердечнымъ ни обстоятельствомъ, говоритъ она, ни разности лѣтъ не удалишь меня отъ Лорда Лейсестера,

чему я весьма удивлялась, да и другимъ казалось удивительно: ахъ! моя любезная Машильда, ненависть есть варварство странное. Обращи, моя любезная, и изъпроби изъ мыслей предразсудокъ его несвойный; симъ ты еще умножишь мою къ себѣ преданность,

Каково сіе предложеніе женѣ! но по чпо говорю женѣ? любовницѣ наиболѣе снрасшной. Я отвѣчала ей ласкою за ея ласковость. Я плакала надъ нею, какъ надъ ребенкомъ. Рассказывала я ей прежнія приключенія Лейсеперовы съ Линерикою; отъ чего онъ возненавидѣлъ супружество. Да къ помужь женишься ему предлежать будешь великій отъ Елисаветы гнѣвъ. Словомъ, совѣтовала ей, чпобъ она ни мало симъ не льстила; но она на всѣ мои предложенія сыскивала убѣдительныя отвѣты. Къ великому ея сожалѣнію узналъ о ея склонности весь дворъ и Элисавета. Сіе ее споль поразило, чпо она ни къ кому кромѣ меня не прибѣгала.

Чепыре мѣсяца такъ трудно мы мучились, но Елисавета всегда глаза свои обращала такъ, что не возможно мнѣ было поговорить хотя одну мину-ту съ Лейсесперомъ. Филиппъ впо-рый, Король Испанскій, съ великою силою вооружился противу Англїи, и ожидали уже нападенія на владѣнія Арнекіи. Лордъ Лейсесперъ посланъ былъ главнымъ надъ войскомъ. Сіе съ прочими моими соспрананїи еще прїумножило печали, ошъ чего уже слѣла-лась слаба. О семъ Элеонора увѣдоми-ла Милорда, и вѣ одно время получи-ла я ошъ него небольшое письмо, ко-шорое мнѣ ошдала самолично Короле-ва. Оно имѣло такое содержанїе: *Лю-безная племянница! сестра твоя ко мнѣ ли-шится, что ты находишься въ весьма слабомъ здоровьѣ. Я думаю, что дворскій воздухъ довелъ тебя до такой слабости; почему и просиль я ея Величество цволить тебя на нѣсколько недѣль для облегченія твоей слабости въ деревню Лади Арюндель, которая приметъ тебя конечно радостно. Въ отлучкѣ твоей можетъ исполнять твою должность.*

Элеонора.

Чи-

Я читавши сіе письмо чувствовала себя охладѣвшею, мня, не содержишь ли оно какой либо шайны. Царица тогда была и сама легкою одержима болѣзнію. Подала мнѣ его съ свирѣпою миною, и дозволила мнѣ все то, чего желалъ мой дядя, попомъ я и поѣхала къ Лади Арюндели.

Приняла она меня со всеми знаками дружеслюбія и отвела покой, лежащій на самую рѣку Тамизъ, въ копоромъ была удивительная красота.

Лейсестеръ не упущалъ ни единого часа, когда только могъ оплутчиться изъ поля, чшобъ не навѣспить насъ, и всегда въ облаченіи живописца приходилъ къ намъ. Таковыя часы находилъ свободнѣе послѣ полудня, а наиболѣе вечеромъ, иногда и начевалъ у насъ. Опасаюсь, говорилъ онъ, дабы не навессть на обѣихъ насъ подозрѣнія, еспьли пробышь ему полныя сушики.

Я опасалась, чшобы злобные шпїоны не опорочили Лейсестера; а ѣхашь

ко двору весьма я упорствовала, но наконецъ принуждена была. Объявила я Милорду, что скоро побѣду; писала я къ Элеонорѣ, дабы она увѣдомила меня, что говорятъ у двора о моемъ опсудствіи. И такъ поѣхала яко жертва, приносимая ко Олшару.

По прибытіи свѣдала, что Роза Сесиль оставила Лондонъ по повелѣнію отца ся, который за то разсердился, для чего она не соглашалась съ прибытною паршіею; велѣлъ ѣхать ей въ деревню, гдѣ объявилъ, что до той поры не будетъ свободна, доколѣ его не послушаетъ.

Новый бунтъ возсталъ въ Индерландахъ, паки Милордъ шуда послалъ опѣ Двора; еще я начала грустить, да къ тому присоединилось другое безпокойство и досадило до крайняго изнеможенія. Съ той поры какъ явилась ко двору, почувствовала, что имѣю залогъ супружества въ моихъ нѣдрахъ.

Несчастливый плодъ! рожденіе
швое есшь предзнаменованіе несчастія
швоей мапери! воспишаніе ужасное
швоего сущесшвованія! какъ и гдѣ про-
изведу тебя на свѣтъ! Бѣжимъ по-
спѣшно, доколѣ намъ отверсны двери.
Бѣжимъ, любезная Элеонора! пусть ук-
роешь насъ Лейсестеръ отъ глазъ Ели-
савсны. Воображаю ежечасно, что
она проникнетъ нашу шайну, и что
предстоитъ ужасная мнѣ смерть подѣ
разными видами.

Сестра моя, будучи разсудкомъ
здравѣе, предвидѣла, сколь бы опасенъ
былъ побѣгъ нашъ. Ты ли мнѣговари-
вала, сударыня, что сѣишь виду ша-
кихъ людей, кои не мыслятъ сдѣ-
лать тебѣ какое либо зло? Ты не
выхаживала никуда, чтообъ не окру-
жена была шолпою людей. Инынѣ ка-
кимъ же образомъ отваживаешься пу-
ститься въ опасный путь искашь
Лейсестера и паче возбудить гнѣвъ
Царицынъ. Въ какомъ мы мѣсте мо-
жемъ отъ нее укрыться.

Я утвердилась на благоразумномъ разсудкѣ сестры моей и пошчасъ описала къ Лорду о соспоянїи своемъ, извѣщая его о всемъ подробно. Сїю шайну поручила Лади Арюндели. Въ одно утро, какъ мы были съ Элеонорою одни, услышали необыкновенный стукъ въ нашу дверь. Я увидѣла Лорда обуша въ сапоги и разшрепаны волосы, видъ отъ усталости изнуренный. Съ ужасомъ бросилась я въ его руки, сирашивала, за чемъ и какъ онъ въ Лондонъ прїѣхалъ и явился въ наши покояхъ? Я прїѣхалъ, говорилъ онъ, увидѣться съ вами, васъ избавишь. Мнѣ показалось не нашурально, чтобъ оставишь однихъ удрученныхъ спрахомъ и печалїю? Опри швои слезы, моя любезная! я съ вами? Ахъ! Лейсестеръ вскричала я, ты пришолъ себѣ на погибель.

Не бойся ничего, говоритъ мнѣ спокойнымъ духомъ; болѣе ничего не будетъ, какъ узнаюшь о нашемъ супружествѣ и швоемъ рожденїи. Клянусь,

нусь, чтобы такое ни приключилось, но себя я не покину. Сей страхъ ничто есть. Я презираю аки сонъ весь свой случай и свою форшуну. Гоповься сей же день ѣхашъ во Францію, гдѣ обрѣшу я источникъ не зависимый всѣхъ благодарнѣй Королевиныхъ; нынѣ съ себя снимаю маску и желаю, дабы Машильда наслаждалась веселіемъ. Гоповьнешь, мои друзья, въ сей же вечеръ пришлешъ карету Лади Арюндель, и поѣзжайте осторожно, доколѣ Королева не провѣдала; а я скажу ей, что свѣдалъ о ея болѣзни, попому оплучился.

Разположеніе Лейсестера уполило мою боязнь и ободрило меня. Въ жизнь мою шакіе случались нашествія, что поспигли оныя меня яко ужаснѣйшіе сны и разумъ мой шеспивовалъ яки по нишкѣ.

Елисавета нѣсколько дней не выходила изъ комнашъ своихъ; но какъ свѣдала, что Лейсестеръ пріѣхалъ, шо приказала ему бышь рано по ушру. Элеонора уже была въ ея покояхъ, и
нѣ-

нѣсколько дамъ, которые вышедъ ска-
зали, что Королева хочеть оспашься
сѣ Лейсесперомъ однимъ, сестрой мо-
ей и мною. Сѣ препеномъ вошла я
въ покой. Лордъ Лейсесперъ самъ по-
му удивился; но далъ мнѣ знакъ гла-
зами, чтобъ я сѣла на стулъ, стоя-
вшей въ шемномъ углу. Я сѣла, а
подлѣ меня Элеонора. . . . Лейсесперъ,
говоришь ему Королева гласомъ пом-
нымъ, неожидаемый швой прѣздъ во
время моей болѣзни ешь знакъ швоей
любви. . . Я довольно испытала швою
преданность сѣ молодыхъ лѣшъ шво-
ихъ. Сказавъ пакъ, окинула глазомъ
всѣхъ насъ проихъ какъ быстрая мол-
нѣя. Теперь не имѣю такихъ злодѣевъ,
какихъ бы я могла опасаться. Теперь
могу поступать по склонности швоей
и моей, не подвергая себя и моихъ под-
данныхъ опасности. Свѣдала я, что
составляется новый комплотъ, дабы
свободить Марію. Я надѣюсь разру-
шить ихъ надежду и ея сообщниковъ.
Я рѣшилась сочешась сѣ тобою;
вешъ тебѣ рука Елисаветина, компо-
ра

рая не имѣшѢ надѢ побою власпи, какѢ вручишѢ шебѢ свое сердце. ЛордѢ ЛейсесперѢ пробормошавѢ нѣсколькѢ словѢ, сѢ жадносшю поцѣловалѢ руку. Она спремительно взирала на насѢ. КакѢ можно описать сей ея взорѢ! Я вижу, говоритѢ она, швос смущеніе, и мое намѣреніе шебя удивляетѢ: но ободрись, еще шеперь я слаба; а чрезѢ восемь дней надѣюсь пришии вѢ соспояніе и рѣшиши швою судьбу.

По семѢ благодарилѢ онѢ Королеву, просилѢ позволенія уволитѢ для ошвращенія смущенія, а я за нимѢ же пошла вскорѢ и примѣшила, что онѢ стоитѢ вѢ углу галлерей и говоритѢ сѢ ЛордомѢ БрокомѢ; потомѢ прошла вѢ свою комнашу, а Элеонора ошталась при КоролевѢ.

ЧрезѢ полчаса одинѢ лакей вшедѢ, говоритѢ мнѢ, что кареша Лади Арюндели меня дожидается, да и проситѢ, чтообѢ не медля я ѣхала. Инаго не пришло мнѢ вѢ умѢ, какѢ ЛордѢ пе-
ре-

ремишилъ свою мысль и ждешъ меня шамъ, дабы обще посовѣшовашь о какомъ либо дѣлѣ; я поѣхала и нашла своего мужа, чпо онѣ уже шамъ. Чпо пы Машильда одна, а Элеонора гдѣ... Ударя себя по головѣ, палъ на креслы вскричавъ: лукавица! ахъ обманщица, Елисавета! и я увидѣла первый разъ въ жизни шакъ его горько плачущаго.

Прошу подумашъ, въ какомъ я иногда была состоянїи. Чпшай Машильда, говорившѣ онѣ, подавши мнѣ письмо; я его чпшала, шакъ въ немъ было писано: „Бѣгише, спасайшесь Лейсесперѣ, возспала сильная буря, посланы всюду повелѣнїя, чпобѣ всѣ изходы для васъ проихъ были запершы, а Кенильфоршѣ уже и запершѣ; окаменѣли мы онѣ ужаса. Разговорѣ нашѣ состоялѣ въ неуиѣшномѣ рыданїи куда дѣвлася Элеонора!

Въ шакомѣ замѣшательствѣ вспо-
мнила я о подземелье. Сей одинѣ спо-
собѣ былѣ, о кошоромѣ я предложила

Ми-

Милорду. Лади Арюндель, дражайшій нашъ другъ, обѣщалась сама ѣхать ко двору опыскашь Элеонору, ежели естъ еще время. Мы оставили при ней Левала, чшобы ее препроводишь до подземелья. Тамъ могли бы мы расположишья, какимъ бы образомъ уѣхать во Францію; на семъ положеніи мы и основались. Лади Арюндель приказала изгошовишь лошадей. Мы поѣхали одни. Я одѣлась креспьянкою, а онъ живописцемъ. Увы! симъ расположеніемъ мы были довольны.

Прежде захожденія солнца мы доѣхали до одного шелаша близъ свяпашго Албана, гдѣ Милордъ чаялъ, чшо уже мы въ безопасности. Тутъ мы желали отдохнушь, въ чемъ я имѣла нужду. Креспьянинъ и жена его приняли насъ любезно; однакожъ присматривали насъ по лицамъ, чшо мы имѣемъ нѣчто скрытое. Рано по утру разбудила я Милорда, чшобы намъ тихонько уѣхать и не вѣжжашъ ни въ одинъ домъ. Мы поѣхали скоро, про-

Тамъ I.

С

би-

бираясь проселочными дорогами, копорья Милордѣ зналъ. Я очень чувствовала усталость, но не смѣла открыться; потому что весь прошлый день не ѣла ничего, кромѣ что выпила у вспрѣпившейся дѣвки парнаго молока спаканѣ. Наконецъ достигли мы пригорка, копорый былъ при монастырѣ свяшаго Викеншя. Мѣсто сіе я коротко знала. Чувствовала я, что оно влагаетъ воспоминавіе о жительство, въ копоромъ я питома была съ сестрою; оно казалось намъ Парнасомъ. Рѣка текла плавно, не наводя ни какого шуму плавамъ. Нѣжный зефиръ едва касался распуцшихъ при берегахъ Ивъ. Пурпуровое солнце сіяло на всю нашуру. Все сіе радовало мое сердце, и умолкли всѣ несчастія.

Здѣсь, вскричала я, поведемъ жизнь крошкующую и счастливую, Лейсестеръ! для чего минуемъ мы такихъ рѣдкихъ мѣстъ? Не могли ли бы мы сыскашь во кругѣ здѣшнихъ жителей всего нужнаго. Конечно мы идемъ видѣшь на-
шего

шого почтеннаго спарца, опца Анпонія, въ семъ подземномъ жилищѣ! Съ какимъ радостнымъ восхищеніемъ насъ онъ примѣшъ! . . . Съ какимъ соболъзнованіемъ онъ насъ увидишъ незапно вшедшихъ! . . . Можешъ ли онъ перенести сіи радостные часы?

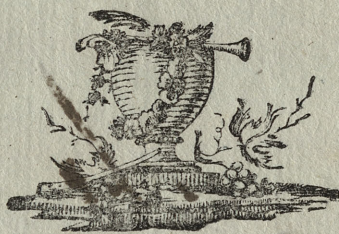
Уже прѣѣжаемъ мы ко входу нашей пещеры. Лейсестеръ привязываетъ лошадей въ лѣсу въ скрытномъ мѣстѣ. Идѣмъ пеши въ самыя сумерки. Я разсудала молчать до шѣхъ поръ, какъ Лордъ встрѣнится съ опцомъ Анпоніемъ. Можешъ бышь по незапноспи не вынесешъ его древность таковаго случая. Но что же случилось? Услышала я голосъ мнѣ неизвѣстный возпредающъ входъ нашъ. Сіе возвѣстіе потревожило мое сердце; ухватила я за руку Милорда; а онъ громко вопросилъ, гдѣ опшельникъ? Онъ, опвѣчаетъ чловѣкъ, уже десять дней погребенъ при гробахъ Фамилій Скроповъ. Я осшался здѣсь спрещи небольшие его оспашки.

Такимъ образомъ наша надежда исчезла. Куда намъ дѣваться, говорила я, залившись слезами? Бѣдные бѣглецы! откуда ожидаешь помощи? Если бы мы жили въ Лондонѣ, то бы дружба и деньги можешъ помогли намъ доставить убѣжище; но и здѣсь узнаютъ такъ какъ въ Лондонѣ. Владѣльцы Викеншія скажутъ объ насъ непременно. . . . Увы! Лейсестеръ, какъ ты спраждешь за меня! . . . Но вошше я пекуся! сила моя ослабѣла, принуждена пасшь на голую землю. Боже! Лейсестеръ возопилъ, схватя меня руками, любезная Машпльда, обойдемъ лѣсѣ; жипели сего мѣспа конечно не знали шайны опца Аншонія . . . Кто знаетъ, чшо мы не предупѣемъ опворить двери гробницы? Надлежитъ ободритья, моя любезная; я благонадеженъ, чшо Небо намъ поможешъ.

Ослабѣвъ опъ шруда и худой пици, нудила себя слѣдовать Милорду, но споль медленно и слабо, чшо уже мочью мы подошли къ пещерѣ по догадкѣ;

гадкѣ; она отворена спояла. Вскричала я съ великою радостію: поди сюда, Лейсеперъ! поди, я тебя проведу! Подшелъ онъ и ухватилъ за руку меня, и я едва прошла шага чешыре, вдругъ схвачена была немалымъ числомъ людей, которые зажали мнѣ ропъ, мѣшая кричанъ, и я пала имъ на руки, бывъ въ обморокѣ.

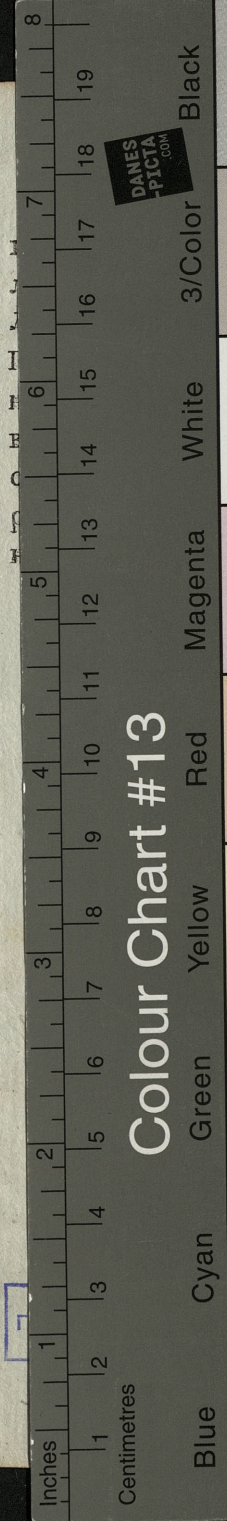
КОНЕЦЪ
перваго Тома.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

32202-0

Кн: 40380

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

DANES-PICTA.COM

207
Вскрича-
и сюда,
роведу!
уку ме-
чешыре,
иМБ чи-
ли иМБ
ала иМБ

1788

München

M. S. 1. 1. 1.

Inv. 6118

